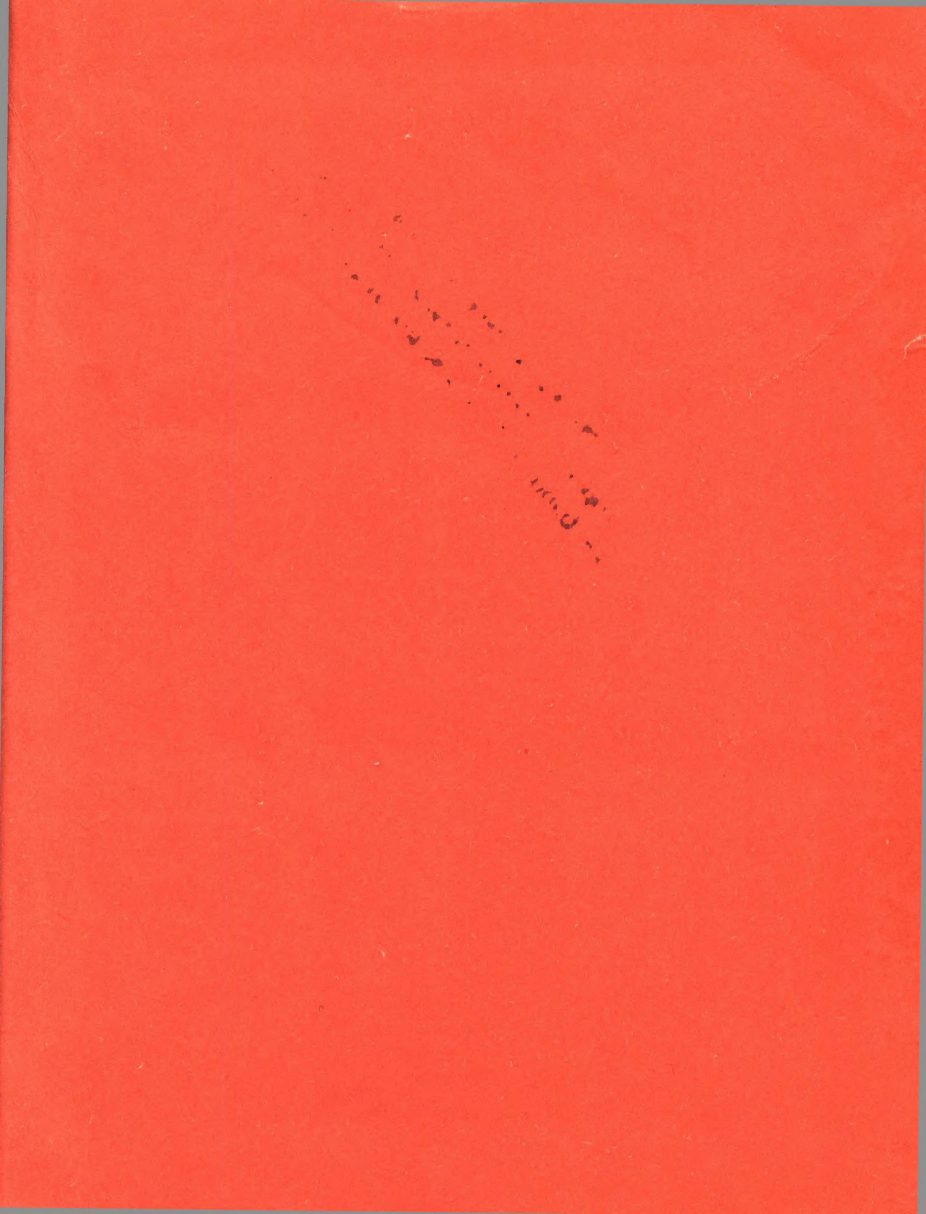

Николай Алексеевич
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Всем
2ого смене
ударников
коммунистическо
го труда

28.IV.75 г.

В.В.Колотов

Николай Алексеевич *ВОЗНЕСЕНСКИЙ*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1974

Колотов В. В.

К61 Николай Алексеевич Вознесенский. М., Политиздат, 1974.

351 с. с ил.

Биографическая повесть В. Колотова, многие годы проработавшего вместе с героем этой книги, воссоздает жизненный путь замечательного человека, верного коммуниста-ленинца Николая Алексеевича Вознесенского. В 15 лет Вознесенский вступает в комсомол, в 16 — в партию большевиков, в 21 год — получает университетское образование; в 32 года он уже признанный ученый, а в 34 — руководитель экономического штаба Советского государства — Госплана СССР; в 37 лет — первый заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, в 39 — академик, в 43 года — член Политбюро ЦК ВКП(б). Сильный, не терпящий компромиссов характер; верность идеям марксизма-ленинизма; незаурядный талант ученого-экономиста, без остатка отданный служению этим идеям,— вот слагаемые, которые легли в основу яркой, насыщенной большими делами и свершениями жизни Н. А. Вознесенского — видного партийного и советского государственного деятеля.

К $\frac{10604-096}{079(02)-74}$ 238—74 **33С1+3КП1(092)**

От автора

Книга, предлагаемая читателю, посвящена жизни и деятельности одного из выдающихся руководителей Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства — Николая Алексеевича Вознесенского.

Н. А. Вознесенский принадлежал к славной плеяде талантливых взращенных ленинской Коммунистической партией в условиях социалистического строительства руководителей большого масштаба, которые творчески развивали неугасаемое учение Маркса — Ленина и практически претворяли его в жизнь.

Вступив шестнадцатилетним юношей в ряды Коммунистической партии, Н. А. Вознесенский за 20 лет прошел путь от ученика столяра и наборщика до председателя Госплана СССР и первого заместителя председателя Совета Народных Комиссаров великой Советской державы.

В тридцатисемилетнем возрасте Н. А. Вознесенский избирается кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), в тридцать девять лет становится действительным членом Академии наук СССР, имея ученую степень доктора экономических наук.

Из книги читатель узнает о многих волнующих событиях 20—40-х годов нашего века, связанных с жизнью и работой Н. А. Вознесенского.

В основу книги положены материалы, хранящиеся в Центральном государственном архиве народного хозяйства СССР, Центральном государственном архиве Октябрьской революции, партийном архиве Тульского обкома КПСС, архиве Академии наук СССР, архиве Госплана СССР, а также научные труды Н. А. Вознесенского.

Большой вклад в дело написания книги внесли старые коммунисты, ныне персональные пенсионеры, Н. М. Днепрова, М. Б. Равич, А. Г. Никитин, М. Д. Белокопытов, Г. Ф. Волошин, хорошо знавшие Н. А. Вознесенского в течение ряда лет в различные периоды его жизни, поделившиеся с автором своими воспоминаниями.

Ценную помощь при работе над книгой автору оказали супруга Н. А. Вознесенского — Мария Андреевна Вознесенская и его младшая сестра кандидат экономических наук Валентина Алексеевна Вознесенская.

В книге использованы воспоминания работников Госплана СССР — М. Н. Алексеева, А. С. Амозовой, Г. С. Быкова, Я. Г. Глубоковой, Н. С. Заливакина, В. М. Ильина, Л. А. Наумовой, В. В. Рябухина, А. Ф. Шалина, М. А. Ямпольского, доктора экономических наук Л. М. Володарского и школьных товарищей Вознесенского — Г. П. Белоскурскова и К. И. Стрельниковой.

Ценные замечания и советы в процессе работы над книгой автор получил от соратников и ближайших помощников Н. А. Вознесенского — бывшего первого заместителя председателя Госплана СССР, доктора технических наук А. Д. Панова, бывших заместителей председателя Госплана СССР — А. Ф. Зеленовского, К. П. Касаткина, А. П. Ковалева, А. В. Коробова и И. Е. Опарина, бывшего управляющего делами Совнаркома СССР и Совета Министров СССР, доктора экономических наук

Я. Е. Чадаева, бывших помощников председателя Госплана СССР С. А. Гурвича и С. А. Захарова, члена коллегии Госплана СССР М. Г. Первухина, бывших помощников заместителя председателя Совнаркома СССР А. С. Болдырева и Н. Г. Вавилова, бывшего начальника управления Госплана СССР, профессора Е. А. Руссаковского, бывшего начальника управления Госплана СССР, кандидата экономических наук В. С. Куротченко, бывшего начальника отдела Госплана СССР, доктора экономических наук С. И. Семина, бывшего начальника отдела Госплана СССР И. И. Москаленко, бывшего начальника Главполиграфиздата при Совете Министров СССР Л. П. Грачева и бывшего уполномоченного Госплана СССР, кандидата экономических наук М. Г. Татевосяна.

При написании книги необходимую консультацию автору оказали работник ЦК КПСС, кандидат экономических наук Л. А. Вознесенский, научный сотрудник Академии наук СССР А. П. Епифанова, руководитель отдела Центрального государственного архива народного хозяйства СССР А. А. Новикова, начальник архива Госплана СССР А. М. Яблочкова и ученый секретарь научно-методического Совета ЦСУ СССР С. К. Белоус.

Рабочие Енакиевского завода — Ц. М. Скибинская, П. П. Ильин и М. Т. Седлерова, бережно храня память о пламенном пропагандисте и партийном вожаке Енакиевского металлургического завода Н. А. Вознесенском, также прислали автору свои воспоминания и ценные фотоснимки.

В книге использованы личные воспоминания автора, который проработал бок о бок с Вознесенским в течение одиннадцати лет в качестве заведующего его секретариатом в Госплане СССР, Совнаркоме СССР и Совете Министров СССР.

Автор глубоко благодарен всем товарищам, оказав-

шим помощь в работе над биографической повестью о Николае Алексеевиче Вознесенском. Особую признательность выражает Марии Андреевне и Валентине Алексеевне Вознесенским. Только благодаря коллективным усилиям многих людей удалось воссоздать биографию и образ Н. А. Вознесенского.

Н. А. Вознесенский оставил глубокий след в памяти людей, знавших его близко, работавших под его руководством и вместе с ним. Бывший министр финансов А. Г. Зверев в своей книге воспоминаний пишет: «Председатель Госплана Н. А. Вознесенский... был очень сильным руководителем Госплана, мыслил масштабно и смело, глядел далеко вперед. Настоящий государственный деятель...» [1].

---

[1] *А. Г. Зверев.* «Записки министра». М., 1973, стр. 229.

...Тихо.

Так тихо, что отчетливо слышен стук наручных часов.

Близится полночь...

Непривычно большой стол.

Непривычно большой кабинет.

Непривычно звучит пока и новая должность — заместитель председателя Госплана СССР... Ко многому придется привыкать. В том числе — и к огромной ответственности, возложенной на него этой должностью.

«План капитальных вложений...»

Николай Алексеевич поймал себя на том, что уже в который раз начинает читать один и тот же документ. Рассеянность? Она ему не свойственна. Усталость? Нет, не то...

Поднявшись, он отодвинул стул, прошелся по кабинету.

За окном медленно, словно нехотя, падали крупные снежинки... Декабрь...

Несколько дней назад ему «стукнуло» тридцать четыре.

«Больно уж молод!» — эту мысль он явственно читал в глазах некоторых госплановцев. Улыбнулся,

вспомнив афоризм: «Молодость — недостаток, который с годами неизбежно проходит».

Николай Алексеевич вышел из кабинета в приемную.

Дежурный секретарь — совсем еще юноша с торчащим вихром на макушке — вскочил, поспешно задвинул ящик стола.

— Что-нибудь нужно, Николай Алексеевич?

— Да нет, ничего,— ответил он и, помедлив, спросил с улыбкой: — Что читаете?

Юноша покраснел и ответил не сразу:

— «Овод»...

— Книга сто́ящая. Зачем же ее в ящик прятать? Положите на стол — так удобнее.

Двойные двери в кабинет председателя распахнуты настежь. В кабинете тихо и сумрачно. Едва заметно мерцает в темноте стеклянный абажур настольной лампы.

Николай Алексеевич вышел в длинный коридор, залитый неярким светом ламп, заключенных в молочно-белые плафоны.

Ковровая дорожка скрадывает шаги.

Массивные дубовые двери...

Отдел машиностроения, отдел транспорта и связи, отдел сельского хозяйства...

Пройдясь по коридору, размявшись, Николай Алексеевич вернулся в приемную.

Дежурный секретарь что-то усердно (слишком усердно!) писал. Закрытая книга с аккуратной закладкой между страницами лежала на столе.

— Не звонили? — спросил Николай Алексеевич.

— Нет. Никто не звонил.

В пустом председательском кабинете что-то ожило, мягко зажужжало — и раздался мелодичный перезвон старинных часов. Половина двенадцатого...

Николай Алексеевич прошел к себе, сел за стол.

Надо сосредоточиться... Почему Госплан занимается только непосредственно планированием? А проверка, контроль выполнения?..

В этот момент раздался гудок аппарата правительственной АТС.

Николай Алексеевич снял трубку.

— Товарищ Вознесенский? (Слегка заикающийся, знакомый голос — Молотов). Завтра в двенадцать дня — ваш доклад о порядке и сроках дальнейшей работы по составлению народно-хозяйственного плана на 1938 год.

— На заседании Совнаркома?

— Да. На заседании Совнаркома.

— Но, товарищ Молотов... Этот доклад должен был делать председатель...

— Да, председатель. Вы, Николай Алексеевич, и должны сделать доклад как **председатель Госплана...** Ваша кандидатура на этот пост согласована с товарищем Сталиным. В ближайшие дни вопрос о назначении вас председателем Государственной плановой комиссии будет передан на рассмотрение в ЦК партии и правительство.

Новость ошеломила.

— Есть вопросы? — спросил Молотов.

— Нет, Вячеслав Михайлович.

— Тогда — до завтра.

— Да... Завтра в двенадцать...

— Ровно в двенадцать.

...Вознесенский не сразу положил трубку.

Помедлив, нажал кнопку звонка.

Дежурный секретарь появился тут же, словно ждал за дверью.

— Попросите ко мне начальников отделов и немедленно разошлите машины за ведущими специалистами.

Секретарь вышел.

Нужно сосредоточиться на одном: завтра в двена-

дцать!.. Вознесенский взглянул на часы. Нет, уже сегодня! Времени в обрез. Мелькнула мысль: достаточно ли опыта? До прихода в Госплан он руководил городской плановой комиссией Ленинграда. Но там создавался план лишь местного хозяйства города, пусть большого... Сегодня же речь идет о государственном плане всей страны с ее огромным и разнообразным многоотраслевым хозяйством!..

В кабинет один за другим входили начальники отделов.

Сегодня в двенадцать — доклад на заседании Совнаркома...

Через одиннадцать часов...

Юность дается человеку только раз в жизни, и в юности каждый доступнее, чем в другом возрасте, всему высокому и прекрасному.

В. Белинский

Оглянись вокруг и скажи...

Шел урок закона божьего.

Отец Никодим считал себя большим оригиналом, да, пожалуй, и был таковым. Несколько лет назад он без всяких на то причин сбрил бороду, за что имел большие неприятности, хоть и задал архиерею резонный вопрос: «Где, когда и кем сказано или записано, что священнослужитель должен быть бородат?» Архиерей на вопрос не ответил, однако лишил отца Никодима прихода, и тому пришлось до времени, пока отрастет борода, служить псаломщиком. Уроки отец Никодим вел со вкусом, энергично тряс вновь взращенной бородой, громыхал басом, задавая ошарашенным ребятишкам неожиданные вопросы.

— Для чего человеку язык дан? А? Вот ты скажи...

Поднявшийся из-за парты худенький мальчик с невыразительными прозрачными глазами ответил бойко, не задумываясь:

— Язык дан, чтобы возносить молитвы к престолу всевышнего...

— Дурак! Садись. Двойка! Истинную молитву трескотней языка не заменишь. Истинная молитва — в душе, в сердце, на худой конец — в печенке, но не на

языке. Понятно? А язык дан человеку, чтобы он мог в отличие от скотины не только увидеть все сущее и увязать воедино, но и выразить это словом. Понятно, потомки неучей? Та-ак...

Отец Никодим склонился к журналу и повел узловатым пальцем по списку учеников. Класс притих.

— Вознесенский Николай!..

Из-за парты неторопливо поднялся коренастый крутолобый мальчик с прямым, ясным взглядом.

— Так вот, Николай, сын божий... Оглянись вокруг и скажи: что ты видишь?

— Вас вижу.

— Меня? Так... Весьма приятно. Еще что?

— Окно вижу.

— Так-так... А за окном что?

— За окном? Тоска смертная!

В классе всплеснулся смешок и тут же замер.

— Так-так...— задумчиво протянул отец Никодим.— Резонно! Однако...— Он долго тер пальцем переносицу, размышляя.— Садись. Двойка! Слишком глубоко глядишь. Не по возрасту!

За окном школы тянулась унылая улочка захолустного города Черни. Подгулявшие приказчики поймали безобидную дворнягу и с мрачным весельем прилаживали к собачьему хвосту связку пустых банок...

Город Чернь ничем особенным не отличался от многих уездных городков России. В нем не было ни развитых ремесел, которыми славились иные русские города и поселки; ни памятников старины — свидетелей исторических событий минувших веков; ни шумных торговых ярмарок... Словом, это был ничем не примечательный тихий, пыльный, уездный город, каких немало встречалось на русских просторах. Он вырос постепенно из торгового села, расположенного на большом тракте, который тянулся от Москвы на юг. В городе насчитыва-

лось несколько десятков улиц и переулков, по обеим сторонам которых стояли одноэтажные деревянные дома, смотревшие на окружающий мир небольшими подслеповатыми окнами с резными, причудливо разукрашенными наличниками. Быт города определяли мелкие купеческие лавки с нехитрыми товарами и постоялый двор с кабаком, где можно было приобрести водку в неограниченном количестве враспив и на вынос.

Небольшая столярная мастерская, кустарная типография, кирпичный и спирто-водочный заводы не могли обеспечить работой всех горожан, поэтому часть из них вынуждена была заниматься сельским хозяйством, разводя скот, птицу, засевая рожью и овсом близлежащие к городу участки земли.

Сюда в Чернь, на улицу Покровскую, ничем не отличавшуюся от других, и привез в 1910 году Алексей Дмитриевич Вознесенский свою семью. Высокий, с впалой грудью и выпирающими вперед костистыми плечами, он первым вошел в неказистый бревенчатый дом, остановился посреди горницы, смахнул с лица налипшую паутину, сказал:

— Ну вот... Здесь будем жить.

И зашелся тяжким, изнуряющим кашлем.

Приступы такого кашля стали душить его давно...

До переезда в уездный город жили они в селе Теплом, неподалеку от Черни. Алексей Дмитриевич работал младшим приказчиком у лесопромышленника Соколова: наблюдал за работой артельщиков-лесорубов, отводил делянки, принимал от старшего артельщика нарубленный лес и отправлял его по распоряжению хозяина.

Жили скудно. Алексей Дмитриевич иной раз удивлялся тому, как ухитряется жена, Любовь Георгиевна, сводить концы с концами. Дальше — хуже: семья росла, а жалованье не прибавлялось.

Первым у Вознесенских появился сын Александр, затем — дочь Маша.

1 декабря 1903 года родился еще один сын, названный Николаем.

Спустя два года появилась на свет младшая дочь, Валя.

Но не скудная, полуголодная жизнь была причиной переезда в Чернь. Алексей Дмитриевич не тешился иллюзиями, знал, что жизнь в городе и новая работа достатка в дом не принесут. Его беспокоила судьба детей. Не имея образования и настоящей, надежной профессии, Алексей Дмитриевич хорошо знал цену куску хлеба. Детей надо учить, решили они с женой — и поднялись с насиженного места...

Алексей Дмитриевич устроился работать на единственном в городе лесном складе, принадлежавшем прежнему его хозяину — купцу Соколову.

А главное — определили в школу старших детей.

— Вот выучится наша Манечка,— говаривал Алексей Дмитриевич,— станет учительницей, и я при школе буду, сторожем.

Дальше мечты этого надломленного жизнью человека не шли.

Начал постигать азы грамматики и семилетний Николай.

Каждое утро четверо Вознесенских выходили из дома. Несколько кварталов шли вместе, потом расходились: Алексей Дмитриевич шел к себе на склад, Александр, Маша и Николай — в школу. Дома хозяйничали Любовь Георгиевна и пятилетняя Валя. Жизнь постепенно входила в новое русло...

Шло время, и мать стала с тревогой приглядываться к Николаю. Что-то происходило с мальчиком, странное возбуждение временами овладевало им... Однажды шли по улице в тихое полуденное время, и Коля вдруг, ни

с того ни с сего издал дикий воинственный клич, заложил в рот пальцы — и пронзительный свист переполошил окрестных собак.

— Ты что, ошалел? — одернул его Александр.

Коля засмеялся и ничего не ответил. Если бы он и захотел, то не смог бы тогда объяснить причины своего поступка, в основе которого был наивный мальчишеский протест против сонливой обывательщины, задавившей город.

— Мама, почему мы так скучно живем? — спросил однажды Николай.

Та не нашла, что ответить...

Унылое однообразие будней изредка нарушалось появлением углевоза. Его зычный голос был слышен издалека...

— Кому углей? Кому углей? — нараспев выкрикивал углевоз.— Налетай, хозяюшки! Подходи, сударушки! Эге-гей, кому углей?! Разбирайте поскорей!..

Убогая лошаденка тащила телегу с коробом, наполненным древесным углем, а на передке телеги во весь рост стоял бородатый, черный как негр от угольной пыли веселый человек, щедро и с улыбкой рассыпая прибаутки. И казалось — нет на свете занятия веселей, чем развозить уголь для топки самоваров, будить сонные улочки зычным криком:

— Кому углей, подходи живей! Эге-гей!..

Однажды отец подошел к углевозу и, покашливая в кулак, стал расспрашивать про угольный промысел. Тот стал рассказывать, и улыбка медленно сползла с его лица, глаза посуровели. Выжиг угля служил подсобным промыслом части уездного крестьянства. Работа черная, а прибыль — грошовая. Да к тому же еще поборы, штрафы... Алексей Дмитриевич слушал и горько покачивал головой — нет, не видел он здесь возможности приработка, чтобы вывести семью из нужды. А здоровье

становилось все хуже: по ночам душила астма, а днем одолевала слабость и апатия...

Вечером Алексей Дмитриевич тихо, чтобы не мешать детям, занимавшимся при скудном свете керосиновой лампы, беседовал с женой. Грустно и уже в который раз Алексей Дмитриевич рассказывал об унижениях, которые приходится терпеть от хозяев, а возразить — не смей, и так уже поговаривают, что работником он стал никудышным. Да и то правда — какой из него работник с этой хворобой треклятой!.. Потом заговорили о повседневных заботах: о прохудившихся ботинках старшего сына, о долге лавочнику и о том, что придется сызнова ему поклониться — иначе как до получки дотянуть?..

— Нельзя так жить! — раздался вдруг напряженный мальчишеский голос.— Так жить не надо!..

На них смотрел Коля. Глаза его были расширены, губы дрожали: вот-вот или расплачется или закричит...

Александр и Маша, оторвавшись от учебников, удивленно смотрели на младшего брата.

Некоторое время в горнице стояла тишина.

Потом Алексей Дмитриевич сказал:

— Вот что, сынок... Мы с матерью не живем, мы доживаем. А вам — жить...

Он хотел еще что-то сказать, но кашель не дал. Любовь Георгиевна побежала за настоем из трав, напоила отца, уложила в постель. Но кашель не унимался.

...Коля долго не мог заснуть, жалея отца и наливаясь ненавистью к его хозяевам, к лавочнику и еще к чему-то... Это «что-то» было неопределенным и страшным. Это «что-то» не имело права существовать.

— Коля!

— Колька!..

Никто не отозвался на крики.

Постояв у калитки, два подростка вошли во двор, постучали в дверь дома.

Отворила Валентина.

— А Коли нет дома, он только что здесь был, во дворе...

— Куда же он подевался?

— Не знаю...— В уголках рта у Вали пряталась лукавая улыбка: она знала, где Николай, да тот не велел говорить приятелям.

Прикрыв ладонью глаза от яркого июньского солнца, один из подростков осмотрел маленький дворик: спрятаться вроде бы негде. Разве что... Он решительно направился к баньке, стоявшей в глубине двора. Туда обычно забирался Николай и читал.

Чтение было его страстью. Но далеко не всякая книга могла увлечь Николая. Сентиментальные и наивные историйки, издававшиеся в те времена для детей, оставляли его равнодушным. Мало привлекали его и приключения кумира подростков тех лет — сыщика Пинкертона. Николай любил читать о людях характера разбойного, о людях сильных, не способных мириться с несправедливостью. Позже отбор стал жестче, целенаправленнее...

Хорошую книгу Николай предпочитал любому развлечению, в том числе и буйным играм подростков на близлежащем пустыре. Но что за игра без Кольки — заводилы, выдумщика и фантазера? И приятели направляли гонцов на Покровскую улицу...

— Колька! Ты где?

На этот раз его не было и в баньке.

Николай нашел новое, надежное убежище. Удобно устроившись в развилке мощных ветвей огромного дуба, росшего во дворе, скрытый его кроной, он читал, не слыша зова приятелей, не замечая времени. Книга

попалась ему удивительная... Сестра Маша дала ему эту книгу «под секретом»... Называлась она коротко: «Овод».

Здоровье отца вызывало все бóльшую тревогу у близких. Александр часто наведывался к отцу на лесной склад, помогал как мог, провожал Алексея Дмитриевича домой. Глядя однажды, как отец выписывает накладную, Александр спросил, почему он пишет слово «лес» через «е».

Горькая улыбка тронула губы Алексея Дмитриевича.

— Эх, сынок,— сказал он,— за такое копеечное жалованье да еще «яти» выписывать!

За ужином говорили о дальнейшей учебе старшего сына. В Черни высших учебных заведений не было. В Туле, губернском центре, были училища — горное, педагогическое...

— Ты сам-то куда полагаешь? — спросил отец Александра.

— Хорошо бы в университет,— неуверенно сказал Александр,— в Петроград...

— Доктором, значит, хочешь быть? — сделал вывод отец и, не дав ответить сыну, заметил с удовлетворением: — Доктором — это хорошо! Вот ты тогда и вылечишь меня...

Александр не стал продолжать разговор. При всем своем желании учиться в университете он считал эту затею нереальной: где взять денег? На дорогу, да хотя бы на первое время...

Через несколько дней Александра провожали в Петроград.

Отец, едва окончивший два класса церковно-приходской школы, и мать, одолевшая основы грамоты самоучкой, не видели иной цели в своей нелегкой жизни, как «вывести в люди» детей, дать им образование.

Кое-что продали, призаняли...

— Учись и нас, стариков, не забывай — пиши что и как,— коротко напутствовал сына Алексей Дмитриевич.

Мать молча утирала слезы: первенец, еще и не оперившись толком, вылетал из гнезда...

Улеглись хлопоты и огорчения, вызванные отъездом Александра, и жизнь в доме Вознесенских потекла попрежнему.

Алексей Дмитриевич все чаще и чаще наведывался в больницу.

Николай сбил скамеечку, и с этой скамеечкой Валентина сопровождала отца. Тот быстро уставал, начинал задыхаться,— остановится, сядет на скамеечку, отдохнет, после чего идет дальше. Все чаще были остановки, все длительнее отдых. Исподволь, медленно болезнь прогрессировала...

Наступил 1917 год.

В этом году Николай Вознесенский заканчивал курс высшего начального училища.

Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без влияния чувств, пробуждаемых участием в них.

Н. Чернышевский

Слово — это не горстка букв...

Нигде так благополучно не паразитируют слухи, как в тихих обывательских городках, подобных Черни. Фантазия обывателя, как она ни убога, требует выхода и находит его в оснащении возникающих слухов самыми невероятными подробностями. Непрерывной чередой слухи рождаются, растут, стареют и отмирают, давая жизнь новым. К слухам обыватели привыкают, втягиваются в них, как в курево, и при отсутствии их ощущают смутное беспокойство.

Алексей Дмитриевич реагировал на слухи своеобразно.

— Ишь ты! — изумленно произносил он. И было понятно, что изумляет его не сущность слуха, а удивительный факт его появления.—Вот паразиты! — иной раз добавлял он, обращая беззлобное ругательство неизвестно к кому.

Январь нового, 1917 года принес и новый слух. Заговорили о том, что в неком благочестивом семействе (то ли у попа, то ли у дьякона) родился ребенок о двух головах (то ли сын, то ли дочь). Одни говорили, что случилось это в Самаре, другие — в Сызрани. Много было в разговорах об этом событии неопределенного, ясно было одно — не к добру оно...

Потом заговорили о том, будто кайзер Вильгельм с похмелья повесился, а потому войне теперь — конец.

К февралю умами чернских обывателей овладел свежайший и «наидостовернейший» слух о пришествии Антихриста. И был этим Антихристом не кто иной, как Гришка Распутин. Дескать, не убит он вовсе, а воскрес чудесным образом, озлобился неимоверно и, затаясь, готовит беду великую... С каждым днем слух обрастал все новыми подробностями. Поговаривали даже, что поселился Гришка не где-нибудь, а тут, в Черни, в покосившейся хибаре кривого Силантия, который погибал было от беспробудного пьянства, да вдруг отрезвел, стал умываться по утрам, а здороваться с соседями перестал.

Февраль выдался лютый. Алексей Дмитриевич не выходил из дома, не мог. Сухой морозный воздух хватал горло, грудь, душил... Часами молча сидел Алексей Дмитриевич у полыхающей печи, и огонь, освещая лицо, резко выделял скорбную складку, пересекшую лоб. Хозяева терпят его лишь из жалости, это он понимал. Но надолго ли хватит ее, этой жалости?..

Скудно позавтракав, дети ушли в школу.

Чуть погодя ушла и Любовь Георгиевна — в дальнюю лавку, за несколько кварталов. У окрестных лавочников они были в долгу. Можно было бы часть долга уплатить, но на какие деньги тогда жить, считай, еще неделю?..

Внезапно входная дверь распахнулась и вместе со столбом морозного пара ворвался Николай.

— Батя! Царя нет! — с порога крикнул он.— Свергли царя!

— Это кто сказал? — недоверчиво спросил Алексей Дмитриевич.

— Все говорят! В училище уроки отменили!

— Ишь ты! — привычно протянул Алексей Дмитриевич и задумался. Нет, не могло это быть обычным слухом. Такое придумать никто бы не решился...

— Революция, батя, понимаешь? — не унимался Николай.— Теперь все по-другому будет!..

Щеки его порозовели от бега по морозу, глаза возбужденно блестели.

Возвратившаяся Любовь Георгиевна принесла губернскую газету, подтвердившую достоверность невероятного, казалось бы, события. В газете скупо и как-то поспешно, маловразумительно сообщалось о событиях в Петрограде. Ясно было одно: царя-батюшку действительно убрали...

Последующие дни дочери — Маша и Валя — сидели дома, занятий в школе не было. Николай с утра до вечера где-то пропадал. Однажды явился с синяком под глазом.

— Кто это тебя? — всполошилась мать.

— Да так, ничего особенного,— сказал Николай.— Поговорили тут с одним... Он меня назвал царевым тезкой.

— Так ты тезка ему и есть,— сказал Алексей Дмитриевич.

— Никакой я ему не тезка! — гневно выкрикнул Николай и вышел из горницы, хлопнув дверью.

Алексей Дмитриевич посмотрел вслед сыну, усмехнулся, протянул:

— Ну-ну...

В начале марта газеты опубликовали список членов Временного правительства России во главе с князем Г. Е. Львовым.

Прочитав сообщение, Алексей Дмитриевич горько усмехнулся:

— Был царь Николай, теперь — князь Георгий... Хрен редьки не слаще!

Услыхав это, Николай вспыхнул, хотел было сказать что-то, но удержался от спора, жалея надломленного болезнью и неудавшейся жизнью отца. Но согласиться с ним он не мог. Жизнь не могла остаться прежней — безрадостной и жестокой! Неужто и теперь матери, как и прежде, придется терпеть издевательские ухмылки лавочника? Нет, это попросту невозможно! Однако последующие события заставили Николая с горечью подумать, что отец, пожалуй, был прав...

В Черни, где промышленность фактически отсутствовала, индустриального пролетариата почти не было. Рабочий люд городка плохо ориентировался в политических событиях. Здесь если и появлялись ростки осознанного бунта против существующего строя, всего уклада жизни царской России, то ростки эти были еще слишком зелены и разрозненны. В городе верховодили лавочники и купцы, в руках у которых была и местная промышленность.

На банкете, устроенном по случаю Февральского переворота, один из местных заправил заявил:

— Пришел праздник на нашу улицу! Теперь мы, купцы и промышленники, люди с деловой хваткой и умением рассуждать, будем вершить судьбы России!..

Городок пошумел потревоженным ульем и утих.

Возобновились занятия в школе.

Пооткрывались лавки,— прикрыли их так, «на всякий случай»...

Жизнь вошла в прежнюю колею.

У Вознесенских появился новый сосед — Семен Николаевич Мелехов. Человек добросердечный и открытый, он, однако, мало говорил о себе,— откуда приехал

и почему осел здесь, в Черни. Ему, как видно, по сердцу пришлась честная трудовая семья Вознесенских, и он стал часто наведываться к ним, подолгу беседовал с Любовью Георгиевной, приглядывался к Николаю. Тот если не помогал матери по хозяйству, то сидел с книгой. И неохотно отрывался от нее, когда Мелехов заговаривал с ним.

Однажды Семен Николаевич принес книгу в скромном коленкоровом переплете, положил ее перед Николаем.

— Вот почитай-ка.

Николай открыл книгу, взглянул на титульный лист: Н. Чернышевский, «Что делать?»

А на другой же день, сразу после занятий в училище, Николай зашел к соседу. Дверь была не заперта, но хозяина дома не было. Николай оглядел чистую, обставленную самодельной некрашеной мебелью комнату. У окна стоял широкий верстак. Пахло свежей сосновой стружкой.

Мелехов жил бедно. Немного столярил, немного слесарил — тем и перебивался.

— А, сосед!..— услышал Николай голос.— Ну, здравствуй, здравствуй...

Вошел Семен Николаевич.

— Дядя Семен,— заговорил Николай,— а Рахметов был? Или все это выдумано?

— Уже прочел? — спросил Мелехов.

— Еще нет. Немного осталось...

Мелехов разделся не торопясь, сел за стол, указал Николаю место напротив, после чего заговорил:

— Рахметов не был. Он есть.

— Это как же?..— Николай смотрел на Мелехова изумленно.

— А вот так. Он — в тебе, во мне и еще в сотнях людей...— Он вдруг улыбнулся: — Ты вот не вздумал ли на гвоздях поспать?

Николай, не ответив, покраснел.

— На гвоздях спать — это совсем не обязательно,— продолжил Мелехов.— Не это главное...

Так началась первая беседа Мелехова с Николаем. Семен Николаевич обладал редким умением: он не столько разъяснял суть прочитанного, сколько направлял мысли своего юного собеседника в нужное русло, заставлял делать собственные выводы и, при необходимости, поправлял. После того как Николай дочитал роман, Мелехов рассказал ему и об авторе, об удивительной, целеустремленной и бескомпромиссной жизни великого русского мыслителя-революционера. Узнав, что роман «Что делать?» у Чернышевского далеко не единственное сочинение, Николай загорелся желанием прочесть еще что-либо, написанное им. Семен Николаевич обещал достать, а пока... Он достал из фанерного сундучка потрепанную книгу и протянул ее Николаю.

Взяв книгу и взглянув на обложку, Николай сказал:

— А, «Овод»... Это я уже читал.

— Читал? — спросил Мелехов.— Ну, ну, интересно... Тогда расскажи.

Николай удивился — зачем? — но вслух этого не сказал, начал рассказывать. Сначала без охоты, затем все более и более увлекаясь, не очень связно, но горячо, он излагал события трудной и полной приключений жизни Артура-Овода...

— Все? — спросил Мелехов, когда Николай умолк.

— Кажется, все...

— Ясно,— сказал Мелехов; в уголках губ у него пряталась улыбка.— Ты вот что, Коля-Николай... Ты прочитай-ка «Овод» еще разок. Не торопясь прочитай, подумай. После этого — поговорим...

Осторожно, бережно Семен Николаевич Мелехов направлял мысли полюбившегося ему юного правдолюбца в нужное русло. Мелехов был революционером, большевиком. Незадолго до Февральской революции он, скрываясь от царских жандармов, уехал с семьей из Москвы. По совету товарищей, Мелехов поселился в ничем не приметной Черни. От Семена Николаевича Мелехова Николай Вознесенский впервые услышал о Ленине...

Однажды, зайдя к Мелехову, Николай спросил с порога:

— Дядя Семен, вы знаете, кто такой... Шо-пен-гауэр? — фамилию он выговорил с трудом.

— Шопенгауэр? — переспросил Мелехов,— был такой... Философ. Не наш он...

— Не русский?

— Не в этом дело. Маркс и Энгельс — тоже не русские. А — наши. Самые что ни на есть наши... А от кого ты услыхал о Шопенгауэре?

Николай рассказал.

...Он возвращался домой из училища. Перед ним шли, громко разговаривая, гимназисты-старшеклассники. Николай невольно прислушался: те рассуждали о счастье. Так, общие, малоинтересные фразы... Но вот один из них, до этого молчавший, сказал:

— Что бы там ни говорили, а я согласен с Шопенгауэром: ощущение счастья — не что иное, как передышка от несчастий...

Николая резанула эта мысль своей обнаженностью и правдоподобием. За этой мыслью стояло что-то жестокое, неумолимое... Эта мысль оглушила его, как внезапно свалившаяся беда.

Выслушав Николая, Мелехов сурово сдвинул брови.

— Дурак он, твой гимназист. Попугай. Затвердил фразу и повторяет, ни черта не смысля в ней!

Помолчав, Семен Николаевич положил руку на плечо Николая, заглянул в его смятенные глаза.

— Вот что, Коля... На свете немало умных людей. Ими написано немало умных книг. Но ум бывает недобрым, а иногда и извращенным. Поэтому читая, слушая, не все можно принимать. Кое-что нужно отбрасывать — сразу же, напрочь! Слово — это не горстка букв. Слово, несущее мысль,— великая сила. Оно может возвысить и убить, оно может вылечить и отравить... Ты понял меня?

В один из хмурых сентябрьских дней тяжелый удар обрушился на семью Вознесенских,— умер Алексей Дмитриевич. Вернувшись из больницы, прилег отдышаться, да так и не встал больше. На пятьдесят четвертом году жизни задушила его бронхиальная астма.

— Мама, завтра я выхожу на работу! — Николай смотрел на Любовь Георгиевну потемневшими в последние дни глазами. Лицо его похудело, резко обозначились скулы...

— Да кто ж тебя возьмет? И куда? Разве что в писаря?

После смерти Алексея Дмитриевича семья оказалась в тяжелом положении. Любовь Георгиевна не спала ночами, и не только горе гнало сон, но и безысходные думы: как жить дальше, чем кормить детей? И вот младший сын стоял перед ней...

— Зачем же в писаря. Я столяром хочу быть! Уже договорился, в ученики пойду...

— С кем же это?

Николай опустил глаза, ответил не сразу:

— С гробовщиком.

Горе познакомило его с этим человеком...

Гробовщик — вопреки характеру своей профессии — был человеком на редкость веселым, жизнерадостным. С шутками и прибаутками расхваливал он свой мрачный товар. Завершив очередную сделку, он любил основательно выпить и соснуть на свежей сосновой стружке.

Николай ожидал, что в первый же день получит рубанок и начнет обучаться столярному искусству. Но не тут-то было... Долго он разгружал воз с только что полученным тесом, потом его отправили отвозить гробы заказчикам.

Следующий день прошел в беготне: гробовщик посылал его то за водкой и огурцами в кабак, то на бойню — за костями, из которых варили вонючий столярный клей...

День шел за днем, а к рубанку и стамеске он даже не прикасался.

— Как работается? — спросил однажды дядя Семен, зайдя к Вознесенским.

Николай рассказал все как было.

— Не дело это,— заметил дядя Семен.— Вот что. Зайдешь завтра в полдень в типографию Жигарева. Знаешь где? Спросишь наборщика дядю Мишу. А я с ним загодя поговорю...

Николая обрадовал такой поворот событий. Не рассказал он Мелехову главного, что делало его работу у гробовщика отвратительной. Чуткий, отзывчивый парнишка не мог спокойно видеть, как веселый гробовщик дерет втридорога за гробы с убитых горем людей, пользуясь их несчастьем и тем, что мастерская была единственной в городе.

Дядя Миша встретил Николая, как старого знакомого:

— А, привет, привет! Ты где это пропадал?

Николай опоздал: пришел не в полдень, как было сказано, а к четырем, гробовщик не отпустил раньше.

— Ну, что глядишь? — Из-под густых бровей на Николая смотрели добрые, с хитринкой, глаза.— Это — касса. А вот это — шрифт...

Дядя Миша сразу же, словно долго ждал этого момента, стал обучать Николая кропотливому мастерству наборщика. Старому мастеру понравился лобастый, серьезный парнишка. Да и рекомендация Мелехова, товарища по партии, значила немало...

Старшая сестра Маша тоже заявила однажды, что бросает учебу и пойдет работать,— жаль ей было мать, надрывавшуюся с утра до ночи, чтобы тянуть семью. Но Любовь Георгиевна запротестовала энергично, категорически заявила: «И слышать об этом не хочу!» Желание умершего мужа «вывести детей в люди» стало для нее заветом, единственной жизненной целью. И на работу Николая она согласилась при условии, что тот продолжит учебу в вечерней школе.

Как ни малы были заработки Николая, а жить стало легче. Изредка приходили почтой небольшие суммы от Александра — он подрабатывал в Петрограде уроками.

Однажды зашел к ним Мелехов, позвал Машу и, развернув бумажный пакет, протянул ей башмачки на высоких каблуках.

— Носи, коли подойдут. Сам шил.

Глаза у Маши засветились, она бросилась к дяде Семену, неловко ткнулась губами в его колючую щеку. Мелехов засмущался, сказал ворчливо:

— Да ты примерь, примерь... Может, и не гожи.

Николай вышел провожать Мелехова. Тот остановился на крыльце, втянул ноздрями свежий осенний воз-

дух и неожиданно рассмеялся чему-то своему. Потом положил руку на плечо Николая, серьезно сказал:

— Ну, Коля-Николай, жди теперь больших событий...

А через несколько дней по городу пронесся слух: в Петрограде революция, буржуям «дали по шапке», скинули, власть захватили рабочие...

То там, то здесь стихийно возникали митинги.

Николай жадно слушал ораторов, пытаясь вникнуть, разобраться в существе происходящих событий, но это было нелегко. Ораторы были разношерстные, и иной раз несли несусветную околесицу. А дядя Семен — единственный человек, который мог бы ему все толково разъяснить,— куда-то исчез.

Наверное, впервые за многие десятки лет городок был по-настоящему взбудоражен, выглядел празднично.

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе...

Николай пристроился к колонне празднично одетых людей с красными флагами в руках — песня пришлась ему по душе. И пока дошли до площади, Николай уже знал ее наизусть.

И снова митинг.

Пожилой человек в кожаной куртке с лицом, изборожденным глубокими морщинами, говорил о переходе всей власти к Советам, о предательстве революции меньшевиками и эсерами...

В голове у Николая была полная каша...

Наконец в городе появился Мелехов.

— Дядя Семен, кто такие меньшевики? — спросил Николай, войдя к Мелехову и забыв поздороваться. Он был возбужден, глаза лихорадочно горели.

— Сядь-ка, поостынь,— усадил его Семен Николаевич.

Потом коротко, просто и ясно рассказал ему о партии, созданной Лениным, о расколе в партии, о предательстве меньшевиков, о том, что власть теперь — в руках рабочих, а рабочими руководят большевики; и что Ленин, о котором Николай уже не раз слышал, и есть самый главный большевик. После этого Семен Николаевич рассказал подробно о событиях, происшедших в Петрограде, о взятии Зимнего дворца и аресте правительства Керенского, о первых декретах Советской власти...

Николай слушал и завидовал Александру, который находился там, в Петрограде, в самой гуще событий. Воображение живо рисовало ему как рабочие, солдаты и матросы по призыву Ленина, партии, по сигналу, данному с «Авроры», пошли на штурм цитадели буржуазии и уверенно взяли власть в свои руки... Уверенно и прочно,— навсегда.

Прерывисто вздохнув, он сказал:

— Вот бы туда теперь...

Мелехов понимающе улыбнулся.

В тот вечер Николай долго не уходил от Мелехова. Все новые и новые вопросы задавал он своему старшему другу, хотел знать в подробностях о деятельности разных политических партий, к чему они стремятся, о том, как дальше пойдет жизнь.

Но больше всего он хотел знать о большевиках, которые теперь взяли власть в России.

Перед тем как расстаться, Мелехов долго смотрел на сидящего перед ним паренька, размышляя. Потом достал из знакомого фанерного сундучка небольшую брошюру, отпечатанную на простой серой бумаге, протянул ее Николаю:

— Вот попробуй почитать, вникнуть... Что непонятно — скажешь.

Николай, которому тогда еще не исполнилось и четырнадцати, держал в руках Программу РСДРП(б)...

Всю ночь он просидел над программой партии большевиков. Читал и перечитывал. Уснул под утро...

Мелехов все чаще уезжал. А как-то вечером зашел к Вознесенским и сообщил, радостно поблескивая глазами, что отзывают его в Москву, на партработу. У Николая это известие радости не вызвало, напротив...

Заметив, как помрачнел, насупился Николай, Мелехов дружески обнял его за плечи, сказал:

— Ну-ну, парень, не грусти. Еще встретимся.

Но встретиться им больше не довелось...

Ветреное и морозное утро февраля 1918 года...

Подойдя к типографии, где он работал, Николай остановился как вкопанный: у входа в типографию висела новая, написанная от руки, но очень аккуратно, вывеска...

ЧЕРНСКИЙ УЕЗДНЫЙ КОМИТЕТ РСДРП(б)

Старая, облезлая вывеска жигаревской типографии валялась тут же, у двери, перекрещенная жирными линиями мела по диагонали — от одного угла к другому.

Если вы, молодые люди, действительно хотите «большой красивой жизни» — делайте ее, идите рука об руку работать с теми, кто героически строит небывалое, грандиозное.

М. Горький

Наш парень!

Уездная партийная ячейка состояла поначалу всего лишь из нескольких человек. Руководил чернскими большевиками Петр Иванович Антонов — человек, прошедший суровую жизненную школу. Нелегко было парню из рабочей семьи получить техническое образование, но упорство и непреодолимая тяга к знанию сделали свое дело: Антонов окончил среднее техническое училище. Но кроме технических молодой Петр Антонов получил и другие знания, определившие его дальнейшую судьбу. В последний год учебы судьба свела его с большевиками, действовавшими в трудных условиях подполья. Они познакомили его с трудами Маркса и Ленина, идеи которых он принял сердцем и разумом. Администрация одного из московских заводов, где работал молодой техник, благосклонно относилась к толковому специалисту, не ведая об иной стороне его деятельности, далекой от техники: агитационной и разъяснительной работе среди рабочих, которую Антонов вел под руководством подпольщиков-большевиков. Однако благосклонность эта проявлялась до поры до времени... Донос — и Антонов, причисленный к «политически неблагонадежным», был отправлен на фронт рядовым. В армии Петр Иванович продолжал революционную работу среди солдат и вскоре после Февральского перево-

рота был избран в полковой солдатский комитет. Зимой 1918 года, демобилизовавшись из армии по болезни, Антонов приехал в родную губернию. Ему рекомендовали покой, длительный отдых... Но до отдыха ли было тогда? А покой уж и совсем не в характере Петра Антонова!

Население Черни, разбуженное от многолетней спячки революционным взрывом, путалось в противоречивых «теориях» и «платформах» тульских и своих, доморощенных идеологов различных толков и направлений. Но главную опасность представляли эсеры и меньшевики, фальшивые лозунги которых, подкрашенные под «защиту интересов народа», имели еще влияние на часть рабочих и особенно на крестьянство. Обстановка как в городе, так и в уезде требовала проведения большой организационной и агитационной работы, отбора лучших представителей местного населения, включая молодежь, и приобщения их к работе уездной партийной организации.

Однажды раздался стук в дверь, и перед Антоновым предстал вихрастый паренек... Вот что рассказал впоследствии Петр Иванович об этой встрече.

— В тот день я пришел в уком пораньше, чтобы спокойно, пока не захлестнут текущие дела, подготовиться к докладу на собрании рабочих кирпичного завода. Вдруг раздался стук, и на пороге появился паренек. Смущенно поздоровался и умолк.

— Ты к кому? — спрашиваю.

Молчит.

— Ты что — работаешь здесь?

— Да,— говорит.

— Ну вот, так бы сразу и сказал, а то молчишь, будто воды в рот набрал. Садись, рассказывай.

— А что рассказывать?

— А что, так уж и нечего рассказать о работе в типографии? Да ты садись, садись... Лет тебе сколько?

— В декабре пятнадцать будет.

Парнишка присел к столу и коротко, толково рассказал, что работал сначала учеником у старого мастера дяди Миши, что теперь работает наборщиком самостоятельно, что работа ему нравится... Я слушал, разглядывая его. Парень как парень. Ростом не выделяется. Волосы — вихрами, хотя, видно, немало трудов он прилагает, чтобы гладко зачесать их назад. Лицо выглядело бы заурядным, если б не высокий лоб совершенной формы и глаза — большие, серые, они глядели с пристальностью и серьезностью, как-то не вязавшимися с его юным возрастом.

— Как зовут тебя? — спросил я.

— Николаем.

— А фамилия?

— Вознесенский.

Я невольно повторил вслух эту фамилию. От кого-то я слышал ее, но от кого? Сразу припомнить не смог.

— Ну что ж,— говорю,— а меня зовут Петром Ивановичем, фамилия — Антонов. Я председатель уездного комитета Российской социал-демократической рабочей партии большевиков. Слыхал что-нибудь о такой партии?

— Еще бы! — говорит он.— И слыхал и читал.

— Что же ты читал?

— Программу РСДРП...

Ну и ну! — удивился я. В четырнадцать лет — и программа партии... И тут я вспомнил, от кого слыхал об этом парнишке. О нем рассказал мне как-то Семен Мелехов...

— Так ведь я тебя знаю! — сказал я.

Он очень удивился.

— Откуда?

— А не ты ли это своего соседа Мелехова вопросами донимал?

Он помолчал, потом улыбнулся.

— Я,— говорит.

Улыбался он хорошо — открыто, ясно. Я тоже невольно улыбнулся, глядя на него. Так и сидели некоторое время, улыбаясь друг другу.

— А ведь ты — наш парень! — наконец сказал я.

— Как это — ваш? — не понял поначалу он.

— А очень просто,— пояснил я.— Отец твой кто был? Труженик, который всю жизнь гнул спину на купца. А ты кто? Рабочий парень, который вон уже и с программой партии знаком... Вот и выходит — наш ты, большевистский!

Глаза у Николая заблестели.

— А задание дадите?

— Посмотрим,— говорю,— подумаем... Слыхал я — парень ты настойчивый, упрямый.

Он насупился, ответил:

— Овод тоже упрямым был...

— Так ты уже читал «Овод»?.. А что еще читал?

— Да я много читаю...— сказал он.— Чернышевского читал «Что делать?», Герцена...— и стал перечислять прочитанные в последнее время книги.

Меня поразило не количество прочитанных Николаем книг, а их подбор,— именно та литература, на которой было воспитано целое поколение революционеров.

— Скажи-ка,— спросил я,— а где ты брал эти книги?

— Дядя Семен давал.

— И тебе все в них было понятно?

— Да нет, не всегда... Но тогда дядя Семен растолковывал.

Я заглянул в его серьезные, немного задумчивые глаза и подумал: нет, не обычный это подросток, если ему в столь ранние годы не скучно читать серьезную литературу революционного направления... Не всякому взрослому она по зубам. Не парень, а находка! Причем, редкая...

— Вот что, Николай,— сказал я ему,— на днях мы организуем выпуск уездной газеты. Будешь работать секретарем редакции. И вот еще что. У тебя немало знакомых ребят. Приглядись к ним, выбери своих, наиболее толковых, расскажи им то, что узнал из книг и от Мелехова,— словом, сколачивай молодежную группу, на которую можно было бы во всем положиться. Понял? Считай это заданием партии.— Взглянув на часы, я добавил: — Ну, а теперь беги, браток, не то на работу опоздаешь...

Николай спохватился, вскочил.

— Погоди,— остановил я его.— Раз ты так интересуешься революционной литературой, попробуй прочесть вот это...

Я дал ему «Манифест Коммунистической партии».

Говорят, что впечатление от первой встречи с человеком — наиболее верное. Не всегда это бывает так, иного ни с первой встречи не распознаешь, ни с годами... А вот Николай — действительно стал ясен и близок мне после первого же знакомства.

На работу тогда Николай все-таки опоздал. Дядя Миша, не сказав ни слова, приподнял мохнатые брови и укоризненно покачал головой.

— Я в укоме был. У Антонова,— коротко пояснил Николай, сделав особое ударение на фамилии председателя укома.

— В укоме? — удивился дядя Миша.— Это по каким же делам?

Николай рассказал, не вдаваясь в подробности, и, не скрывая гордости, сообщил о том, что Антонов назначил его секретарем редакции уездной газеты.

— Вот это дело! — искренне обрадовался за своего ученика дядя Миша. Потом посерьезнел, сдвинул брови и, положив тяжелую руку на плечо Николая, сказал: — Ты, сынок, коли душу не разбазаришь, далеко пойдешь...

Помолчав, он протянул листок с машинописным текстом, коротко бросил:

— Это — срочно!

Николай взглянул на текст — листовка уездного комитета РСДРП(б).

Приступив к набору, Николай отобрал девять литер обращения — ТОВАРИЩИ! Взвесил шрифт в ладони и вспомнил Мелехова: «Слово — это не горстка букв...» Простое и удивительное слово — «товарищ»! Оно излучает свет, тепло. С предельной краткостью и ясностью оно определяет взаимоотношения между людьми нового, в муках рождающегося общества...

После беседы с Антоновым Николай стал по-новому приглядываться к знакомым ребятам. Это была уже не прежняя, чисто интуитивная оценка окружающих его парней и девчат. Он стал вызывать ребят на откровенные беседы, старался понять их стремления, уловить тончайшие оттенки настроения, иной раз сказывающиеся в интонации, жесте, взгляде. Ему запомнилась фраза, сказанная Петром Ивановичем Антоновым перед тем, как Николай ушел от него: «Доверие к человеку — одно из прекраснейших чувств. Но доверие революционера не должно быть безоглядным — он ответствен не только за собственную судьбу, но и за судьбы дела революции».

Как-то он стал расспрашивать старшую сестру Ма-

рию об окружающей ее школьной молодежи. Та удивилась — зачем понадобились брату эти сведения. Пришлось рассказать ей о задании председателя укома партии. Маша задумалась, сказала:

— Так сразу и не ответишь... Разные есть ребята.

Потом предложила:

— А ты приходи к нам. На днях мы проводим литературную беседу о творчестве Льва Толстого.— Она улыбнулась.— Ты ведь в училище постоянно участвовал в диспутах и «литературных судах». Вот и выступи у нас с докладом. А после я тебя познакомлю кое с кем, сам на них поглядишь.

Николай обещал подумать.

Весь следующий день Николай пытался попасть к Антонову, да так и не удалось — председатель укома был занят. Все-таки к вечеру Николай подкараулил Петра Ивановича у входа.

— А, пропащая душа! — встретил его Антонов и крепко пожал руку.— Что ж не заходишь?

Николай постеснялся сказать ему, что днем заглядывал несколько раз к нему в комнату, да так и не решился оторвать Антонова от дел.

Они пошли рядом по улице.

— Ну, рассказывай, как дела,— сказал Антонов.— Подобрал толковых ребят?

— Есть такие, за которых головой ручаться могу,— ответил Николай.— Другие — сочувствующие. А есть и вообще ни то ни се... С ними еще работать надо.

— Вот и работай. Трудно будет — приходи, посоветуемся.

— Я вот как раз и хотел посоветоваться с вами...— начал Николай.

Он рассказал Антонову о предложении сестры выступить с докладом на литературном вечере.

— Что ж тут думать? — сказал Антонов.— Выступи,

познакомься с ребятами. И вот что. Зайдем-ка ко мне. Дам я тебе одну статью о Толстом... Только с условием — возвратить непременно. Статья редкая, и в России она пока, насколько мне известно, не издавалась...

Антонов дал Николаю пожелтевший экземпляр газеты «Пролетарий», изданной в 1908 году в Женеве, со статьей В. И. Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции».

Доклад Николая участники школьного литературного кружка слушали затаив дыхание...

Валентина Алексеевна — младшая сестра Н. А. Вознесенского — рассказывает, вспоминая об этом вечере:

— Выступление Николая оставило незабываемое впечатление. Мы, учащиеся, впервые узнали, что у вождя революции есть работы о творчестве Льва Толстого, которые дают возможность глубоко и полно понять произведения великого русского писателя.

— Ну вот, получай, товарищ секретарь редакции!

Дядя Миша положил перед Николаем сложенный вдвое лист бумаги, пахнущий типографской краской.

Это был первый номер уездной партийной газеты.

Николай развернул газету, любовно разгладил руками, наклонился и с удовольствием вдохнул запах краски. Сколько волнений, совещаний, бессонных ночей — и вот результат... Первый номер готов! А с завтрашнего утра газета должна выходить регулярно.

Николай с головой погрузился в новую для него (да и не только для него, но и для большинства сотрудников редакции) работу. Он знал, остро чувствовал всю ответственность, что легла на его плечи — юного секретаря только что родившегося печатного органа уездного ко-

митета партии. И хоть невелик был по количеству этот комитет, но газета была голосом партии — всей партии большевиков. И Николай понимал, что и от него немало зависит, чтобы голос этот звучал свежо, уверенно и без фальши; чтобы голос этот нес правду и только правду. «Слово, несущее мысль — великая сила»,— повторял Николай запомнившиеся, на всю жизнь отпечатавшиеся в памяти слова Семена Николаевича Мелехова.

Немало забот и волнений у секретаря редакции,— и материал выправь, и макет составь, и посоветуйся с укомом партии...

Опыта было мало, зато энергии и энтузиазма — хоть отбавляй!

Дни полетели незаметно.

Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое, ожесточающее мужество,— забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге: не подымете потом!

Н. Гоголь

Председатель укома

В начале июля 1919 года Антонов вызвал Николая.

Петр Иванович вызывал к себе редко. Когда он интересовался работой редакции, то приходил обычно сам, а уж если вызывал, то в случаях чрезвычайных. «Нет ли какой «накладки» в вышедшем утром номере газеты?» — с тревогой подумал Николай, входя к Антонову. Но тот встретил юного секретаря редакции вопросом неожиданным:

— Разве нет у нас в городе боевой, сознательной молодежи, способной быть помощницей партии?

Николай опешил: всего несколько дней назад он докладывал Антонову о работе сколоченной им группы верных ребят.

Петр Иванович улыбнулся, глядя на застывшего в недоумении парня. Неторопливо, со вкусом сворачивая самокрутку, сказал:

— Ну? Чего стоишь? Садись...

Закурил и задохнулся дымом злого самосада. Откашливаясь и утирая выступившие слезы, сказал с трудом, но восхищенно:

— Ну и силен, черт!

Потом строго взглянул на Николая, спросил:

— Ты о Всероссийском съезде и организации Коммунистического союза молодежи знаешь?

— Ну а как же? — несколько обиделся Николай.— А устав союза — почти наизусть... И не я один...

— Так,— сказал, словно поставив точку, Антонов.— Хорошо. А об организации губернского комитета союза кто писал в нашей газете? Не напомнишь ли?

— Я...

Николай покраснел: он начал догадываться, к чему клонил председатель укома партии.

— Точно. Ты писал. И, помнится, неплохо написал, с огоньком...— Антонов помолчал.— Ну и как же ты считаешь — чернские ребята, твои товарищи, хуже других?

Наступила томительная для Николая пауза. Потом он начал было объяснять:

— Понимаете, Петр Иванович, я думал...

— Понимаю,— прервал его Антонов.— Ждал, пока тебя дядя подтолкнет, подскажет... Так?

— Какой дядя? — недоуменно спросил Николай.

— Обыкновенный. Вроде меня. Ты, случаем, о Павлове не слыхал? Иване Петровиче?

В еще большем недоумении Николай отрицательно помотал головой.

Антонов невольно улыбнулся.

— Есть такой ученый,— пояснил он.— Изучает он высшую нервную деятельность человека. Все поступки человека, все его действия по научной терминологии называются рефлексами... Понятно объясняю? (Николай утвердительно кивнул). Так вот Иван Петрович Павлов говорит, что самым главным и ценным рефлексом человека является рефлекс инициативы, которому подчинены все остальные. Понятно? И-ни-ци-а-ти-вы! — раздельно произнес Антонов.

Он замолчал, глядя на Николая, ожидая его реакции.

— Понял, Петр Иванович,— помолчав, сказал тот.— Спасибо.

— За что «спасибо»?

— За рассказ о «рефлексе инициативы». На всю жизнь запомню.

— Ну это ты Павлова поблагодаришь, коль доведется встретиться. А теперь — к делу...

Антонов поручил Николаю собрать вечером 10 июля в здании школы группу молодежи, разработать повестку дня собрания, посвященного важному для чернской молодежи событию — созданию городской комсомольской организации.

В тот вечер народу в школе собралось немного, но это были надежные, проверенные ребята и девушки, на которых, по мнению Николая, можно было положиться в любом, самом ответственном деле,— не подведут.

Первым выступил приехавший из Тулы инструктор губкома партии — молодой парень с резкими, будто вырубленными топором чертами лица.

После первых его слов послышались было голоса:

— Не слышно!

— Громче!..

Но приезжий не повысил глуховатого, негромкого голоса.

И вскоре зал затих, ребята затаили дыхание, жадно слушая рассказ о Всероссийском съезде союзов рабочей и крестьянской молодежи — дне рождения РКСМ.

— Не всем делегатам удалось приехать на съезд,— говорил инструктор.— Прорваться через кордон из районов, занятых врагом, удалось только одному делегату, с Украины. Открылся съезд, как и было намечено, 29 октября. Когда поступило предложение избрать

почетными председателями съезда Владимира Ильича Ленина и Карла Либкнехта, зал будто взорвался — так аплодировали...— Инструктор скупо и как-то смущенно улыбнулся.— У меня после ладони дня два горели...

Он коротко пересказал доклад на съезде большевика Емельяна Ярославского «О текущем моменте», зачитал текст телеграммы, пришедшей в дни съезда из Германии: «Германское юношество, собравшееся со своим Либкнехтом, приветствует русских товарищей и заявляет, что готово последовать их прославленному примеру».

Ребята зааплодировали...

Кто-то крикнул:

— Да здравствует мировая революция!

Выждав, пока зал утих, приезжий продолжал:

— В том, как именовать родившийся союз молодежи, сомнений у делегатов съезда не было. Большинство выступающих говорило: «Партия наша Коммунистическая, и мы, ее смена, должны ясно заявить, что боремся за те же цели. Союз борется за победу коммунизма, и это нужно выразить и в его названии...»

В заключение инструктор губкома рассказал о том, с каким напряженным вниманием слушали делегаты съезда членов президиума, побывавших у В. И. Ленина, о беседе с Ильичем, о ленинском наказе комсомолу: «Дело не только в названии, а в том, чтобы действовать по-коммунистически, быть на деле коммунистом».

Оратор закончил, и в зале школы некоторое время стояла тишина.

И эту строгую тишину прорезал внезапно взметнувшийся ввысь звонкий юношеский голос:

Вставай, проклятьем заклейменный...

Разом поднявшись с мест, ребята в едином порыве подхватили слова гимна...

Вот отрывок из протокола собрания, сохранившегося в Тульском областном партийном архиве:

«Учитывая всю важность текущего момента, принимая во внимание исторические события, когда только коллектив может удовлетворить наши потребности, постановили: организовать Российский Коммунистический Союз Молодежи чернской организации, где каждый разовьет свою индивидуальность и научится строить новую, свободную жизнь.

По второму пункту постановили:

Выбрать президиум в составе председателя Н. Вознесенского, товарища председателя И. Никонова и секретаря С. Галицкой. Остальные члены составят комитет Союза.

По третьему пункту постановили:

Созвать в воскресенье, 13 июля, митинг молодежи с целью разъяснения задач Союза молодежи и агитации за вступление в таковой».

С собрания Антонов и Николай шли рядом, молчали.

Прощаясь, Антонов сказал:

— Ну вот, Николай, теперь и ты — председатель укома, а значит — помощник уездной партийной организации...

Митинг, состоявшийся в воскресенье, был многолюдным. Как на большой праздник, пришли на него парни и девчата. Сыпались шутки, звенели песни.

Кто-то предложил:

— А ну «Варшавянку»!

Глубокий бас начал:

Вихри враждебные веют над нами...

Николай подхватил:

Темные силы нас злобно гнетут...

И уже весь зал грянул сотней молодых голосов:

В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.
На бой кровавый...

Молодо, свежо звучали песни, вошедшие сегодня в историю революции...

Не обошлось и без частушек. Безжалостные и острые как клинок слова ударили по Колчаку, Деникину, Мамонтову.

Но вот в зале Народного дома зазвенел колокольчик, призывая приступить к делу. Инструктор губкома партии открыл митинг и предоставил слово Вознесенскому.

Николай был взволнован — это было его первое в жизни выступление перед такой многочисленной аудиторией. Когда поднялся на сцену и почувствовал сотни устремленных на него глаз, все заранее заготовленные слова словно вымело из головы... «Не теряться!» — приказал он себе и, невольным, привычным движением руки пригладив непокорные вихры, начал, без должного в таких случаях обращения к залу, с полуслова, с мысли, которая по продуманному ночью плану должна была прозвучать где-то в середине выступления:

— ...«Сопляками» презрительно называли ребят нашего возраста меньшевики и эсеры, заявляя, что не дело мальчишек и девчонок заниматься политикой. И только партия Ленина всегда верила в нас — в нашу сознательность и преданность делу революции! Вот что писал Владимир Ильич еще до октябрьских событий...— Николай достал из нагрудного кармана заготовленную бумажку с цитатой и прочел: «Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы партия самоотверженной борьбы с старым гнильем,

а на самоотверженную борьбу всегда первою пойдет молодежь».

Аплодисменты обрушились лавиной...

Николай стоял, выжидая, и вдруг осознал, что волнения — как не бывало! Простые, ясные ленинские слова сняли нервное напряжение, придали уверенность.

Когда улеглись аплодисменты, Николай рассказал о 17-летнем ярославском большевике Саше Драгилеве. В один из дней декабря 1905 года рабочие Большой Ярославской мануфактуры вышли на демонстрацию. Саша Драгилев был командиром боевой дружины. Когда казаки открыли огонь по демонстрации рабочих, Саша смело вступил в бой с карателями.

— Царские сатрапы схватили его и приговорили к смертной казни,— говорил Николай в звенящей тишине затихшего зала.— С презрением Саша отверг предложение подать царю прошение о помиловании. Палачи казнили юного большевика...

Николай привел примеры мужества и стойкости комсомольцев, их сверстников, на фронтах гражданской войны.

Слушали его с напряженным вниманием.

Изредка Николай поглядывал на сидящего в первом ряду Антонова — тот ободряюще улыбался ему.

В заключение Николай сообщил о создании в городе Коммунистического союза молодежи, коротко и ясно изложил программу и задачи союза и призвал участников митинга вступать в комсомольские ряды.

Запись началась тут же...

В глубине зала, окруженный ребятами, вихрастый, огненно-рыжий парнишка пел, приплясывая и подыгрывая себе на балалайке:

Эх ты, доля, злая доля,
Доля Колчака!
Тяжела ты, безотрадна,

Тяжела, горька!
Не твою ли диктатуру
Ленин пошатнул,
Не тебя ли, узурпатор,
Он в дугу согнул?

Николай приглядывался к подходящим к столу для записи в союз ребятам, и неясная тревога овладевала им. Вот над столом склонился, старательно расписываясь, Яшка, живший через несколько дворов от Вознесенских. Задира и крикун... Правда, в смелости ему не откажешь, это он доказал во многих мальчишеских проделках. А отец Яшки — лавочник... Из мелких, но — лавочник! Глаза у Яшки смешливые, взгляд прямой, но кто ему в душу заглянет? Да и если бы лишь один Яшка вызывал сомнения!.. Николай помнил слова Антонова о доверии революционера, отвечающего не только за себя, но и за свое дело... Может ли он, Николай, поручиться за чистоту помыслов каждого, кто пополняет своей фамилией список членов только что созданного Чернского коммунистического союза молодежи?

— О чем призадумался?

Ушедший в свои мысли Николай не заметил приблизившегося Антонова.

Заметив озабоченность на лице Николая, Антонов улыбнулся, положил руку ему на плечо.

— Это только начало,— сказал он, кивая на записывающихся ребят.— Главные твои заботы, товарищ председатель укома комсомола,— впереди!

Помолчав, Петр Иванович мягко добавил:

— Мой тебе совет, Коля: поменьше слов, дискуссий и споров, хоть в них иногда, как говорят, и рождается истина...— Улыбнувшись, Антонов снова посерьезнел.— Сразу же, с первых дней вовлекай ребят в серьезное дело...

Он хотел сказать еще что-то, но подошедший инструктор губкома партии прервал его.

— Будем прощаться,— сказал инструктор, протягивая Антонову большую крепкую руку.

— Как — прощаться? — удивился Петр Иванович.— Поезда на Тулу теперь до утра не будет...

— За мной машину прислали.

И, склонившись к Антонову, он что-то тихо добавил. Потом коротко пожал руку Николаю, бросил: «Успехов!» — и пошел к выходу, поправляя сбившуюся набок кобуру с маузером.

Поймав вопросительный взгляд Николая, Антонов сказал:

— Деникин прет, сволочь!

И словно в ответ на эти слова, кто-то в зале запел:

Слушай, рабочий, война началася...

Песню подхватили.

Разошлись ребята далеко за полночь. В зале Народного дома остались трое: Н. Вознесенский, И. Никонов и С. Галицкая — штаб родившейся в городе организации молодежи.

Просматривая список комсомольцев, Никонов устало сказал:

— Много записалось. А завтра еще больше будет. Только вот никто не знает, сколько здесь подлецов, паразитов, примазавшихся к...

— Стоп! — обрезал его Николай.— Ты что же это?..— И внезапно взорвался: — Ты что — допрос каждому учинять предлагаешь?! Да, может, еще и с пристрастием, потому как враг тебе правду на блюдечке не преподнесет?!

— А ты уверен, что все здесь чистенькие? — вспыхнул и Никонов, встряхнув списком.

— Ребята! Перестаньте сейчас же! — воскликнула Галицкая.

Но Николай и без того умолк, задумался, удивляясь самому себе: ведь всего пару часов назад мысль, высказанная Никоновым, тревожила и его, он даже хотел посоветоваться с Антоновым, да не успел... Что же произошло, почему он вспылил? Не потому ли, что эта мысль, высказанная вслух товарищем, обнажила опасное зерно, заложенное в ней: заведомое предубеждение, слепое недоверие к иным из членов едва родившегося союза? Какие всходы может дать это зерно — трудно предугадать...

Молчание затянулось.

— Вот что,— сказал наконец Николай.— Не будем спешить с подозрениями. Подозрительность и бдительность — разные вещи. Договоримся так. Оскорблять товарища недоверием не будем, пользы это не принесет. А проверить кое-кого из членов союза — не мешает. Не потому, что не доверяем им, а затем, чтобы знать, чтобы с уверенностью можно было положиться на любого комсомольца, как на себя самого. И точка! По домам. А проверять будем делом. Только делом!

— Это ты так решил? — не без ехидства спросил Никонов.

Николай не обиделся, подумал, что ехидство Никонова не лишено оснований: слишком уж он категорично закончил спор. Имеет ли он на это право?

Никонов ждал ответа. Галицкая, собирая бумаги, тоже с любопытством поглядывала на Николая.

— Да,— спокойно сказал Николай.— Я так решил.

Галицкая удивленно взглянула на Николая и тут же опустила глаза.

На лице у Никонова выражение ехидства медленно, так что можно было проследить за отдельными этапами этой трансформации, превращалось в недоумение...

— Для себя решил...— сказал Николай и, не выдержав, широко улыбнулся.— А завтра на комитете — обсудим. Может, я и не прав...

— Вот чертушка! — обрадовался Никонов и совсем уже неожиданно заключил: — Не знаю, как другие, а я с твоим решением согласен! Присоединяюсь.— И вдруг гаркнул, словно выкрикивая лозунг: — «Не будем оскорблять недоверием товарища!» Сам выдумал или где прочитал? Все равно здорово!

Старая истина: для матери сын — всегда мальчик, ее малыш... Даже когда сыновья обзаводятся семьями и собственными детьми... А Николаю не было еще и шестнадцати... Тревожные вечера проводила Любовь Георгиевна, ожидая сына. Тот возвращался поздно. Раздавшийся в последний год в плечах, но похудевший, с запавшими глазами и выступающими скулами, он торопливо проглатывал ужин и усаживался за стол. Шуршал страницами книг иной раз до рассвета. Недоедает, недосыпает... Но больше всего тревожили мать поздние возвращения Николая: ночью улицы города были небезопасны... «Ну что ты волнуешься, мама,— сказала как-то старшая дочь Маша,— Коля уже не ребенок. Он всей молодежью в уезде верховодит!» Как раз последнее больше всего и беспокоило Любовь Георгиевну. А с тем, что Коля не ребенок, она, понятно, согласиться не могла...

Как-то в первые дни августа Любовь Георгиевна, ожидая Николая, присела к его столу, зажгла керосиновую лампу под самодельным (еще при жизни отца Коля смастерил) зеленым абажуром. Аккуратными стопками сложены книги. В основном — политические: Маркс, Энгельс, Ленин... Отдельно — учебники для школы. Этой весной Коля закончил ее.

Время перевалило за полночь.

На улице раздался странный хлопок. Не выстрел ли?..

Торопливо накинув на плечи шаль, Любовь Георгиевна вышла на улицу. Постояла у калитки, вглядываясь в непроглядную темь. Потом решилась, пошла, спотыкаясь о булыжник разъезженной мостовой...

Вот и знакомый дом с вывесками. В окнах тусклый свет.

Потянув ручку двери, подумала: «А зачем я, собственно, пришла?» В нерешительности постояла. До слуха донесся знакомый голос Николая.

В большой комнате, где собралось десятка два ребят, было полутемно. Единственная лампа-молния отбрасывала на стены резкие тени. Любовь Георгиевна присела на стоявшую у двери скамью. Никто не заметил ее появления. Ребята внимательно слушали Николая.

Прошло несколько минут, прежде чем Любовь Георгиевна поняла, о чем шла речь. Группа ребят без ведома комитета комсомола арестовала священника и провела его через весь город с доской, вывешенной на груди, а на доске написали: «Долой опиум для народа!» Николай говорил о том, что в этом поступке простителен только сам лозунг, да и то с большой натяжкой, потому что в нем не точно приведены слова Маркса. Все остальное — ни в какие ворота не лезет. И не в самом поступке дело, а в его самочинности. Союз их — коммунистический. А партия учит, что коммунисту анархия, даже дух ее, должны быть так же чужды, как ложь, трусость и предательство.

Лампа, стоящая сбоку от Николая, проложила глубокие тени у него на лице. Голос звучал жестко, непримиримо.

Любовь Георгиевна не узнавала сына. Нет, таким она его никогда не видела, не знала... Непонятная

робость овладела ею, словно полные осуждения слова сына относились и к ней. И вдруг она поняла, что прикажи он ей сейчас (неважно что), и она безропотно подчинится... Это испугало ее.

— Мама? — Николай вдруг увидел ее; в голосе прозвучала тревога.— Что-нибудь случилось?

Она поднялась в смущении.

— Да нет, Коля, ничего... Ты долго еще тут?..

— Сейчас заканчиваем. Подожди...— Он обратился к сидящим в комнате ребятам, с любопытством уставившимся на Любовь Георгиевну: — Комитет не будет возражать, если на собрании побудет моя мать?

Комитет не возражал.

Домой возвращались вместе. Шли молча, и, чувствуя сильную руку сына, поддерживающего ее, Любовь Георгиевна ощутила вдруг тихое, ни с чем не сравнимое спокойствие, какого она не ощущала еще никогда в жизни...

Молодежь — это великолепный, самый подвижный отряд человечества.

М. Калинин

Дела комсомольские

Николай рассказывал Антонову о том, что успели сделать ребята менее чем за два месяца.

Антонов слушал внимательно, не прерывая.

Сделано немало. В комитете комсомола организованы отделы: культурно-просветительный, политический и экономический. Начал регулярно выходить молодежный журнал, названный «Заря новой жизни». Правда, тиражи были небольшими — журнал печатался на пишущей машинке. Николай попросил Антонова посодействовать тому, чтобы журнал печатали в типографии. Петр Иванович согласно кивнул. Николай продолжал рассказ — короткими, сжатыми фразами, словно докладывал. Уком комсомола стремится охватить своим влиянием как можно больше молодых людей, вовлечь их в общественные дела. Силами комсомольцев и красноармейцев оборудован клуб, общественная читальня и вечерняя школа для взрослых. В клубе систематически читаются лекции, в первую очередь — на антирелигиозные темы. С толковыми лекторами туговато, в этом деле они тоже просят помочь уком партии...

Николай умолк.

— Все? — спросил Антонов.

— Нет,— сказал Николай.— Деникин приближается к Туле, а у наших комсомольцев оружия — два нагана да винтовка со сломанным затвором...

— Понятно. Требуете оружия?

— И оружия тоже. А главное — инструкторов. Кое-кто из ребят считает: взял винтовку, нажал на спусковой крючок — вот и вся хитрость...

— Ты так не считаешь?

— Нет, конечно. Нужно наладить обучение военному делу. Времени в обрез, поэтому инструкторы нужны толковые.

Антонов молчал, глядя на Николая. Потом улыбка тронула его губы. Спросил:

— Рефлекс инициативы?

— Точно,— серьезно ответил Николай.— Он.

— Понятно...— Антонов снова замолчал, с явным удовольствием разглядывая сидящего перед ним парня. Потом сказал: — Что ж, инструкторов выделим, оружие дадим. А ты, брат, собирайся-ка в дорогу... Вот мандат.

Николай взял документ, прочел короткий текст: «Выдан настоящий мандат председателю Чернской организации Российского Коммунистического союза молодежи т. Вознесенскому Николаю в том, что он командируется в г. Тулу для ознакомления с Тульской организацией союза молодежи. Все советские и партийные организации должны содействовать последнему в исполнении возложенных на него обязанностей, что подписью и приложением печати Чернского укомпарта удостоверяется».

Вернувшись через несколько дней из Тулы, Николай увидел на станционном здании большой плакат, написанный на серой оберточной бумаге. Крупные буквы, аккуратно выписанные фиолетовыми чернилами («Никонов, его рука!» — подумал Николай), гласили:

«Товарищ! Ты умеешь обращаться с оружием? Ты можешь зарядить винтовку и действовать в общем

строю? Ты справишься с пулеметом, с ручной бомбой? Если нет, немедленно иди в комитет и запишись на обучение. Член Российского Коммунистического Союза Молодежи должен быть готов во всеоружии защищать дело социализма!»

Проходя по улицам, Николай заметил еще несколько таких плакатов. «Молодцы ребята!» — подумал он. В дни его отсутствия товарищи, как видно, не сидели сложа руки. Николай прибавил шагу, торопясь услышать новости. Да и ему было что рассказать членам комитета...

Молодая республика Советов переживала один из критических моментов своей истории. Хорошо снаряженные и вооруженные на средства Антанты полчища генерала Деникина наступали по всему фронту, растянувшемуся от Волги до Днепра. Еще в начале июля 1919 года «главнокомандующий всеми вооруженными силами Юга России» (такой титул присвоила контрреволюция Деникину) издал так называемую «московскую директиву». Согласно этой «директиве» деникинская армия должна была не позже осени захватить Москву и добиться уничтожения Советской власти. Находившиеся за границей русские капиталисты ликовали. Они даже установили немалую награду (в миллион рублей!) тому из белогвардейских полков, который первым войдет в Москву. Повод для ликования российских толстосумов был: развивая наступление, деникинцы захватили Украину, Северный Кавказ, Дон. Серьезная угроза нависла над центральными районами России.

«Все на борьбу с Деникиным! — призывал Центральный Комитет партии в письме к партийным организациям, ко всей стране.— Советская Республика осаждена врагом. Она должна быть *единым военным лагерем...*»

Письмо написал Ленин.

«Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции» — так Ленин оценил тогда положение Республики.

Несмотря на героизм и стойкость красноармейских частей, деникинцы рвались к сердцу Советской республики. 10 августа в тыл Красной Армии прорвались мамонтовские головорезы, захватив Козлов, Тамбов... К осени обстановка на Южном фронте еще более осложнилась. 12 сентября ставленник интервентов Деникин подписал приказ о новом наступлении на столицу. Спустя несколько дней после опубликования приказа деникинцы захватывают Курск, 6 октября — Воронеж и 13 октября — Орел.

Враг готов был уже праздновать победу: вот-вот он ворвется в Тулу, доберется до красной столицы — Москвы.

Передовые части деникинцев вплотную подошли к Черни.

Тревожные дни переживал уездный центр.

На борьбу с врагом поднялись все — от мала до велика. Создавались боевые отряды. В их формировании активное участие принял уездный комитет комсомола...

Порывы ветра рябили вывешенное над входом в уком комсомола красное полотнище с призывом: «Все к оружию в это тяжелое время! Молодые коммунары, выше знамя! Революция требует уничтожения Деникина!»

Деление суток на день и ночь в сутолоке военных забот утратилось... По ночам комсомольцы обучались военному делу, днем строили оборонительные сооружения. И наоборот. Одна группа сменяла другую. Сформиро-

ванные боевые отряды отправлялись на фронт... По сообщению уездной газеты, восемь членов союза молодежи добровольно пошли в распоряжение Чернского ревкома, несколько человек вступило в партизанский отряд, который должен был остаться в тылу врага в случае оккупации уезда.

В комитет комсомола приходили целые группы ребят. Заявляли категорически:

— Нас десять парней и три девушки. Требуем всех зачислить в Красную Армию!

Настроение было боевым, а время тревожным...

Уездный комитет РКСМ решил объявить общую мобилизацию комсомольцев. Вот сообщение в уездной газете от 21 августа 1919 года: «Уком РКСМ доводит до сведения, что им мобилизованы все члены Союза мужского пола от 16 лет на защиту завоеваний свободы и разгром банд генерала Мамонтова. Все мобилизованные товарищи зачислены в местный гарнизон и переданы в распоряжение укомпарта».

Один за другим проходили по пыльным улицам прифронтового города отряды комсомольцев, ощетинившиеся штыками старых трехлинеек. Шаг был четок, лица суровы...

Звонко, но строго звучала песня:

Смело мы в бой пойдем
за власть Советов!..

И шли, не ведая о том, что вступают в Историю...

Вручив последнюю винтовку своему близкому другу Паше Каюкову, Николай пришел в уком партии к Антонову.

— Петр Иванович, я хочу проситься у вас на фронт.

— И ты? — глаза у Антонова прищурились.— Вот так сразу и на фронт? А кто же здесь?

Николаю стало неуютно под его взглядом.

Антонов поднялся и прошелся по кабинету из угла в угол. Смущенный Николай переминался с ноги на ногу, тиская в руках кепку.

— Петр Иванович,— сделал попытку оправдаться Николай,— так ведь что получается: все мои ребята получили оружие и не сегодня-завтра уйдут на фронт! А я? В тылу буду торчать?! Какой же я после этого председатель укома?

— Да, действительно,— задумчиво проговорил Антонов,— рановато, наверно, выдвинули тебя председателем...

Смертельная бледность залила лицо Николая. Антонову стало жаль парня, он хорошо понимал чувства, владеющие молодым вожаком уездных комсомольцев.

— Садись, Коля,— сказал он смягчившись.— Поговорим...— Сам сел напротив, закурил, после чего спросил: — Тебе известно решение укомпарта оставить Николая Вознесенского здесь, в Черни?

— Известно,— с трудом выдавил слово Николай.

— Тогда мне непонятно, о чем нам с тобой толковать. Может, стоит повторить твои же собственные слова о дисциплине, которые ты не так давно говорил своим товарищам?

— Не стоит...— смутился Николай.

Антонов помолчал, потом сказал:

— Учись, Коля, подчинять свои желания необходимости, диктуемой интересами партии. В этом — основа железной дисциплины, без которой нет настоящей революционной партии. Кстати, при разборе «Анти-Дюринга», которым ты сейчас занимаешься, обрати внимание на то, как Энгельс определяет понятие «свобода».

— Обратил,— сказал Николай,— и запомнил: свобода есть осознанная необходимость... Вот я и осознал не-

обходимость быть вместе с товарищами там, где решается судьба революции — на фронте.

Антонов от неожиданности присвистнул, удивленно протянул:

— Ну и ну!..

И заметил веселые искорки в глазах Николая; понял: парнишка сознательно «подковырнул» его, использовав предложенное им же оружие. «Не прост парень!» — с уважением подумал Антонов и, сделав строгое лицо, сказал:

— Осознал, говоришь? А ты осознал, что если, неровен час, белогвардейцы захватят город, то на тебя выпадет опаснейшая работа в подполье, в тылу у врага? А это, скажу тебе, куда сложнее открытой атаки с криками «ура!»...

— Город не сдадут белякам,— сказал Николай.

— Уверен? — спросил Антонов.

— Уверен.

— Даже без геройских подвигов на фронте некоего Николая Вознесенского?..

Николай понял ответную «подковырку», улыбнулся и, поднявшись, сказал:

— Ну, я пойду, Петр Иванович. Дел много...

— Много, говоришь? — Антонов усмехнулся.— Подумать только: у человека дел куча, а я его отвлекаю пустыми разговорами!

В тоне Антонова прозвучала ирония, но ирония добрая, необидная.

7 ноября 1919 года день в Черни выдался ненастный. Дул северный ветер, летел колючий снег. Но, несмотря на непогоду, на улицах уже с утра был народ. Группами и в одиночку мужчины, женщины и дети стекались к городской площади...

К началу праздничного митинга площадь была заполнена гудящей толпой; то тут, то там возникали, подхватываемые десятками голосов, революционные песни.

Николай волновался: уком партии поручил ему выступить с речью на митинге.

Председатель уездного исполкома взглянул на карманные часы, щелкнул крышкой, сказал:

— Будем начинать.

Когда Николай поднялся на трибуну и обвел взглядом площадь, он увидел в толпе белого как лунь инвалида на костылях. Вспомнил, как этот человек, пришедший месяц назад из тех мест, где хозяйничали белогвардейцы, появился в укоме партии; припомнил его невеселый рассказ о себе... И свою речь Николай начал такими словами:

— Сейчас идет легкий снег. Но не от снега белеют волосы наших товарищей. Вон я вижу среди вас инвалида на костылях... Спросите у него: отчего он поседел? И вы услышите про тяжкую долю, про то, как измывались над человеком белые, как деникинцы переломали ему ноги.

Площадь зашевелилась, голос Николая зазвучал тверже.

— Вот как обращаются враги с нами! Но мы не из трусливых. Трудовой народ и его великую революцию не запугать! Два года прошло с тех пор, как мы взяли власть в свои руки... Теперь никакая контра не отберет ее назад!

— Черта лысого! — крикнули в толпе.— Не отдадим!

Раздались аплодисменты.

В заключение Николай сообщил о начавшемся наступлении Красной Армии:

— Красные воины освободили Орел. Конница Буденного разгромила главные силы Шкуро — Мамонто-

ва недалеко от Воронежа... Близок день, когда мы вышвырнем последнего белобандита за пределы Республики! Мы победим, потому что ведет нас к победе Ленин и созданная им партия большевиков!

После Николая выступили председатель уисполкома и Антонов. Закрывая митинг, Петр Иванович призвал горожан сохранять порядок в это тревожное время, проявлять революционную бдительность; сообщил, что в Туле ждут Калинина, что, возможно, Михаил Иванович приедет и в Чернь...

Михаил Иванович Калинин приехал в Чернь 11 ноября. Это было волнующим событием... Таких многолюдных митингов Чернь еще не видела. Михаил Иванович выступал в клубах, в Народном доме...

Николай Вознесенский с волнением слушал речь Калинина на партийном собрании в уисполкоме:

— О трудностях хорошо известно и нам, в центре,— говорил председатель ВЦИК.— Но помните, что удержать власть потруднее, чем было ее завоевать. Держите крепкие связи с массами — в этом наша сила. И не обещайте людям ни золотых гор, ни молочных рек с кисельными берегами. Пока не изгоним интервентов, не восстановим хозяйство, государство не сможет удовлетворить нужды деревни ни в ситце, ни в обуви, ни в других товарах. Говорите правду, будьте искренними. Тогда люди скорей поймут вас и поддержат...

В перерыве Николай с трудом протискался к Калинину, окруженному плотным кольцом людей. Заметив его пристальный взгляд, Михаил Иванович обратился к Вознесенскому:

— Вы хотите что-то сказать, молодой человек?

Николай смутился, на мгновение оробел, но сказал с внешним спокойствием:

— Хочу попросить вас, Михаил Иванович, с молодежью побеседовать...

— С молодежью? А вы кто будете?

— Это наш председатель комитета комсомола — Николай Вознесенский,— послышался голос Антонова, с особой теплотой произнесшего слово «наш».

— Что ж, хорошо,— сказал Михаил Иванович.— С молодежью надо обязательно встретиться. Организуйте! К концу собрания назовете мне время и место...

Беседа состоялась в тот же вечер.

Зал клуба «Третий Интернационал» был переполнен. Сотни юношей и девушек пришли, чтобы послушать Калинина.

Говорил Михаил Иванович недолго, но каждая фраза его выступления была весомой и важной: он вел разговор о том, что нужно делать молодежи, чтобы спасти республику Советов и построить новую жизнь.

— Чтобы строить новое общество,— наставлял Михаил Иванович,— недостаточно только одного желания. Нужны еще знания...

Он рассказал о Владимире Ильиче, о его напряженной работе по руководству партией, первым в мире рабоче-крестьянским государством, международным революционным движением, о том, как при всей своей занятости Ленин находит время, чтобы работать над книгой, много читает, пишет.

Когда Михаил Иванович закончил речь, Вознесенский обратился к присутствующим:

— Ребята, девушки! Поклянемся в лице Михаила Ивановича нашей партии, товарищу Ленину, что мы не щадя своих сил, до последнего вздоха будем бороться за победу революции, за социализм!..

— Клянемся! Клянемся! — в едином порыве несколько раз произнес зал.

Михаил Иванович был взволнован.

Николай Вознесенский. 1926 г.

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

ЮНЫЙ КОММУНИСТ

ОРГАН ЧЕРНСКОГО УЕЗДНОГО КОМИТЕТА Р. К. С. М.

Пятница 25-го июня 1920 года. №1.

Наша задача.

Речи юного агитатора

Газета «Юный коммунист», орган Чернского уездного комитета РКСМ. Ее редактировал в 1920 г. Н. А. Вознесенский.

Комсомольцы г. Чернь на прогулке. Пятый справа (с книгой) — Н. А. Вознесенский, шестая слева — его сестра Мария.

— Обязательно передам товарищу Ленину, какая замечательная смена растет старшему поколению! — сказал он, уезжая.

1 декабря Николаю исполнилось 16 лет. Если бы не мать и сестры, он и не вспомнил бы об этом, тем более, что готовился к куда более важному, одному из самых важных событий в своей жизни: вступлению в Коммунистическую партию. И этот день настал... Президиум Чернского укома РКП(б) единодушно поддержал кандидатуру юноши. В один из морозных декабрьских дней 1919 года П. И. Антонов вручил Николаю Вознесенскому партийный билет.

— Несмотря на молодость, — сказал Антонов, — ты сумел доказать, что достоин этой чести — быть в одной партии с Лениным. Где бы ты ни был, что бы ты ни делал, помни: отныне ты полномочный представитель Российской Коммунистической партии большевиков. Береги честь этого высокого звания, будь достоин партии всегда и во всем.

В том же месяце состоялся первый уездный съезд Чернской организации РКСМ.

С воодушевлением и нескрываемым радостным волнением открывал первый съезд уездных комсомольцев председатель укома — юный коммунист Николай Вознесенский. На него смотрели сотни глаз: за пять месяцев комсомольская организация выросла с 10 до 250 человек.

Выступавшие после Николая юноши и девушки горячо и единодушно одобрили большую организаторскую и воспитательную работу, которую провел за короткий срок уездный комитет. Подтверждая выступления ораторов, съезд вновь избрал председателем укома Николая Вознесенского и утвердил его редактором молодежной газеты «Юный коммунист». В состав уездного комитета была избрана и старшая сестра Николая — Мария Вознесенская.

Вскоре после съезда перед чернскими комсомольцами была поставлена новая боевая задача.

В декабре 1919 года уком партии получил телеграмму из Тульского губкома. Губернский комитет РКП(б) требовал принять самые решительные меры для сбора продовольствия, помощи Москве хлебом. Для выполнения директивы губернского партийного центра уком мобилизовал всех коммунистов и комсомольцев.

Выступая на экстренном заседании комитета комсомола, Николай сказал:

— Нам поручено ответственное дело. Москва голодает, рабочим выдают по четверти фунта хлеба в день... Губком партии требует нашей помощи. Для нас это еще одна возможность на деле доказать нашу преданность делу революции. Мы знаем, что большинство сознательных крестьян — беднота, сама перебивающаяся кое-как... А кулаки и их подпевалы добровольно не дадут ни одного фунта зерна, ни одного пуда картофеля. Это и понятно. Многие богатеи припрятали не только продукты, но и оружие... Предлагаю создать вооруженный продотряд, поднять на ноги всех до одного комсомольцев уезда, всю сознательную деревенскую молодежь...

...И пошли отряды комсомольцев, как впоследствии напишет поэт, «с Лениным в башке и с наганом в руке» добывать из кулацких тайников продовольствие голодающей республике.

Архивы не сохранили отчета о том, сколько рук и ног было обморожено, сколько юных жизней оборвала кулацкая пуля в этом походе комсомольцев за продовольствием. Но цифры об отгруженных столице чернскими комсомольцами продуктах, цифры, которые в те времена ценились не меньше хорошего удара по врагу, эти цифры есть. Вот они.

100 пудов сухарей.

1 вагон овса.

44 вагона картофеля.

И это было только начало похода...

«Теперь... когда на смену капитализма идет новая, светлая эра, когда совершается исторический перелом в жизни человеческого общества, от каждого его члена нужна посильная помощь, и мы должны ее принести, ибо этого требуют от нас труженики земли. Мы, молодежь, строители будущего, должны быть готовы к постройке народного счастья на развалинах старого буржуазного здания»,— так писал в чернской уездной газете шестнадцатилетний Николай Вознесенский со свойственным ему уже в те ранние годы умением заглядывать вперед...

...Каждый делает свою судьбу, и каждого она делает.

И. С. Тургенев

Слишком молод...

Поезд набирал ход.

Вокзал давно скрылся за дымной пеленой, а Николай не отходил от раскрытой двери вагона. Все быстрее перестук колес. Паровоз победно загудел: «В Москву-у-у!..» Николай неотрывно смотрел вдаль, где за туманом, напитанным дымами тульских заводов, остались мать и сестры, остался Антонов, остались друзья, осталась юность, полная тревог и волнений, радостей и надежд...

Николай прошел в битком набитый людьми вагон. Мужики и бабы плотно сидели на отвоеванных с боем и бранью местах, держась за мешки и котомки. С трудом, стараясь не наступать на ноги, Николай протискивался через забитый до отказа проход, но так и не нашел места, вышел в противоположный тамбур.

Здесь, пристроившись на вещмешках, дремало несколько красноармейцев. Бодрствовал лишь один из них, крепкий парень лет двадцати. Прислонившись спиной к спящему товарищу, он тихо наигрывал на потрепанной трехрядке. Взглянув на Николая живыми умными глазами, парень подвинулся, сказал:

— Садись, браток. В Москву?..

И, не дожидаясь ответа, запел негромким хрипловатым голосом:

Мы пойдем без страха, мы пойдем без дрожи,
Мы пойдем навстречу грозному врагу.
Дело угнетенных — дело молодежи.
Горе, кто на чуждом, черном берегу...

Пристроившись на фанерном (отцовском) сундучке, Николай затих — песня пришлась по душе...

— А ты, брат, на каком берегу? — неожиданно спросил парень.— Комсомолец?

— Член партии,— ответил Николай.

Парень удивленно и с уважением присвистнул. Потом сладко зевнул и сказал, словно извиняясь:

— Считай, третьи сутки толком не спим... Ты не покараулишь? — Он похлопал ладонью по трехрядке.— А я сосну чуток. А? Идет?— И стал пристраиваться, не ожидая согласия Николая; уже сонным голосом добавил: — Ты гляди только — упрут вмиг...

И уснул мгновенно, засопел с присвистом.

Николай был рад тишине — той особой тишине вагона, неотъемлемой частью которой является ритмичный перестук колес... Потертые шинели спящих красноармейцев напомнили о событиях годичной давности.

Да, ровно год назад, в июле 1920-го, новые отряды чернских комсомольцев отправлялись на фронт. После короткой мирной передышки Антанта начала новый поход против молодой республики Советов. Белополяки вторглись на Украину, из Крыма выполз «черный барон» Врангель...

И снова, как в грозном 1919-м, по шоссе, тянувшемуся через Чернь на железнодорожную станцию Выползово, шли ощетинившиеся штыками комсомольские отряды (вот в таких же, как на этих спящих в тамбуре вагона парнях, далеко не новых шинелях...).

Гремела новая, неведомо кем сложенная песня:

Белая армия,
    черный барон
Снова готовят
    нам царский трон...

Год пролетел как день... Только сейчас, оглянувшись назад, Николай смог оценить всю ответственность и многообразие дел и забот, легших в те дни на плечи комсомольского актива Черни: подготовка молодежи к обороне города и ликвидация неграмотности среди населения; организация комсомольских санитарных отрядов для борьбы с эпидемиями, вспыхнувшими в уезде, и постановка силами «комсы» спектаклей... Мирные дела переплетались с требованиями, предъявляемыми комсомолу гражданской войной.

В августе 1920 года Николай докладывал третьему губернскому съезду РКСМ о работе уездной комсомолии.

Сбор продовольствия...

Сотни докладов и лекций...

Субботники по общественной запашке земель...

Десятки спектаклей, деньги от которых были переданы в фонд Красной Армии...

Ликбез...

Военная подготовка комсомольцев...

Борьба с холерой...

— Появляются новые задачи в деле воспитания юношества, но эти задачи претворяются в жизнь, и с революционной настойчивостью мы дело отцов завершим,— такими словами закончил тогда Николай свой доклад.

Вскоре после съезда его отозвали на работу в губком.

Передав укомовские дела (сестре Марии, единогласно избранной на его место), Николай зашел к Антонову.

— Учиться тебе надо, Коля,— сказал Петр Иванович, прощаясь.— Обязательно тебе надо учиться. Заве-

довать экономическо-правовым отделом губкома комсомола, надеюсь, тебе будет по силам... А дальше?

— В Москве есть Коммунистический университет...— сказал Николай.

— Понятно. Хочешь туда?

— Не то слово,— улыбнулся Николай.— Мечтаю... Только трудно, говорят, в него попасть.

— В этом поможем,— сказал Антонов.— Обещаю. Буду в Туле, обязательно поговорю в губкомпарте насчет тебя...

Полгода прошло после этого разговора, и вот заветная мечта сбылась: поезд везет его в Москву, а в левом кармане гимнастерки, заколотом булавкой, лежит путевка в Коммунистический университет имени Свердлова...

Привокзальная площадь полна движения и шума: звенели, лязгали трамваи, покрикивали извозчики, с нескрываемым презрением поглядывавшие с высоты козел на редкие и изрядно потрепанные автомобили... Николай остановился в растерянности: куда идти? Проще всего было бы доехать к университету на извозчике, да денег маловато, и в ближайшее время ждать их неоткуда. «Не все, что просто, имеет смысл»,— вспомнил он чье-то изречение и стал пробираться через оживленную улицу к постовому милиционеру. Тот издали засвистел Николаю, и когда он наконец предстал перед ним, окинул парня ироническим взглядом, козырнул и сказал:

— Сразу видно — прямиком из Парижа!..

— Я из Тулы,— смутился Николай.— Мне нужно в Коммунистический университет, на Миусскую площадь...

— Вон оно что!..— Лицо милиционера сразу подобрело.— По путевке? (Николай утвердительно кивнул). У меня свояк там учится...— начал было доверительно

милиционер, но увидел какой-то непорядок на улице, приложил к губам свисток, и пронзительная трель прорезала разноголосые шумы.— Ты двигай, парень,— сказал он после этого.— Во-он, видишь остановку трамвая?..

Он коротко и толково разъяснил, как добраться до Миусской площади, и козырнул на прощание — на этот раз без иронии и даже с явным уважением.

— Успехов тебе!

— Спасибо,— ответил Николай.

Трамвай был полон, сундучок всем мешал, Николая толкали, беззлобно поругивали; Москву он из окна трамвая рассмотреть не смог, беспокоясь лишь о том, чтобы не проехать нужную остановку.

— Кто Миусскую все время спрашивал? — раздался усталый, надорванный голос кондукторши.— Следующая!..

Здание университета было большим, солидным.

Прочитав вывеску, Николай с волнением и непонятным, смутным страхом вошел в подъезд...

Но все оказалось просто: у него забрали путевку, отметили в большой амбарной книге и дали ордер в общежитие на Малой Дмитровке.

Подхватив свой легкий сундучок с нехитрым багажом, Николай отправился по указанному адресу, изредка, для верности, переспрашивая прохожих.

Москва ему нравилась...

Даже в тихих, чем-то похожих на тульские переулочках его не оставляло ощущение того, что он находится в огромном городе. И воздух здесь был каким-то особенным, со своими непередаваемыми запахами, присущими, наверно, одной только Москве... Мимо Николая пробежал, разбрызгивая лужи от недавно прошедшего

дождя, крытый черный автомобиль. Николаю рассказывали, что в таком автомобиле ездит Ленин. «Не он ли?» — мелькнула мысль, и сердце замерло от радостного волнения: он шагает по городу, где живет и работает великий вождь пролетариата, дышит одним с ним воздухом...

Комендант общежития — высокий худощавый человек со строгим лицом — провел Николая по длинному коридору, остановился перед одной из дверей, распахнул ее и сказал:

— Ваша кровать — направо, в углу. Главное — чистота, порядок. Кроме вас здесь живут студенты Лесин, Левинзон и Шагильдян...— Комендант улыбнулся.— Настоящий интернационал! Есть хотите?

— Очень,— признался Николай.

— Пошли, выдам пропуск в столовую. Можете сейчас же и идти, это рядом, на другой стороне улицы...

Суп из воблы с чечевицей, каша и два куска сахара к чаю... Сказочный обед! (Изысканных яств Николай никогда не едал, дома чаще всего обходились картошкой и ржаным хлебом). Да еще и бесплатно!.. Проблема пропитания не очень волновала Николая (главное — учиться!), но поняв, что этой проблемы здесь не существует, он почувствовал облегчение: значит, можно будет, не заботясь ни о чем другом, учиться — и только учиться... Николай поделился этой своей мыслью с сидящими с ним за одним столом студентами.

— Новенький? — догадался один из них.— Ничего, поживешь — привыкнешь.

Другой возразил:

— Это кому как. Я вот не могу привыкнуть: жилье, кормежка, обувь, одежда — и все за «спасибо», а оно, выражаясь языком «Капитала», стоимости не имеет...

Я до революции в университет поступил. Учился, пока отец был жив. А потом выставили за неуплату... Попробуй после этого привыкни к этакому сказочному житью. Постой! Ты куда? — остановил он поднявшегося из-за стола Николая.— А хлеб?

— Что — хлеб? — не понял Николай.

— Хлеб почему оставил? Это — на весь день. Паек, понял? Фунт с четвертью... Вполне хватает при обузданном аппетите. Так что забирай остатки хлеба, больше сегодня не дадут...

Николай послушался, завернул оставшийся от обеда хлеб в газету и положил в карман старого отцовского пиджака.

Из столовой Николай снова направился на Миусскую площадь, в университет. Ему не терпелось узнать, что он будет изучать — какие науки и в каком объеме...

...Вот что пишет Владимир Иванович Невский, заведовавший в те годы учебной частью Коммунистического университета имени Свердлова:

«Отлично помню, как Владимир Ильич, ознакомившись с программой, предложенной мною, одобрил введенный довольно пространный курс естествознания.— «Нельзя быть хорошим материалистом, не усвоив естествознания»,— такова была мысль Владимира Ильича... С большим вниманием Владимир Ильич рассмотрел и другие части программы, подчеркнув, что программу нужно построить так, чтобы все преподавание носило живой, практический характер, чтобы оно было связано с практикой и отвечало запросам жизни».

На первом курсе студенты изучали физику, математику, биологию, географию, химию, статистику, естествознание, историю развития общественных форм и производительные силы России. В программу второго и

третьего курсов входили геология, астрономия, история рабочего движения России и Запада, история Запада и Востока, организация труда, экономическая политика, экономика промышленности, аграрный вопрос и аграрные отношения в России, философия, политическая экономия, общее учение о государстве и праве, советское право, международные отношения, история литературы.

Ознакомившись с внушительной программой университета, Николай побродил по коридорам, заглядывая в пустые до времени аудитории, где ему предстоит окунуться в целый мир наук и познать его... От мысли, что самая заветная его мечта так близка к осуществлению, сердце билось быстрее, настроение было приподнятым, праздничным. И чтобы сделать этот праздник более ощутимым, Николай решил побывать на Красной площади.

Пройдя переулками, он вышел на широкую Тверскую улицу, обратился с вопросом к проходившему мимо интеллигентному старичку в пенсне, привязанном шелковым шнурочком к петлице потертого пиджака:

— Скажите, пожалуйста, как пройти к Кремлю?

— К Кремлю? — переспросил старичок и ловко подхватил упавшее пенсне, мгновенно водрузив его на место.— Это же очень просто, молодой человек! Ничего нет проще, как пройти к Московскому Кремлю... Идите прямо, только прямо, все время идите прямо — и вы выйдете на Красную площадь, вы выйдете, молодой человек, прямо к Кремлю!..

Николай поспешно поблагодарил многословного старичка и зашагал по Тверской. Оглянувшись через некоторое время, он увидел старичка: тот, наклонив голову, поверх пенсне смотрел ему вслед...

На Красной площади Николай пробыл допоздна.

Взволнованный и притихший шагал он по отполированной многими и многими подошвами булыжной мостовой, с уважением оглядывал могучие стены, молчаливо и строго хранящие память об исторических событиях целых эпох... Слушал переливчатый бой кремлевских курантов. И острое, волнующее ощущение владело им, непрерывно росло: где-то здесь, совсем рядом — Ленин...

— Ну вот, коллектив нашей комнаты укомплектован! — встретил Николая возгласом невысокий чернявый парень.— Есть предложение определить наш быт одним словом: коммуна! Кто «за»? — И первым поднял руку.

Николай с улыбкой проголосовал: ребята ему сразу понравились.

— Михаил Левинзон,— протянул ему руку чернявый.

Николай назвал себя.

Знакомство состоялось просто. Миша Левинзон, Ваня Лесин и Ваган Шагильдян так же, как и Николай, были комсомольские работники, поговорить им было о чем, и понимали они друг друга сразу, с полуслова. Разговор завязался с первой же минуты встречи и затянулся далеко за полночь. Торопясь и перебивая друг друга, ребята рассказывали Николаю все, что удалось им узнать об университете, в котором всем четверым предстояло учиться.

В Коммунистическом университете выступали с лекциями такие замечательные люди, как Дзержинский, Калинин, Куйбышев, Луначарский, Горький...

И — Ленин... Сам Ленин!

11 июля и 29 августа 1919 года Владимир Ильич прочитал студентам лекцию «О государстве», а 24 октября

того же года произнес речь, напутствуя слушателей университета, отправлявшихся на фронт...

— А раз так,— высказал общее затаенное желание Ваня Лесин,— то и мы увидим и услышим Ильича...

— Точно! — подтвердил Шагильдян.— Правильно говоришь!..

В последние мгновения, предшествующие сну, перед Николаем пронеслись события этого необыкновенного дня. Вспомнился черный автомобиль, проехавший мимо него, мелькнула мысль, неожиданно ясная и уверенная: «Это был он!»

Колючие глаза председателя приемной комиссии смотрели на Николая из-под густых, насупленных бровей, и откуда-то издалека, словно из другой комнаты, донесся голос:

— ...Вы меня поняли, товарищ Вознесенский?

И только тут Николай понял отчетливо и обнаженно: ему отказывают в приеме в университет... Слишком молод, нет еще восемнадцати... Именно это только что сообщил ему председатель комиссии. Сообщил так буднично, что не хотелось верить...

— Нет! — непроизвольно вырвалось у Николая.

— Как, вы не поняли? — удивился председатель.

— Я понял, но я останусь и буду учиться! — резко сказал Николай, чувствуя, как медленно отливает кровь от лица, как немеют щеки...

Члены комиссии переглянулись.

— Но поймите,— помолчав, сказал председатель,— существует положение о приеме студентов в Коммунистический университет, и у нас нет никаких оснований делать для вас исключение...

— Нет! — опять непроизвольно вырвалось у Николая.

— Ну вот видите...— смягчился председатель, не поняв смысла, прозвучавшего в отрывистом «нет» Николая.— Единственное, что может сделать приемная комиссия — это помочь вам поступить в другой вуз: технический, медицинский, педагогический...

— Нет! — отрезал Николай, выражая этим словом безраздельно овладевшее им чувство протеста.

Председатель комиссии снова насупился.

— Ну что ж,— сказал он с нотками раздражения в голосе,— тогда ничего не остается, как приехать к нам в следующем году...

— Нет!

И, бросив комиссии в последний раз это короткое слово, Николай повернулся и ушел...

В одно мгновение рухнули все мечты и надежды.

Шел дождь, но Николай не замечал его, бродил по улицам, ступая прямо в лужи, и очень удивился, взглянув случайно на уличные часы: шел восьмой час... Значит, уже несколько часов он бродит в одиночестве, одолеваемый одной мыслью: что же делать теперь? Примириться? Собрать сундучок — и в Тулу?.. Нет, он не из таковских!.. Что же тогда?

Николая потянуло к его новым друзьям.

Те, выслушав Николая, были потрясены не меньше, чем он сам несколько часов назад. Некоторое время все ошеломленно молчали. Потом экспансивный Шагильдян сорвался с места, заметался по комнате, произнося маловразумительную, но энергичную речь, поминая в ней всяческими словами «бездушных чинуш» и «завзятых бюрократов».

— Стой! — остановил его Ваня Лесин.— Сядь, помолчи. Надо подумать: что будем делать?

Он сказал это просто, по-деловому, но произнесенное

слово «будем» излучало скрытое тепло: беда Николая перестала быть только его бедой, стала общей...

— Есть предложение,— сказал Миша Левинзон и подошел вплотную к Николаю.— Ты коммунист? Коммунист! Садись и пиши!.. Прямо в ЦК пиши! Там поймут.

— А что? — отозвался Ваня.— Это дело!

— Ленину,— снова сорвался с места Шагильдян.— Ленину писать будем! Миша, где бумага? У тебя хорошая бумага была!

Письмо писали сообща и закончили его только к утру.

Не доверяя почте, Николай сам отнес письмо в приемную ЦК РКП(б)...

Оставалось ждать...

Никогда раньше Николай не предполагал, что дни могут быть такими длинными, а время — тянуться так медленно. Он стал сторониться друзей, те обижались, а Николай не мог, не умел объяснить им свое душевное состояние (свойственное сильным натурам), когда любое, даже непроизвольное участие становится тягостным...

Однажды утром комендант общежития остановил его.

— Товарищ Вознесенский? Вам письмо.

Николай выхватил из рук коменданта конверт, взглянул на него... Письмо было от матери.

Николай вернулся в комнату, сел за стол, распечатал конверт и бережно вынул сложенный пополам лист бумаги, исписанный крупным, неуверенным, милым ему почерком. Мать сообщала, что у них все хорошо. Мария много работает и дома бывает редко. Валентина окончила школу и поступила служить в редакцию газеты.

Спрашивала, почему не пишет он, Николай, здоров ли, не прислать ли чего теплого к зиме и начал ли он уже заниматься...

Что он мог ответить матери?

Через несколько дней начнутся занятия в университете, а он сидит, ждет у моря погоды...

«Пойду в ЦК сам»,— решил Николай.

В этот момент в комнату ворвался Миша Левинзон, так стукнув дверью, что она едва не сорвалась с петель.

— Колька! — заорал Миша.— Пляши! Только что был в учебной части!.. Пляши, говорю! Ну!

Мгновенно все поняв, Николай вскочил, встряхнул Мишу, крикнул, еще не веря:

— Приняли?!

И, оттолкнув щуплого Мишу, все еще пытавшегося заставить Николая плясать, помчался в университет...

...Председатель приемной комиссии с улыбкой смотрел из-под густых бровей на представшего перед ним взлохмаченного, покрасневшего от волнения Николая. Спросил:

— Добились-таки своего? Это, знаете ли, замечательно! Центральный Комитет предлагает принять вас в университет в виде исключения... Рады? Ну-ну... Я тоже рад. Поздравляю.

У каждого есть перед глазами определенная цель,— такая цель, которая, по крайней мере ему самому, кажется великой и которая в действительности такова, если ее признает великой самое глубокое убеждение, проникновеннейший голос сердца...

К. Маркс

Клятва Ильичу

Это случилось вечером 21 января 1924 года...

Было около восьми, когда в читальный зал вбежал Ваня Лесин с криком, поднявшим всех на ноги:

— Товарищи!.. Ленин!..

Раздались еще возгласы, и — наступила тишина: все замерли глядя на Ваню. Тот как-то обмяк, сник, лицо его скривилось, он беспомощно, по-детски всхлипнул и, резко отвернувшись, зарыдал.

Так в университет пришла страшная весть: умер Ленин...

Утром 22 января московское радио известило весь мир о тяжелой утрате.

На площадях, под раструбами уличных репродукторов стояли толпы людей.

— ...Совершенно неожиданно вчера в состоянии здоровья Владимира Ильича наступило резкое ухудшение, и несколько часов спустя Владимира Ильича не стало,— передавало радио правительственное сообщение.— Самый тяжелый удар, постигший трудящихся Союза, глубоко потрясет рабочего и крестьянина не только нашей республики, но также и во всех странах широкие

массы трудящихся будут оплакивать смерть своего вождя...

И плакали женщины, привычно изливая горе в слезах. И плакали мужчины, не раз и не два истекавшие кровью в боях с врагами республики, но не пролившие до этого дня ни единой слезинки...

Занятия в университете отменили.

Студенты группами стояли в коридорах, молчали. Любое слово казалось пустым, ничтожным по сравнению с чувством невосполнимой утраты, овладевшим всеми.

Николай был подавлен случившимся.

Потрясение было настолько велико, что он потерял ощущение реальности происходящих событий...

Откуда-то издалека к нему донесся голос...

Николай вздрогнул, удивленно оглянулся: он не помнил — когда, почему и зачем оказался в этой аудитории. Она была битком набита студентами. Высокий парень держал в руках газету и читал неверным, срывающимся голосом:

— Никогда еще после Маркса история великого освободительного движения пролетариата не выдвигала такой гигантской фигуры, как наш покойный вождь, учитель, друг...

Голос у парня сломался, он опустил газету, сказал:

— Нет, не могу...

К нему подошел Ваня Лесин, взял газету, продолжил, и голос его напряженно звенел в мертвой тишине:

— ...Все, что есть в пролетариате поистине великого и героического — бесстрашный ум, железная, несгибаемая, упорная, все преодолевающая воля, священная ненависть, ненависть до смерти к рабству и угнетению,

революционная страсть, которая двигает горами, безграничная вера в творческие силы масс, громадный организационный гений,— все это нашло свое великолепное воплощение в Ленине, имя которого стало символом нового мира от запада до востока, от юга до севера...

Пришла ночь...

Николай лежал, заложив ладони под голову, глядя в темноту. Чувствовал — товарищи тоже не спят. Знал, что молчат они по той же причине, что и он, что волнует их, страшный своей безысходностью, один-единственный вопрос: КАК ЖИТЬ БЕЗ ЛЕНИНА?..

Ответ на этот вопрос он нашел утром, в экстренном выпуске «Правды» — в обращении Центрального Комитета РКП(б): «Теперь, когда нашу партию постиг самый тяжелый удар — смерть Ленина,— мы должны с особой настойчивостью выполнить его основные заветы... Против мирового союза помещиков и капиталистов мы будем строить наш союз рабочих и крестьян, союз угнетенных наций».

Следовать заветам Ленина — вот смысл и назначение всей его последующей жизни!

Шагая вместе с товарищами в многотысячной колонне, медленно, в строгом молчании движущейся к Колонному залу Дома Союзов, Николай вспоминал в деталях, холодно, словно со стороны анализировал свою жизнь. И как ни придирчив был этот взгляд на самого себя со стороны, упрекнуть ему себя было не в чем...

Медленно, шаг за шагом двигалась колонна по знакомым, много раз исхоженным пешком улицам.

Николай вспомнил свой приезд в Москву...

Письмо в ЦК, Ленину...

...Учился он настойчиво, упорно и вместе с тем — легко, со вкусом. Ненавидел зубрежку. Не понимал, что такое поверхностное отношение к изучаемому предмету.

Наиболее интересной наукой для Николая стала политическая экономия. Он хорошо помнил один из разговоров с Антоновым, в котором тот сказал: «Основой основ любого общественного строя является экономика, экономические законы, согласно которым этот строй развивается. А потому — обстоятельно и детально изучи «Капитал» Маркса. Не случайно Владимир Ильич Ленин назвал «Капитал» величайшим политико-экономическим произведением нашего века...»

И «Капитал» стал для Николая в университете настольной книгой.

Николай не упускал ни единой возможности, позволяющей углубить и расширить знания. Он был активным участником студенческих кружков по политэкономии, философии, истории. Кстати историю — предмет, который некоторые из студентов считали второстепенным — Николай изучал с особым вниманием. В одном из выступлений на занятиях кружка по истории Николай сказал:

— Если бы Цицерон не назвал историю наставницей жизни, это сделал бы кто-нибудь другой.— И далее привел высказывание Энгельса, связывающее историю непосредственно с экономикой: — «Мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими».

После этого Николай перешел на текущий исторический момент, текущие проблемы экономики... Его доклады всегда отличались умением связать воедино теорию с практическими задачами, стоявшими перед страной, перед партией.

Врожденные способности, помноженные на удивительное трудолюбие, давали свои плоды: по глубине и качеству знаний Николай заметно превосходил своих сокурсников, однако превосходство это не носило и тени кичливости. Всем, в том числе и знаниями, он охотно делился с товарищами. Вот что рассказывает Нина Марковна Днепрова, учившаяся в одной группе с Вознесенским:

— При изучении «Капитала» нам многое было непонятно, особенно вопросы абстрактного труда, товарного фетишизма и денег. Были неясности и по другим дисциплинам. Николая никогда не нужно было просить о помощи, он приходил сам, усаживался рядом, и начиналась беседа... Он обладал незаурядным умением приводить самые сложные формулировки и положения к простым понятиям, не упрощая при этом существа.

Жизнь Николая не ограничивалась рамками университета. По поручению партийной организации в первый год учебы в «Свердловке» он часто выступал на московских предприятиях с политическими докладами и лекциями, разъясняя ленинскую политику партии, вопросы нэпа, разоблачая антиленинскую сущность речей троцкистов и других оппозиционеров. Его выступления были всегда остры, целенаправленны и бескомпромиссны. Товарищи в шутку называли Вознесенского «полпредом партии на московских предприятиях».

Так называемая «рабочая оппозиция», являвшаяся антипартийной, анархо-синдикалистской группой, была ярко и убедительно разоблачена Лениным в 1921 году на X съезде РКП(б). Но остатки этой группировки еще сохранились и продолжали подрывную работу против партии, нередко опираясь при этом на людей политически отсталых с весьма поверхностными, а подчас и заведомо искаженными представлениями о марксизме-ленинизме.

Однажды после лекции Вознесенского о государстве (это было в одном из рабочих клубов Москвы в начале 1922 года) на трибуну поднялся крупный, крепко сбитый бородач и на каком-то малопонятном, с претензией на «научность» языке понес бред о «съезде производителей», о передовой роли профсоюзов, противопоставляя их пролетарскому государству и партии.

Возмущенный до крайности этой неумелой болтовней, Николай с трудом дождался конца выступления бородача и взял слово.

— Мы только что убедились, что иные из представителей «рабочей оппозиции» не могут толком высказать своих собственных, с позволения сказать, «идей»...

В зале зашевелились, послышались возгласы одобрения.

— Придется растолковать мысли, которые пытался высказать мой предшественник...— продолжал Николай.— Каковы же воззрения этой антипартийной группы? «Рабочая оппозиция», к примеру, требует передать управление народным хозяйством «всероссийскому съезду производителей». А ведь каждый политически грамотный человек знает, что фактическая власть в любой стране находится у тех, кто командует производством, кто держит в руках экономические рычаги. Хотят представители «рабочей оппозиции» или нет, но выдвигая лозунг, о котором я уже сказал, они, по существу, отрицают диктатуру пролетариата, ее роль в управлении экономикой страны. Между тем Маркс, критикуя Готскую программу, писал: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата»*.

(Изумительная память позволяла Вознесенскому цитировать классиков марксизма-ленинизма, не обращаясь к каким-либо предварительным записям).

Николай продолжал:

— «Рабочая оппозиция» отрицает необходимость существования партии, считая высшей формой организации рабочего класса профсоюзы. И теоретически и практически этот тезис является чистейшей нелепостью. Потому что профсоюзы объединяют всех работающих по найму, в рядах профессиональных союзов находятся рабочие самых различных взглядов и убеждений. А партия объединяет в своих рядах только лучших представителей рабочего класса, способных посвятить всю свою жизнь интересам революции, делу партии. С легкой руки горе-теоретиков из «рабочей оппозиции» и Маркс и Ленин, гениальная правильность политических взглядов которых проверена самым суровым учителем — жизнью, списываются в архив... В пылу фракционной борьбы представители этой группы забыли о самом главном: куда они идут? В России существует две политические дороги. Первая — дорога партии большевиков, руководимой Лениным, дорога новой экономической политики, определенная X съездом РКП(б), идя по которой мы будем укреплять диктатуру пролетариата в новых экономических условиях и строить социализм. И вторая — дорога реставрации капитализма, дорога контрреволюции. Иных путей историей не дано.

— Да что вы слушаете его!..— раздался истерический крик, и на сцену выбежал бородач.— Что вы слушаете этого молокососа?! — Бородач ударил себя в грудь кулачищем.— Он еще пешком под стол ходил, а я уже громил помещичьи имения!

Николай не смутился.

— Верно говорили древние — ум человека отнюдь не в бороде,— спокойно сказал он.

Бородач оторопел, в зале засмеялись.

— И так как мой оппонент отрицает Маркса и Ленина, приведу высказывание личности вполне нейтральной — Козьмы Пруткова. Он сказал: «Многие люди подобны колбасам: чем их начинят, то и носят в себе».— И тут Николай обратился непосредственно к бородачу: — Вот и вашу голову начинили, как колбасу, да к тому же еще — тухлятиной, и вы разносите смрад по земле.

Общий хохот и аплодисменты покрыли последние слова Николая.

Николай вздрогнул, очнувшись от воспоминаний: этот хохот и аплодисменты, еще звучавшие в его ушах, так не вязались с тем состоянием, в котором находился он теперь...

Многотысячная молчаливая колонна людей, идущих отдать последний поклон Ильичу, приостановилась.

— Ну и морозище!

Легко, не по погоде одетый пожилой человек ожесточенно тер щеки. Рядом с ним в таком же тонком пальто молоденькая девушка, закутанная в усеянный дырами, ветхий платок.

Стужа лютовала. Пользуясь приостановкой шествия, люди подходили греться к кострам, разложенным прямо на мостовой. Но этого тепла хватало ненадолго...

Дальние ряды колонны пришли в движение; это движение достигло Николая, и он сделал короткий шаг, подталкиваемый стоявшими позади него...

Колонна вновь двинулась.

...В 1923 году в «Свердловке» подняли голову троцкисты. Их выступления на семинарах и партийных собраниях особенно участились после письма Троцкого к членам ЦК и ЦКК РКП(б) и заявления 46 оппозиционеров с клеветой на ЦК партии и партийный аппарат. Отдельные студенты стали высказываться за свободу фракций и группировок.

Николай неоднократно выступал против студентов-троцкистов.

— За кем вы хотите идти, за Троцким? — говорил он.— Подумайте как следует! Кому у нас не известно, что Троцкий грешит против ленинской партии, постоянно вносит раскол и отступает от ее линии с момента зарождения большевизма как политического течения. Проследите весь путь Троцкого, начиная с 1903 года, и вы убедитесь, что это путь шатаний, колебаний и фракционной борьбы против Ленина, против большевиков. Не напрасно Ленин еще в 1914 году сказал: «Услужливый Троцкий опаснее врага!» Вот и теперь троцкисты толкают партию на гибельный для диктатуры пролетариата путь. Нет, наш путь с Лениным, а не с Троцким! Никаких фракций и группировок!

Коммунисты университета дали бой троцкистам и не поддержали их платформу.

Во время дискуссии, навязанной партии оппозиционерами, среди учащейся молодежи Москвы родилась мысль написать открытое письмо Троцкому. Николаю эта мысль пришлась по душе, он принял активное участие в составлении письма и сборе подписей.

9 и 11 января 1924 года «Правда» опубликовала открытое письмо Троцкому от членов РКП(б) — учащихся вузов и рабфаков Москвы.

Для Троцкого, делавшего ставку на молодежь, это письмо было весьма чувствительным ударом... Едва ли он мог ожидать публичной пощечины от той части

общества, на поддержку которой больше всего рассчитывал.

В открытом письме студенты подвергли резкой критике попытку Троцкого умалить значение дооктябрьского периода истории нашей партии и особенно — противопоставление молодежи старым партийным кадрам. Авторы письма разоблачали двурушничество и фракционерство Троцкого, напоминали ему решения X съезда РКП(б) о единстве партийных рядов. «Сейчас, — писали они, — больше, чем когда-либо, необходимо максимальное единство и договоренность: малейшая трещина в партии, в аппарате развязывает мелкобуржуазную стихию внутри страны, наши раздоры ослабляют влияние партии и на рабочих и на крестьян». Письмо заканчивалось выводом: «Боевое единство — наш оплот, залог нашей победы. В духе этого единства мы будем вести свою работу».

В числе 111 подписей под этим письмом стояла и подпись Николая Вознесенского...

Он твердо и без колебаний шел по ленинскому пути, никогда не плелся в обозе, а, напротив, был в первых рядах, когда дело касалось защиты интересов партии, ее генеральной линии.

...По улицам и переулкам нескончаемыми потоками стекались к Дому Союзов тысячи людей. Они приехали из близких и далеких городов, из ближних и дальних стран, чтобы отдать последний поклон Ильичу.

Стоял жестокий мороз.

— У вас щеки побелели, — услышал Николай тихий женский голос.

Притронулся к онемевшим щекам и тут же забыл о них: неожиданно после медленного и долгого движения открылся темный проем входа в Колонный зал...

Николай сорвал с головы ушанку, крепко стиснул ее в руках.

Пахнуло теплом...

Послышалась тихая, скорбная музыка... Она затронула в нем неведомые струны, и окружающий мир внезапно поплыл, затуманился, растворился в этой музыке... Николай ушанкой вытер слезы.

В строгом молчании сменился почетный караул. Николай увидел знакомое по портретам и фотографиям худощавое лицо — Дзержинский!..

Невысокий постамент и море цветов...

И вот уже Николай видит четко очерченный ленинский профиль.

С каждым шагом — все ближе...

Взвились скрипки и где-то на недосягаемой высоте повели проникнутую скорбью мелодию.

Усилием воли Николай унял слезы, они мешали, застилая глаза, а он хотел ясно видеть, на всю жизнь запомнить, унести в сердце, проникнутом острой болью, эту минуту со всеми ее ощущениями...

И, повинуясь внутреннему порыву, Николай в эту скорбную и торжественную минуту дал безмолвную клятву: в мыслях и поступках — равняться на Ленина! Идеи Ленина — его идеи, он их обязан отстаивать, бороться за них! Наследие Ленина — в трудах вождя, в его гениальных предначертаниях, и он, Николай, посвящает делу Ленина всю свою жизнь, всю без остатка!..

26 января, выполняя пожелания трудящихся, II Всесоюзный съезд Советов утвердил постановление ЦИК СССР о сохранении гроба с телом Владимира Ильича Ленина в специальном Мавзолее, на Красной площади, у Кремлевской стены, среди братских могил борцов Октябрьской революции.

На следующий день страна провожала своего вождя, учителя и друга в последний путь...

Николай был в тот день на Красной площади.

В 16 часов гроб с телом Ильича под залпы траурного салюта установили в Мавзолее.

Огромная страна замерла: на пять минут остановились все предприятия и транспорт.

Необозримые пространства огласили скорбные гудки...

«Учиться, учиться и учиться!» — этот завет Ильича стал в ту пору для Николая главным: до окончания университета оставались считанные месяцы. И он целиком отдался изучению любимых им наук — политической экономии и философии...

Важно не то место, которое мы занимаем,
а то направление, в котором мы движемся.

Л. Толстой

В рабочем Донбассе

— Вознесюха, пойдем гулять!

Шестилетняя Верочка тянула Николая за рукав.

В приоткрытых дверях показалась Митревна, верочкина няня:

— И то, Веруня, тащи его,— нарочито ворчливо сказала она.— Что день, что ночь, что будни, что праздники — одно знает: уткнется в книгу, и хоть тебе трава не расти! Жениться тебе надо, вот что.

— С этим успеется, Митревна,— сказал Николай и, закрыв книгу, с улыбкой взглянул на Верочку.— Ну что, стрекоза, куда нынче двинем?

Когда Николай с Верочкой вышли, Митревна подошла к столу, взяла в руки оставленную Николаем книгу и с трудом прочитала вслух по складам:

— «Фе-но-ме-но-ло-гия духа»...

И недоуменно покачав головой, сказала:

— Надо же! А ведь неверующий!..

Приехав по окончании «Свердловки» в Артемовск, Николай поселился в хорошем, простом семействе — у Равичей. Здесь он с удивлением обнаружил в себе неведомую до этого времени черту характера: оказывается, он очень любит детей. Они быстро сдружились с Верочкой. Просыпаясь по утрам, Николай кричал из своей комнаты:

— Верочка, я уже встал!

А Верочка только и ждала этого, бежала к нему, и начиналась веселая возня, визг и смех.

Он часто и с удовольствием гулял с ней по улицам города.

Добросердечная Митревна тут же взяла Николая под свою опеку, сокрушалась, что он слишком много работает, слишком много читает и слишком мало ест. И как ни уверял ее Николай, что никогда не страдал чрезмерным аппетитом, что даже врачи рекомендуют умеренность в еде, Митревна не унималась, на этот счет у нее были свои неколебимые понятия.

Марк Борисович Равич работал заведующим орготделом Артемовского окружкома партии.

«Помню, как-то пришел я утром на работу, зашел в свой рабочий кабинет и вижу — на диване спит юноша,— рассказывает Марк Борисович.— Разбудил, спрашиваю:

— В чем дело? Как вы тут оказались?

Он вскочил, оправил пиджак.

— Извините,— говорит,— я приехал поздно ночью...— И улыбнулся.— Сторож по доброте душевной позволил мне тут вздремнуть. Я из Москвы. Приехал к вам на работу после окончания Коммунистического университета имени Свердлова. Вот путевка...

Вынул из кармана сложенный вдвое листок, протянул его мне.

Развернув путевку ЦК РКП(б), я прочитал: «Вознесенский Николай Алексеевич...»

— Знаю,— говорю,— я одного Вознесенского... Только Александра. Он преподает политэкономию в Ленинградском университете.

— Это мой старший брат,— коротко сказал юноша.

С жильем в Артемовске было далеко не просто, а у меня квартира была достаточно просторная. Жили вчет-

вером: я, жена, шестилетняя дочь Верочка и няня — Митревна, как мы ее звали. Вот я и предложил Николаю:

— Записывайте адрес, берите у сторожа лошадь и поезжайте, устраивайтесь. Места хватит...

Он заколебался было, боясь стеснить, но я его уговорил. Только предупредил, что с Митревной, которая встретит его (жена работала в совпартшколе), надо быть поласковей... Митревна была человеком хоть добрым, но строгим, и в доме она была за командира».

В июле 1924 года Николай Вознесенский приступил к обязанностям заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды Артемовского окружного комитета РКП(б).

* *

Прежде всего Вознесенский решил заняться изучением экономики округа. Он стал часто бывать на предприятиях. Ездил на заводы, карьеры, шахты. Читал там лекции, доклады, подолгу беседовал с рабочими. Его видели на Старо-Краматорском и Константиновском заводах, на шахте Щербиновка и других шахтах... Однако больше всего времени Вознесенский отдавал Енакиевскому металлургическому заводу — самому крупному предприятию Артемовского округа.

Вознесенский хорошо понимал, что партийный работник должен вникнуть в основные производственные процессы, познакомиться с конкретными условиями работы, сойтись с людьми и найти с ними общий язык.

Вскоре партийное руководство поручило Вознесенскому прочесть цикл лекций по ленинизму в окружной совпартшколе.

Первую свою лекцию он начал так:

— Ленинизм в отличие от многих других философских направлений,— это не набор схоластических истин,

а практическое руководство к действию. «Абстрактной истины нет,— учит нас Ленин,— истина всегда конкретна...»

Через несколько дней ему предложили, не оставляя работы в окружкоме партии, руководить совпартшколой...

То, что ранее в совпартшколе носило характер общественных поручений, стало теперь частью учебной программы: Вознесенский регулярно и планомерно направлял слушателей на предприятия в качестве пропагандистов, докладчиков, агитаторов, организаторов заводских газет. Он знал, что только в конкретной работе, в конкретном общении с людьми по-настоящему зреет партийный работник, не говоря уж о несомненной пользе, которую приносила агитационно-пропагандистская деятельность слушателей совпартшколы на предприятиях округа. И это еще не все... Вознесенский нашел необычный источник сведений, необходимых ему для того, чтобы знать тончайшие оттенки настроений рабочих масс, волнующие их проблемы.

Инструктируя слушателей совпартшколы, он говорил:

— Вы обязаны дать исчерпывающие ответы на все вопросы, задаваемые на собраниях и в беседах. Если не знаете, что ответить,— не спешите, приходите в окружком партии за советом. Устные вопросы, которые вам задают на заводах, прошу в обязательном порядке записывать в тетрадь. Записки с вопросами не выбрасывайте, сохраняйте. И записки, и тетради непременно передавайте мне.

Вот эти-то записки и записи в тетрадях очень многое говорили Вознесенскому!..

Иной раз он ночи напролет просиживал над разно-

Группа работников Тульского губкома РКСМ. Второй слева — Н. А. Вознесенский. 1920 г. (снимок вверху).

Группа студентов Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова. Крайний справа — Н. А. Вознесенский (снимок внизу).

Партийный комитет Енакиевского металлургического завода. Первый справа в нижнем ряду — Н. А. Вознесенский. 1925 г. (снимок вверху).

Н. А. Вознесенский (в центре, в кожаной куртке и кепке) среди рабочих Енакиевского завода в день пуска очередного агрегата (снимок внизу).

мастными клочками бумаги, классифицируя вопросы рабочих, анализируя их, сопоставляя с собственными впечатлениями от общения с рабочей аудиторией.

Кропотливая работа дала свои результаты: вскоре Вознесенский лучше многих работников окружкома партии знал, что делается на заводах. Предложения Вознесенского, рассматриваемые на заседаниях окружкома РКП(б), всегда были конкретными, деловыми. И он умел отстаивать их...

— Вознесенский,— вспоминает Равич,— выступая на заседаниях окружкома партии, на совещаниях пропагандистов, на рабочих собраниях, высказывал очень зрелые мысли, не совсем обычные для молодого человека на двадцать втором году жизни. При этом он всегда был принципиален. Он не вступал в сделку ни с людьми, ни со своей совестью. Будучи сам кристально честным, Вознесенский не выносил вранья. Оно ему органически претило. Когда ему доводилось припереть кого-нибудь к стене и уличить во лжи, он приводил афоризм Козьмы Пруткова: «Единожды солгавши, кто тебе поверит?» И трудно было войти вновь в доверие к Вознесенскому тем, кто однажды пытался его обмануть.

Правдивость для Николая Вознесенского была столь же естественной, сколь уродливой ему казалась ложь. Младшая его сестра, Валентина Алексеевна, говорит, вспоминая:

— Редко мне приходилось встречать людей, которые так, как Николай Алексеевич, сохранили бы свои черты характера от ранней юности до зрелого возраста. Наиболее яркой чертой его характера была честность, правдивость.

Руководя совпартшколой и работая параллельно в аппарате окружкома партии, Вознесенский продолжал бывать на заводах и шахтах. Но эти посещения вскоре показались ему недостаточными. Он видел, ощущал:

настоящая жизнь кипит именно там, на промышленных предприятиях. И ему хотелось «повариться в этом котле», пожить единой жизнью с заводским коллективом, его заботами и волнениями.

Вознесенский подал заявление с просьбой направить его работать на один из заводов округа.

Бывают в жизни такие совпадения — просьба Вознесенского совпала с просьбой коммунистов Енакиевского металлургического... Вот что рассказывает об этом старый коммунист Петр Петрович Ильин, проработавший на Енакиевском металлургическом заводе более сорока лет:

— Вознесенский часто бывал на заводе, выступал с лекциями, докладами, беседовал с рабочими и, как говорили не только большевики, но и беспартийные, «пришелся ко двору»... И вот на одном из собраний, после того, как Николай Алексеевич сделал доклад и уехал, партколлектив завода вынес решение: просить вышестоящие партийные органы направить Вознесенского на руководящую партработу к нам на завод. Просьба коммунистов была удовлетворена. На отчетно-выборном собрании партколлектива Николай Алексеевич дал свое согласие и единогласно был избран секретарем парткома.

В то время на Енакиевском металлургическом работало четыре тысячи человек, в партколлективе было пятьсот коммунистов... Нетрудно себе представить, каким влиянием и уважением нужно было пользоваться, чтобы быть избранным на пост секретаря парткома металлургов — народа с нравом крутым, закаленным трудной, а подчас и опасной работой.

В Енакиево Вознесенского встретили как старого и хорошего знакомого.

— Здорово, дружище! — приветствовал его секретарь райкома С. И. Ракша. И лукаво подмигнул: — Не женился еще?

— Убежденный холостяк!..

— Стало быть, моего полку прибыло! Вместе «монастырничать» будем. Бери вещички — и ко мне...

Комната у секретаря райкома небольшая, светлая. В простенке между окнами поставили вторую койку. Из мебели кроме кровати был еще стол да несколько стульев.

Дома и Ракша, и Вознесенский бывали мало...

Возвращались поздно вечером, грели чай, обменивались впечатлениями прошедшего дня. Ракша рассказывал, что было в райкоме, а Вознесенский — заводские новости.

Вскоре Вознесенскому отвели комнату в доме для приезжих. В этой комнате и познакомился с ним Алексей Григорьевич Никитин.

— В 1926 году после окончания Коммунистического университета имени Свердлова я приехал на пропагандистскую работу в Енакиево,— рассказывает он.— Так как жить было негде, мне предложили подселиться в комнату, занимаемую Вознесенским. Он был в это время в отпуске, и мне показалось неудобным вселяться без ведома хозяина. Но меня убедили, уверяя: «Какие тут церемонии! Николай — парень свой и обижаться не станет». В последующие дни я часто слышал о Вознесенском: и в городе, и на заводе его любили, относились с настоящим уважением. С понятным любопытством я стал ждать встречи... Знакомство состоялось просто и непринужденно. Николай действительно оказался «своим» парнем, но не в том понимании, как некоторые это себе представляют... Он не терпел пустого панибратства, был строг и к себе, и к окружающим его людям, нетерпим к слабостям и недостаткам, особенно когда

находил их у своих товарищей. Но всегда, даже в конфликтных ситуациях, ощущалось исходившее от него дружеское внимание, тепло...

Живя некоторое время вместе, Никитин и Вознесенский сблизились, подружились. И Никитин неоднократно поражался целеустремленности молодого секретаря парткома, его умению отдавать всего себя избранному делу.

— Я, пожалуй, не встречал человека, равного ему в жизненной активности,— вспоминает Никитин.— А жизненная активность означала для такого человека, как Вознесенский, партийную активность, так как и личная и общественная его жизнь были подчинены одному делу — делу партии. Он руководил крупнейшей парторганизацией города, был членом райкома партии, вел районный семинар по марксизму-ленинизму, часто выступал с докладами и лекциями... И каждый свой свободный час отдавал книгам: Ленину, Марксу, Энгельсу, Толстому, Горькому... Иной раз вызывало удивление, что он, казалось бы, досконально изучивший «Капитал» Маркса, вновь и вновь возвращается к этому труду.

Интересны воспоминания Никитина о методах работы Вознесенского.

— Не помню случая,— рассказывает он,— чтобы Вознесенский опоздал, или «задержался», как принято говорить, когда речь идет о руководящих работниках. Он всегда и все умел делать вовремя. На заседания парткома приходил загодя, минут за 15 до начала. И не успокаивался, пока все члены парткома не усядутся на передние скамейки (были любители забиваться в угол, благо, комната парткома была просторной). «Не представляю,— говорил он,— какой разговор может быть начистоту, если не видишь глаз собеседника!» Когда принимались решения, Вознесенский не голосовал вообще

путем поднятия рук, а спрашивал персонально мнение каждого члена парткома. Если кто-либо воздерживался от голосования или был против, он просил выступить и обосновать свою позицию. Потом выступал сам и спокойно, убедительно, без всякого давления на присутствующих излагал свое мнение, разъяснял неправильность точки зрения товарищей, выступивших против. В итоге все решения парткома, как правило, принимались единогласно. Вознесенский также требовал, чтобы в протоколе фиксировались фамилии товарищей, выступивших с предложениями. Он не терпел обезлички. Кроме того, по протоколам впоследствии можно было судить об активности отдельных членов парткома.

Однажды по заводу пронесся слух: прокатный цех вот-вот остановится, прокатчики отказываются работать...

Слух оказался несколько преувеличенным, однако действительно рабочие прокатного цеха выражали недовольство, а часть их отказалась от работы. Причиной тому было увеличение администрацией завода норм выработки.

Полдня провел Вознесенский в заводоуправлении.

— Почему вопрос об изменении норм выработки не был согласован с парткомом? — задал он вопрос директору.

Состоялся короткий и крутой разговор. Директор упорно стоял на своем, поясняя, что повышение норм выработки не случайно, что оно вызвано внедрением новой техники на некоторых станах, позволяющей повысить производительность труда. И никак не хотел понять Вознесенского, который был не против повышения норм, а категорически возражал против того, чтобы подобные меры проводились в приказном порядке, без

предварительной беседы с рабочими, убеждения их в необходимости этих мер. Тем более, что, как было известно парткому, на заводе скрытно вели работу оппозиционеры, приспешники Троцкого, и нет сомнений, что они использовали этот факт,— не без их участия возник конфликт между рабочими и администрацией завода...

После этого разговора Вознесенский отправился в планово-производственный отдел и детально ознакомился с расчетами и выкладками, обосновывающими необходимость повышения норм выработки. Вот когда пригодился ему курс организации труда, который он изучал в университете!

Незадолго до окончания смены Вознесенский появился в прокатном цехе. Поговорил с коммунистами, чтобы выяснить настроение и общую обстановку. Заметил, что прокатчики, отказавшиеся работать, не покинули цех, а сидят группами. Настроение у них настороженное. Услышал краем уха реплику:

— Ну, раз секретарь пришел — дело будет!

Вознесенский попросил коммунистов собрать после окончания смены рабочих в клубе для важного разговора.

Пройдя в клуб, Вознесенский сел в ожидании рабочих на переднюю скамью и задумался. Он хорошо понимал, что прокатчики придут с совершенно конкретным настроением — отстаивать свои права на высокие заработки. Ведь рубль, пока он существует, будет играть не последнюю роль во взаимоотношениях человека с государством. Тем более, что не желание обогатиться движет рабочими, а понятное стремление купить в дом нужную вещь, игрушку или сласти ребенку, платье жене... Но ведь эти же люди терпели лишения, не жалели и жизни своей на фронтах гражданской войны, отстаивая Совет-

скую республику! Значит, есть путь к их сердцам, значит, могут, обязаны они понять необходимость поступаться в некоторых случаях личными интересами ради интересов своего государства!..

— Присутствующие здесь, очевидно, догадываются, о чем пойдет речь,— начал Вознесенский.— Часть рабочих-прокатчиков выражает недовольство по поводу повышения норм выработки...

— Не часть, а все! — крикнул кто-то из задних рядов.

— За всех не расписывайся! — ответил другой голос.

Вознесенский оглядел переполненный зал клуба и с удовлетворением отметил, что присутствуют рабочие не только прокатного, но и других цехов.

— Для начала,— продолжал он,— давайте разберемся в таком простом вопросе: на кого вы работаете? На директора? Или, может быть, на меня?

— Нет, конечно! — послышались выкрики с мест.

— Зачем же так ставить вопрос?..

— А как же еще можно ставить этот вопрос? — жестко спросил Вознесенский.— Было время, когда вы и ваши отцы по десять, а то и больше часов в сутки гнули спины на хозяина, и когда бастовали — хорошо понимали, что своим отказом от работы наносили урон хозяину, его карману. Сегодня, на десятом году Советской власти, некоторые из вас отказались приступить к работе... Спрашивается: кому вы наносите урон своим отказом от работы?

Вознесенский выдержал паузу.

Зал утих. Тишина была напряженной, плотной, ощутимой...

— И еще вопрос,— продолжал Вознесенский,— разве рабочие вашей профессии могут пожаловаться на заработки?

В зале зашевелились. Послышались неуверенные голоса:

— Да нет!..

— Чего там!..

И опять из задних рядов кто-то крикнул:

— Так вот вы как раз и хотите наши заработки срезать!

— Неправда! — отрезал Вознесенский.— Никто не хочет и никто не заинтересован в уменьшении ваших заработков! Я был у вас в цехе, разговаривал с мастерами, и они в один голос говорят, что при известных усилиях с вашей стороны новые нормы можно выполнять, а следовательно, это никак не отразится на ваших заработках. В чем же дело тогда? Чем вызван этот протест некоторых из вас? Молчите? Тогда я скажу... Некоторые из присутствующих здесь почуяли, что можно урвать кусок пожирнее... Не так разве? Но у кого урвать, спрашивается? На попечении государства, на вашем попечении, тысячи детей-сирот, воспитывающихся в детских домах... У них? Или у ваших братьев и сыновей, служащих в Красной Армии, без которой мы не можем обойтись и которую обязаны содержать — кормить, обувать и одевать, да еще и снабжать оружием, производство которого обходится недешево?.. Может быть, я опять не так ставлю вопрос?

— Чего там!..— послышались голоса.— Правильно!

Поняв, что необходимый контакт с залом налажен, Вознесенский сбавил тон, заговорил спокойнее:

— Стыдно, право, пояснять вам, людям, принадлежащим к авангардному классу, некоторые азбучные истины... Но, как видно, придется. Давайте вспомним, коли на то пошло, что из себя представляет наше пролетарское государство... Разве это не мы с вами и еще миллионы таких, как мы? Разве есть над нами хозяева кроме нас самих? А хороший хозяин, как известно, должен

думать не только о текущем, но и о завтрашнем дне, он должен знать все нужды своего хозяйства. Возьмем, к примеру, наш завод... Вы знаете, что оборудование в его цехах в основном старое, которое давно пора заменить новым, отвечающим современному развитию техники. Но мы не можем сегодня сделать это — нет средств. А где их взять, если мы не заработаем нужные средства своими руками? А таких нуждающихся в реконструкции предприятий в республике тысячи... От вас, вашего труда зависит сегодня не только благосостояние ваших семей, но и благосостояние всего государства, уровень его индустриализации, а следовательно, и обороноспособности. Последнее — немаловажный фактор, как вы знаете. Друзей у нас на планете немало, но и враги есть! Нужд у нашего с вами государства много. Вспомним хотя бы вот о чем. У нас в стране дети бесплатно учатся, все мы бесплатно лечимся. А ведь нужно строить школы и больницы... А это — деньги. Нужно содержать целую армию учителей и врачей... А где взять на это средства государству, если государство — это мы? Нужно еще содержать и государственный аппарат — людей, избранных нами, облеченных нашим доверием, которые постоянно думают обо всех государственных нуждах, ведут его сложное хозяйство... А удовлетворить многочисленные нужды пролетарского государства обязан не кто иной, как его хозяева — рабочий класс и трудовое крестьянство. Другой возможности нет. И любая другая точка зрения на взаимоотношения человека и государства у нас в стране либо ошибочна, либо заведомо направлена против генеральной линии партии большевиков...

Вознесенский умолк, выпил глоток воды из стакана.

Зал напряженно молчал, и он понял, что на этом разговор закончить нельзя. По тому, как насторожила рабочих последняя сказанная им фраза, Вознесенский

понял, что сегодня назрел еще один разговор — политического характера.

И он сказал:

— Партийному комитету известно, что конфликт в прокатном цехе возник не без участия некоторых, действующих тихой сапой людей...

По залу пронесся и тут же умолк шумок.

— Я не собираюсь сегодня выявлять этих людей поименно, нет,— продолжал Вознесенский.— Я лучше расскажу вам, что они из себя представляют. Это — троцкисты... Троцкий и его последователи,— продолжал Вознесенский,— отрицают сегодня коренное положение ленинизма: возможность построения социализма в нашей стране. Однако троцкисты настолько перепачкались в антипартийной грязи, что не могут выступать открыто, а действуют чужими руками, через подставных лиц, подбивая на саботаж наименее сознательных рабочих...

Слушали Вознесенского внимательно, в полной тишине.

— А чего же они хотят, эти троцкисты? — раздался голос из зала.

— А вы это у них спросите,— откликнулся Вознесенский и добавил: — Я попрошу тех из присутствующих в зале, кто участвовал в революции и гражданской войне, поднять руки...

Поднялся лес потемневших от постоянного соприкосновения с металлом рук.

— Спасибо,— сказал Вознесенский.— Как я и предполагал — большинство... Так вот, когда вы станете спрашивать троцкистов, чего они хотят, спросите заодно,— за что вы, ваши отцы и братья проливали кровь в революцию и на фронтах гражданской войны, если построить социализм в нашей стране нельзя!

По залу пронесся гул негодования.

— Никакие происки фракционеров,— продолжал Вознесенский,— пытающихся сделать из нашей страны аграрный придаток международного капитализма, не свернут советский народ с намеченного пути. Владимир Ильич Ленин неоспоримо доказал, что Россия имеет все необходимое для построения полного социалистического общества. Чем больше каждый из вас вырабатывает продукции в час, в день, в месяц, в год,— тем богаче пролетарское государство, тем ближе полная победа социализма! Вот чем вызваны пересмотры норм выработки. Их цель — повышение производительности труда, а конечный итог — построение социализма у нас в стране. Много труда, много еще усилий потребуется от нас, чтобы технически перевооружить имеющиеся заводы и фабрики, построить новые, куда более мощные... Однако есть и другие резервы повышения производительности труда. Назову хотя бы один из них, тот, который лежит целиком на вашей рабочей совести. Я каждый день бываю в цехах. И вот зайдешь в прокатный цех, остановишься у стана и видишь, как рабочий прокатывает лист с явным браком. Подзовешь мастера и спрашиваешь: в чем дело? Почему идет бракованный лист? И мастер отвечает: опять опытный вальцовщик загулял и не вышел на работу, приходится подменять его неквалифицированным рабочим...

Притихший зал зашевелился, загудел голосами, кто-то громко крикнул:

— И верно! Сколько можно терпеть? Гнать их в шею!

— Гнать их мы, к сожалению, не можем,— сказал Вознесенский.— Они знают об этом и пользуются... Сегодня, когда каждый квалифицированный рабочий у нас на счету, мы многое им прощаем. Но это временный и вынужденный либерализм. Завтра мы уже никому не станем прощать пьянство и прогулы.

— Правильно! — крикнул тот же голос.— По шеям их!

— Интересовался я и хронометражными листами прокатного цеха,— продолжал Вознесенский.— И что же получается? На средних и мелкосортных станах ежемесячные простои доходят до двадцати и более процентов. Значит, одну пятую часть месяца станы не дают продукции... Разве это хозяйское использование оборудования? Это же прямое расточительство!

По залу словно прошла волна, один за другим послышались выкрики:

— А разве мы только в этом виноваты?

— Почему валки один за другим летят?..

— А электроэнергия? Она то есть, то ее нет!..

— И почему начальство вовремя не беспокоится о ремонте оборудования?!

Вознесенский подождал, пока уляжется волна возмущения. Потом сказал:

— Вот это по-хозяйски! Вопросы ваши — по существу, но не здесь и не сейчас их решать. Предлагаю завтра же собраться в цехе, пригласить администрацию, обсудить все наболевшие вопросы и предъявить наш производственный счет руководству завода.

— Разрешите вопрос?

В передних рядах поднялся молодой парень.

— Пожалуйста,— сказал Вознесенский.— Для того мы и собрались...

— Скажите, товарищ секретарь, установленная норма выработки — окончательная или будет еще повышаться?

— Нормы выработки просто необходимо повышать,— ответил Вознесенский.— Это же естественно. Ленин учит нас, что производительность труда — самое важное, самое главное для победы нового общественного строя, который рабочие и крестьяне установили в Рос-

сии в октябре 17-го года. Но за счет каких источников повышать нормы выработки? Сейчас, когда мы еще не механизировали многие процессы производства, увеличение норм выработки идет главным образом за счет сокращения простоев, снижения брака, укрепления дисциплины рабочих, улучшения организации труда... В дальнейшем рост выработки будет происходить за счет электрификации и механизации всех технологических процессов. Вы, конечно же, знаете о ленинском плане электрификации России — плане ГОЭЛРО... Так вот, претворение в жизнь этого плана даст нам много электроэнергии, а электроэнергия — это великая сила! Она позволит нам постепенно механизировать, а затем и автоматизировать производство. И недалек тот день, когда цехом — таким, скажем, как прокатный,— будет управлять всего один человек... Сколько сейчас людей работает в цехе — несколько сот? А какова их общая зарплата? Представляете, какая получилась бы несуразица, если не пересматривать норм выработки?

— Ого! — раздался возглас.— Мне бы такую несуразицу!

Но возглас этот был шутливым, и зал добродушно рассмеялся...

— Несмотря на свои неполные 23 года, Вознесенский пользовался на заводе большим авторитетом,— вспоминает А. Г. Никитин.— Он входил во все детали заводской жизни. Если на заводе происходили производственные неполадки, Вознесенский опрашивал большое количество людей, чтобы выяснить все досконально, установить причину и принять меры. Взять хотя бы такой случай. Однажды в прокатном цехе рабочему тяжело повредило руку. Путем опроса Вознесенский выяснил, что причиной тому было плохое ограждение

рабочего места. На другой день ограждение было установлено. Но Вознесенский не успокоился на этом, он занялся вопросом техники безопасности и других рабочих мест. А через неделю по цехам завода был расклеен приказ директора о немедленном установлении ограждений всюду, где они вызывались условиями производственного процесса. Вознесенский никогда ничего не забывал. Аккуратность, собранность были отличительными чертами его характера. Стиль его повседневной работы — всегда и на все иметь план. В записной книжке он расписывал свое время строго по часам на всю неделю. Рабочий стол его — и в парткоме, и дома — был всегда в идеальном порядке. Газеты, журналы и книги лежали аккуратными стопками со множеством закладок, на каждой из которых была сделана соответствующая пометка. Все знали, что коли уж взял книгу у Вознесенского, то, вернув, положи на то же самое место, где она лежала ранее. Поверхностный наблюдатель мог бы обвинить Вознесенского в педантизме, и глубоко бы ошибся... Уже в те времена существовал такой термин, как НОТ — научная организация труда, и именно ей соответствовал стиль работы Вознесенского, который он стремился привить и окружавшим его людям. «Преступно тратить время на пустяки»,— говорил он и никогда не тратил свое время попусту...

Отдых и развлечения Вознесенский не считал пустяками. Но только — применительно к другим, а не к себе. Ему самому и отдыхом и развлечениями служили книги — по философии, психологии, экономике и те из классики художественной литературы, которые давали развернутую картину социальной жизни своего времени и народа, способные к психологическому анализу и глубоким философским обобщениям. Нет, он не отрицал

театр, скажем, или музыку, с удовольствием и радостью бывал на спектаклях и концертах, но времени у него на это частенько не хватало... Он стремился еще более углубить и расширить знания, поставил себе новую цель — закончить Институт красной профессуры и напряженно готовился к поступлению в это учебное заведение, решив посвятить себя полюбившейся ему науке — политэкономии. Друзья и знакомые любили его, искали его общества, часто приглашали на вечеринки — по праздникам или в воскресные дни. Но уговорить его было нелегко, чаще всего он отказывался, ссылаясь на занятость, и все знали, что он действительно занят. А уж если Вознесенский приходил, то не вспоминал о делах, заботах и проблемах. Он умел искренне, иной раз совсем по-детски веселиться и заражал этим весельем других. Очень он любил русскую пляску... Без всяких просьб со стороны скажет:

— А ну — русскую!..— И, чуть смущенно улыбнувшись, добавит шутливо: — Вспомним молодость...

Плясал он с истинно русской лихостью и самозабвением, и трудно было в эти минуты оторвать от него взгляд...

Николай Алексеевич любил людей незаурядных, талантливых (мало того — умел увидеть, отметить незаурядность) и сам, несомненно, был талантлив. Известно, что у людей по-настоящему талантливых способности проявляются не узко, не на какой-либо отдельной (хотя и избранной раз и навсегда) стезе творчества. Как правило, способности у таких людей разносторонни и проявляются они непроизвольно и щедро, во всей своей полноте. Не заметить их, во всяком случае, нельзя. Думается, что лишь бездарные люди имеют склонность порассуждать о собственных талантах, ничем, однако,

не проявляя их... Вознесенский тонко чувствовал слово и мог бы, наверное, стать неплохим писателем; он обладал хорошим музыкальным слухом и, при желании, наверняка стал бы незаурядным музыкантом,— при желании...

На одной из праздничных вечеринок, где собрались в основном партийные работники, Вознесенский спел под аккомпанемент старенького пианино арию Арлекина из оперы «Паяцы». Аккомпанировала ему пожилая и непривычно элегантная для тех времен дама — гостья из Москвы, имевшая отношение к искусству. Когда Вознесенский закончил петь, она вскочила и, восторженно хлопая в ладоши, воскликнула:

— Боже мой, Николай Алексеевич, да вы же прирожденный артист! У вас изумительный тенор! Вы должны, вы просто обязаны учиться! — Она улыбнулась.— Только не забудьте пригласить меня на ваш дебют в Большом театре...

— Ну нет! — сказал на это Вознесенский.— Петь — это удовольствие, а дело, которым я занят, приносит настоящую радость... Что выше?

— Разве одну только радость? — спросила она.

— Тревоги и волнения, неудачи и срывы — все, конечно, бывает,— сказал Вознесенский.— Но в конечном итоге — радость... Хотя бы от сознания того, что служишь самому справедливому, самому нужному делу на земле. Убежден, что потомки достойно оценят нас, рядовых партийных работников, и нашу незаметную иной раз работу...— Он улыбнулся своей подкупающей, чуть смущенной улыбкой.— И поставят монумент из какого-нибудь удивительного нестареющего материала, и напишут на нем всего четыре слова: «Партийному работнику докоммунистической эпохи»...

А. Г. Никитин вспоминает, что в редкие минуты отдыха Вознесенский любил читать Маяковского. Бывало,

положит он крепкие ладони на затылок, ходит по комнате и читает — звучно и с необыкновенной внутренней силой:

Я с теми,
кто вышел
строить
и месть
в сплошной
лихорадке
буден.
Отечество
славлю,
которое есть,
но трижды —
которое будет.

Очень по душе ему был неистовый поэт революции. «Эх, и дан же талантище человеку!» — с хорошей завистью говаривал Вознесенский.

Летом 1928 года Артемовский окружной комитет партии направляет Вознесенского учиться в Москву, в Институт красной профессуры.

...ученый без трудов — дерево без плодов...

Саади

Возвратная реакция

Знания как таковые были для Вознесенского самоцелью лишь в ранние, мальчишеские годы. Позже отношение к знаниям определилось точно, конкретно.

— Сами по себе знания,— говорил он,— как бы значительны и глубоки они ни были,— это ноль, ничто без возвратной реакции, без качественно новой отдачи. Грош им цена в этом случае!

Трудно с этим не согласиться...

Снова Москва!..

Осенью 1928 года Вознесенский был зачислен слушателем Института красной профессуры. Имея за плечами «Свердловку», хорошую самостоятельную подготовку и опыт партийной работы, вступительные испытания он выдержал без особого труда.

В то время Институт красной профессуры объединял в себе несколько специализированных отделений: экономическое, философское, историческое, литературное и др. Позднее, в 1930 году, институт был разукрупнен и на базе его отделений были образованы самостоятельные отраслевые институты: Экономический институт красной профессуры, Философский институт красной профессуры и т. д. Эти учебные заведения призваны

были готовить научные кадры (каждый в своей отрасли), а также руководящих работников для центральных партийных и государственных органов. Почти одновременно с Н. А. Вознесенским в институтах красной профессуры учились М. А. Суслов, Б. Н. Пономарев, П. Н. Поспелов, К. П. Касаткин, ставшие впоследствии руководящими партийными и советскими деятелями.

Круг изучаемых наук был строго ограничен — с целью глубокого проникновения в предмет. В программу экономического отделения, на котором учился Вознесенский, входило изучение политической экономии, философии, одного из иностранных языков. Принцип занятий был своеобразен: обычных для высших учебных заведений лекций не было, лишь изредка проводились семинары. В этом научном марксистско-ленинском центре все было построено на основе самостоятельной творческой работы слушателей. Итогом работы являлся реферат, публично защищавшийся каждым слушателем в конце учебного года.

Вспоминая годы совместной учебы в Институте красной профессуры, М. А. Ямпольский, ныне главный специалист Госплана СССР, рассказывает:

— Вознесенский был самым молодым в нашей группе — ему было всего 24 года, когда он начал учиться в ИКП. Тем не менее он заметно выделялся своими знаниями, общей культурой подготовки и глубокой партийностью подхода к рассмотрению любого теоретического вопроса. Но не только это, но и личные его качества — скромность, честность, прямота высказываний — вызывали естественное уважение. Именно поэтому мы избрали его парторгом нашей группы. Вскоре он стал членом Сокольнического райкома партии, взял на себя руководство пропагандистской группой этого района Москвы. Объем литературы, рекомендованной по плану занятий института, казался Вознесенскому недостаточ-

ным, и он, далеко выходя за рамки программы, тщательно и методически изучал произведения Ленина (особенно его работы по империализму, философии и экономике), труды Маркса, Энгельса, Плеханова, Гегеля, Фейербаха, сочинения западных буржуазных экономистов и представителей утопического социализма.

Итак, снова Москва, снова напряженная учеба, органически и естественно связанная с практической пропагандистской работой в райкоме партии: приобретаемые Вознесенским знания никогда не лежали мертвым грузом...

По всей вероятности, у читателя уже возник вопрос определенного характера... Скажем сразу: в том обстоятельстве, что на страницах данного повествования до настоящего момента ни слова не сказано о естественных, казалось бы, для каждого молодого человека сердечных увлечениях, нет ничего предумышленного. Все дело в том, что Вознесенский никак не подходит под рубрику «каждый». Человек на редкость цельного и сильного характера, Вознесенский был верен своим убеждениям с ранних лет до конца жизни. И то, что касалось взаимоотношений между молодым человеком и девушкой, между мужчиной и женщиной, в этих отношениях он признавал лишь три грани: товарищеское или деловое знакомство, дружба, любовь... Иных граней для него попросту не существовало.

Здесь уместно привести эпизод из воспоминаний И. Родионовой (ныне кандидата исторических наук), дружившей с Вознесенским в Донбассе. Вот что она рассказывает:

«Мы все были заняты тогда часов по пятнадцать в сутки: работа на производстве, потом преподавание в системе партпросвещения, многочисленные лекции и вы-

ступления,— все это занимало мое время с раннего утра до позднего вечера. Но воскресенье у нас было обычно свободным. Чаще всего мы проводили его за городом, были у нас излюбленные живописные уголки...

В одно из воскресений шел проливной дождь. На редкость серый, какой-то нудный день... Мы с подругой, учительницей Сажиной, маялись весь день, не зная, как занять себя, а к вечеру решили: пойдем к Вознесенскому и вытащим его куда-нибудь.

Пришли. Вознесенский что-то читал.

Нужно сказать, что книг у него была уйма. Книгами были заставлены полки, этажерка и письменный стол. Тут были Ленин и Плеханов, Маркс и Руссо, Гегель и Фейербах, Энгельс и Толстой, Горький и Рикардо...

На наш приход Вознесенский не обратил никакого внимания. Мы знали, что оторвать его от книги — нелегкое дело. Знали также, что в то время он готовился к поступлению в Институт красной профессуры, а следовательно, задача наша усложнялась.

Начали с язвительных замечаний в его адрес (это мы умели делать неплохо).

Тщетно. Он нас попросту не слышал. Все наши шутки и остроты оставались без ответа.

Тогда Сажина с грохотом перевернула табуретку.

Никакого внимания.

Было обидно, а Сажина, как я заметила, уже и злилась — давало себя знать женское самолюбие. Глядя в затылок Вознесенскому, она громко сказала:

— Есть предложение: устроим здесь первозданный хаос?!

Вознесенский молчал.

Тогда мы принялись за дело: все, что можно было, в том числе и книги, сбросили на пол, распотрошили аккуратно прибранную кровать — в общем, сделали что могли... Даже устали.

А Вознесенский был по-прежнему невозмутим, он сидел на том же месте и сосредоточенно читал.

Поправляя растрепавшуюся прическу, Сажина вздохнула и сказала:

— Полный провал... Пошли?

Мы хотели уйти, оставив Вознесенскому в наказание невообразимый беспорядок, устроенный нами в комнате, но... дверь оказалась запертой. В пылу своей разрушительной деятельности мы не заметили, как это произошло.

— А теперь — прибирайте,— раздался спокойный голос Вознесенского.

Нашему возмущению не было предела... Но оно нам не помогло: пришлось наводить в комнате порядок.

Открыв нам дверь ключом, Вознесенский сказал:

— Надеюсь, вам не было скучно?

С тем мы и ушли...»

Вспоминая этот эпизод, Родионова делает упор на занятость Вознесенского, на его удивительное умение сосредоточиваться, на его увлечение книгами,— и все это верно... Но не представляется ли в этом эпизоде Вознесенский этаким книжным червем, предпочитающим печатные строки живому общению с двумя далеко не глупыми, да к тому же еще и красивыми, женщинами? Нет и еще раз нет! Человек, хорошо знавший Вознесенского, возмутится подобному предположению. Но в чем же дело тогда?

Нет, не был он ни книжным червем, ни ханжой, ни схимником. Он нравился женщинам и знал это. Нравились и ему некоторые из них. Но это обстоятельство, по его понятиям, не давало ему права поддерживать и развивать связи, перспектива которых была ему известна,— такие связи, какие принято называть «легкими»...

Настоящее всегда чревато будущим,— любил повторять Вознесенский афоризм Лейбница. И не осто-

рожность, а обостренное чувство ответственности за свои поступки руководило им.

Ровесники Вознесенского, обсуждая его отношение к девушкам, частенько в шутку, за которой иногда скрывалось серьезное недоумение, называли Николая «женоненавистником». Некоторые из них пытались найти причину этого, как им казалось, «женоненавистничества».

Однажды (это было в Енакиево) в достаточно откровенной беседе один из друзей Вознесенского сказал:

— Кажется, я понимаю, в чем дело...— И, взяв с полки томик Чернышевского (тот самый — подаренный Николаю Мелеховым и бережно хранимый), он быстро нашел нужное место и прочел: — «Он сказал себе: «Я не пью ни капли вина. Я не прикасаюсь к женщине». ...Так нужно. Мы требуем для людей полного наслаждения жизнью,— мы должны своею жизнью свидетельствовать, что мы требуем этого не для удовлетворения своим личным страстям, не для себя лично, а для человека вообще, что мы говорим только по принципу, а не по пристрастию, по убеждению, а не по личной надобности».— Дочитав отрывок, приятель закрыл книгу, хитро прищурился, сказал: — Угадал? Подражание Рахметову?..

— Угадал, да не совсем! — Вознесенский улыбнулся.— Признаться, было намерение следовать во всем Рахметову. Но это давно. В юности. Позже понял, что дело совсем не в таком вот подражании...

— А в чем же?

Вознесенский сдвинул брови, нахмурился.

— Понимаю, чего ты добиваешься,— сказал он,— и вот что скажу тебе. Знаю, верю: ходит по земле женщина, которую я полюблю. Но полюблю — понимаешь? — а не увлекусь или... какие там есть еще слова? Придет час, и я встречу, узнаю ее...

— Как же! — попытался шутить приятель.— Год будешь знакомиться, года три узнавать...

— Ошибаешься! — Вознесенский улыбался, но в тоне его не было и тени шутливости.— Все будет как раз наоборот. Встречу, взгляну в глаза и сразу пойму: ОНА!..

Маша Литвинова работала библиотекарем в клубе железнодорожников станции Дебальцево. Были у нее тяжелые русые косы, были у нее ясные серые глаза, и было ей двадцать лет... Обладала она неяркой, но удивительно привлекательной русской красотой. Очень мягкая и очень женственная — это на первый взгляд... А при более близком знакомстве в девушке обнаруживались твердая воля и ясный ум.

В Енакиево Маша бывала часто.

Они познакомились на одном из совещаний по культурно-массовой работе. Первая встреча была случайной, а во второй раз они встретились уже по просьбе Николая... Встречи последовали одна за другой, завязалась переписка.

В начале 1928 года они стали мужем и женой.

И через несколько месяцев временно расстались: Николай уехал в Москву, поступать в Институт красной профессуры, а Маша — в Харьков, учиться в Харьковском институте народного образования. Но молодые супруги не видели необходимости быть три года в разлуке — столько, сколько продолжался срок обучения в Институте красной профессуры. И в конце того же, 1928 года Маша перевелась в Москву, во II Московский государственный университет, преобразованный впоследствии в Московский педагогический институт имени Ленина.

Поселились на Остоженке, во флигеле Института

красной профессуры, в небольшой, но уютной комнатке. Здесь в 1930 году родился у них первый ребенок — дочь Майя...

К. П. Касаткин, ставший впоследствии заместителем председателя Госплана, учился в Институте красной профессуры вместе с Вознесенским. Николай Алексеевич часто бывал дома у Касаткина, пользовался его личной (очень неплохой по тем временам) библиотекой. Была в этой библиотеке и книга, которую трудно было достать,— план ГОЭЛРО. Касаткин рассказывает, что Вознесенский неоднократно уносил с собой экземпляр ленинского плана электрификации страны и подолгу задерживал книгу.

Позже (Вознесенский был тогда слушателем третьего курса Экономического института красной профессуры) он в кругу друзей повел речь о передаче в недалеком будущем электрической мощности до миллиона киловатт на расстояние 1000 и более километров по линиям электропередачи напряжением 400 тысяч вольт... Вспомним, что в то время (1931 год) подобное утверждение звучало чуть ли не фантастически: в начале 30-х годов уровень техники позволял строить линии электропередачи напряжением до 220 тысяч вольт, по которым можно было передавать электрическую мощность порядка 130—150 тысяч киловатт на расстояние до 200 километров. Вспомним также тот факт, что менее чем через три десятилетия — в конце 50-х годов — могучие потоки электроэнергии, вырабатываемые крупнейшими волжскими гидроэлектростанциями, устремились за тысячи километров по энерголиниям напряжением в 400—500 тысяч вольт с низовьев Волги в Москву и на Урал!

Как это назвать: мечтой молодого ученого-патриота или предвидением?..

Проследим дальнейший ход мыслей Вознесенского.

— Если подразумевать техническую сторону дела,— говорил он,— то капитализм, в частности Америка, готов к решению проблемы единой сети электропередач, охватывающей целый континент. Если бы вопрос заключался только в технических возможностях!.. Но есть еще и политическая сторона дела. Противоречия, свойственные капиталистической системе, глухие заборы частной собственности не позволяют решить эту заманчивую проблему. Иное дело у нас...

И, как рассказывает Касаткин, в тот зимний вечер далекого теперь уже 31-го года Вознесенский набросал перед друзьями картину, показавшуюся им тогда главою из фантастического романа. Это был проект единой сети электропередач страны в виде связанных между собой гигантских энергетических колец.

Вот как выглядел этот проект.

Электростанции и электросети Москвы, Ленинграда, Юга, Поволжья объединяются в одно Европейское кольцо. Второе кольцо — Кавказское. Третье — Уральское. Четвертое — Западно-Сибирское, соединяющееся с Казахстаном и Средней Азией. Пятое кольцо — Средне-Азиатское. Шестое — Ангарское. Седьмое — Тихоокеанское, или Дальневосточное. Через некоторый, определенный планом, срок Европейское электрокольцо соединяется с Уральским, Западно-Сибирским и Средне-Азиатским кольцами. В Казахстане, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке создается опора для форсированного развития энергетического хозяйства этих районов. Затем включается в сеть электропередач Восточно-Сибирское кольцо, и завершается построение Единой высоковольтной сети СССР.

По мысли Вознесенского, эта сеть должна была стать энергетической базой для развития крупных народнохозяйственных комплексов — «технико-экономических

районных комбинатов», как он назвал их тогда. Целесообразное использование всех местных природных ресурсов, комбинированное производство в масштабах целых экономических районов — вот что видел Вознесенский в те годы, когда Днепрогэс был еще в стадии строительства, а современных энергетических гигантов не было и в проектах... Так представлял себе он перспективу дальнейшего развития Ленинского плана ГОЭЛРО.

Заглянем в «Правду» от 25 ноября 1963 года и обратим внимание на следующие строки: «В историю советской энергетики вписана еще одна страница. 23 ноября в 21 час 16 минут по московскому времени включено в работу последнее недостающее звено — линия электропередач напряжением 500 киловольт Братск — Тайшет. Этим завершено создание ЕДИНОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СИБИРИ... Крупнейшие тепловые и гидравлические станции Сибири отныне работают на общую сеть».

Если проследить за развитием энергетического хозяйства СССР в последнее десятилетие, то невольно вспомнится картина, нарисованная Вознесенским перед друзьями одним из зимних вечеров 1931 года... Сходство, естественно, не абсолютное, но — полное в основных своих чертах.

Повторим свой вопрос: было это мечтой или каким-то предвидением?

Думается, что ни тем, ни другим.

В последние годы все большее развитие и признание получает так называемое научное прогнозирование — конкретный взгляд в будущее той или иной отрасли науки; предсказание, основанное не на интуиции, а на знании объективных законов развития данной научной (или производственной) отрасли. Думается, что умение Вознесенского вполне реально заглядывать в будущее (читатель найдет тому подтверждение и на других,

последующих страницах этой книги) — это не «дар божий», а результат знания экономических и социальных законов и умения их применять. Не мечтой, а научным прогнозом следует поэтому назвать способность Вознесенского заглядывать далеко и видеть конкретные черты будущего.

В начале 1930 года было принято решение правительства о кредитной реформе и повсеместном внедрении хозяйственного расчета. Эта реформа вскоре нашла отражение в деятельности предприятий: появились первые техпромфинпланы на ленинградских заводах «Светлана» и «Севкабель».

Вознесенский, естественно, не мог оставаться в стороне от проблем хозяйственного развития страны. Тщательно проанализировав первые шаги кредитной реформы, он решил выступить в печати по вопросу о хозяйственном расчете и планировании. Но прежде чем передать уже готовую статью в редакцию журнала «Большевик»...

Впрочем, дадим слово К. П. Касаткину.

— Однажды,— рассказывает он,— Николай Алексеевич пришел ко мне и после обычных приветствий сказал: «Помыслим вслух?» Я понял, что он пришел с новыми идеями, которые, по своему обыкновению, хочет апробировать — в данном случае на мне: перепроверять себя через людей, которым он доверял, было правилом Вознесенского. В виде вступления Николай Алексеевич (как обычно — по памяти) привел высказывание Ленина о неразрывной связи хозрасчета с экономической политикой и об огромной роли этого метода ведения хозяйства в будущем социалистического государства.

Считая хозрасчет важнейшим методом управления и рычагом планового ведения социалистического хозяй-

ства, Вознесенский подчеркивал, что на современном этапе социалистического строительства хозрасчет является наиболее удачной и единственно возможной формой контроля и учета в производстве, обмене и распределении продуктов.

Далее Вознесенский высказал очень интересные, свежие для того времени мысли о революционной, преобразующей роли социалистического плана. Вознесенский утверждал, что план опирается на объективные возможности построения социализма, а борьба за план, за его реализацию, есть борьба за превращение возможности в действительность. Социалистический план, выражая объективные возможности победы социализма, силой революционной практики изменяет старый мир, переделывает его общественную природу.

Вознесенский не представлял себе социалистический план некоей догмой, законом, не подлежащим дальнейшей корректировке. Памятуя указания Ленина о плане, который «каждый день, в каждой мастерской, в каждой волости будет улучшаться, разрабатываться, совершенствоваться и видоизменяться», Вознесенский видел план живым, мобильным, постоянно совершенствующимся и очень важным моментом считал встречные планы самих работников социалистических предприятий, позволяющие улучшать и уточнять весь план в целом.

В сочетании хозрасчета с народнохозяйственным планированием Вознесенский видел один из основных вопросов экономической политики Советского государства.

Обратим внимание в рассказе К. П. Касаткина на такую фразу: «...перепроверять себя через людей, которым он доверял, было правилом Вознесенского». Высоко

оценивая печать как идеологическое оружие, Николай Алексеевич не проявлял поспешности в публикации статей, пока возникшие мысли и идеи не будут обоснованы и предельно отточены, пока они не обретут своего веса в полемике с друзьями, в докладах на семинарах и в выступлениях перед аудиторией специалистов.

Нарисованная Вознесенским перед друзьями картина будущего развития энергетики страны и беседа с Касаткиным о планировании и хозяйственном расчете не остались просто разговорами между друзьями. И ту и другую тему Вознесенский развил, уточнил, обобщил и вскоре опубликовал статьи в журнале «Большевик», постоянным корреспондентом которого он являлся на протяжении многих лет.

Уже в годы учебы в Институте красной профессуры раскрывается незаурядный талант Вознесенского ученого-экономиста. Еще не закончив институт, он читает лекции по политической экономии и заведует кафедрой политэкономии в одном из московских высших учебных заведений.

Но чем бы ни был занят Вознесенский — будь то подготовка к семинару, чтение лекции или проведение беседы на предприятии,— он всегда помнил, что является частицей партии, что вся его деятельность должна способствовать укреплению партии, охранять чистоту марксистско-ленинской теории.

— Не было ни одного случая,— свидетельствует К. П. Касаткин,— чтобы Вознесенский отклонился от генеральной линии партии — ни на партийных собраниях, ни на семинарских занятиях, ни в статьях, которые он писал и публиковал.

Долгом коммуниста считал Вознесенский публичное разоблачение ревизионистов и оппортунистов любого

толка. В январе 1931 года Вознесенский публикует в журнале «Большевик» научную статью «Марксизм и контрреволюционный идеализм Рубина». Она явилась своеобразным итогом размышлений после жаркой полемической борьбы с «правыми» и «левыми» в стенах Института красной профессуры. Поводом для выступления в печати послужила статья бывшего меньшевика, ревизиониста Рубина, примыкавшего к «социальному» (буржуазному) направлению в политической экономии. Статья Рубина называлась: «Учение Маркса о производстве и потреблении».

Выступление Вознесенского в журнале «Большевик» было для Рубина, подвизавшегося тогда на научном поприще, ударом сокрушительной силы.

Анализируя «теоретические» упражнения Рубина, Вознесенский писал:

«Основной порок всей рубинской статьи... состоит в том, что Рубин систематически замазывает корень, сущность противоречия производства и потребления, становясь на позиции апологетики капитализма».

Вознесенский подчеркивал, что задача марксистов состоит в том, чтобы вскрыть основную, коренную причину, приводящую к противоречию производства и потребления при капитализме, а такой причиной, по Марксу, Ленину, является противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Не вскрыв этого основного противоречия капитализма, которое ведет его к гибели, Рубин не дал научно-коммунистической критики экономики капитализма.

Рубин также совершенно не вскрыл противоречия между потребительной стоимостью рабочей силы (способность ее создавать прибавочную стоимость) и ее стоимостью.

Между тем здесь уже проявляется в элементарной

форме антагонистический характер капиталистического процесса производства.

Рубин, не поняв того, что потребление рабочего класса обусловлено процессом капиталистического воспроизводства, перешел к защите капитализма, к проповеди классового мира, к грубому извращению марксизма.

Были у Рубина и другие теоретические грехи, которые беспощадно обнажил Вознесенский. В итоге разбора рубинских положений Вознесенский писал: «...Рубин извратил Маркса до последней степени; под флагом марксизма он протаскивает идеалистическую стряпню и буржуазные теории в вопросах потребления».

Со свойственной Вознесенскому прямотой и резкостью, не жалея эпитетов, он называет Рубина представителем меньшевиствующего идеализма, схоластиком, буржуазным вульгаризатором.

Не оставил без внимания в своей статье Вознесенский и «правых» во главе с автором «Азбуки коммунизма» Бухариным. Каково же было Бухарину, мнившему себя «апостолом коммунизма», читать статью молодого ученого и ощущать, как под давлением точно отобранных, хорошо продуманных аргументов рассыпаются внешне логичные, но не имеющие ничего общего с социализмом положения политэкономии, провозглашенные им, Бухариным...

Вознесенский понимал, что для полного, окончательного разгрома теоретических концепций ревизионистов типа Рубина и правых оппортунистов во главе с Бухариным нужна консолидация всех подлинных марксистов-ленинцев. Поэтому в заключительных строках статьи Вознесенский обратился к своим коллегам с призывом «создавать инициативные группы для разработки отдельных вопросов, для борьбы на теоретическом фронте с буржуазным хламом».

И первым же откликнулся на собственный призыв...

В конце 1931 года Вознесенский выступает в печати с большой научной работой «К вопросу об экономике социализма». В этой работе Вознесенский пытается, как он писал, «поставить некоторые важнейшие вопросы еще не написанной «политической экономии социализма»».

К моменту опубликования этого научного труда Вознесенский закончил Экономический институт красной профессуры и был оставлен в нем для научной работы. Опыт преподавания в вузах подсказывал Вознесенскому острую необходимость создания теоретического труда, в котором на основе положений Маркса и Ленина была бы изложена «Политическая экономия социализма».

В своей статье Вознесенский отмечал, что основы этой политэкономии даны в произведениях классиков марксизма-ленинизма, в решениях партии. «Задача дальнейшей работы над теорией социалистической экономики,— пишет Вознесенский,— есть дело всей партии, дело огромного коллектива коммунистов... Данная статья лишь начало, приступ к этой коллективной работе». Такое вступление говорило само за себя: разработав целый комплекс вопросов экономики социализма, выдвинув ряд положений, сохранивших теоретическую ценность и по сей день, Вознесенский не мнил себя законодателем в теории, считая свою научную работу лишь начальным вкладом в политическую экономию социализма, основы которой были разработаны Лениным.

Обосновывая необходимость создания «Политической экономии социализма», Вознесенский подчеркивал: «Задача коммунистов-экономистов состоит в том, чтобы в борьбе за чистоту марксизма-ленинизма сочетать критическую, разоблачительную работу с положительным изучением и исследованием новых вопросов политической экономии... Непонимание всего огромного значения

задачи разработки теории социалистической экономики есть оправдание своеобразного хвостизма в теории. Английская буржуазия еще на заре развития капитализма создала свою политическую экономию. Маркс очень высоко ценил политическую экономию Рикардо и Смита. Разве же наша партия, руководя страной, которая вступила в период социализма, где уже завершено построение фундамента социалистической экономики, не должна создать «политическую экономию социализма»?».

Однако, поставив этот вопрос, Вознесенский был далек от мысли ограничиться одной лишь декларацией необходимости создания курса политической экономии социализма.

Исследуя в своей статье проблемы экономики социализма и пути ее развития, Вознесенский останавливается на вопросах планирования народного хозяйства, социалистического учета, контроля за выполнением государственного плана, товарооборота, денежного обращения, специализации и кооперирования предприятий, производительности труда, развития экономических районов СССР. Весь круг поставленных вопросов рассматривается автором с позиций материалистической диалектики — в их взаимной связи и обусловленности, а также с позиции их роли в создании и укреплении социалистической экономики. «Единственный метод, которым мы можем пользоваться при изучении экономики социализма,— пишет Вознесенский,— это материалистическая диалектика».

Исчерпывающе для того времени освещена в статье проблема внутренних противоречий социализма, в ней раскрыто основное противоречие, в условиях разрешения которого развивается социалистическая экономика,— между производительными силами и производственными отношениями.

Проблему внутренних противоречий социализма Вознесенский не просто ставит в порядок дня, но и анализирует ее на ряде конкретных примеров. Так, при наличии социалистических производственных отношений в СССР создана возможность и имеется необходимость построения единой в масштабе всей страны высоковольтной электрической сети; но, обладая возможностью ее построения, страна далека еще от того, чтобы превратить эту возможность в действительность ввиду относительно низкого уровня развития производительных сил. Еще очевиднее это противоречие в колхозной экономике. В деревне социалистические производственные отношения сплошь и рядом возникают первоначально на базе простого сложения крестьянских орудий производства; ясно поэтому, что между социалистическими производственными отношениями и уровнем производительных сил в колхозах на том историческом этапе существовало противоречие.

Наконец, рассмотрев противоречие между уровнем материального производства и потребностями социалистически организованных производителей, Вознесенский делает общий вывод: «Противоречие между передовыми социалистическими производственными отношениями и относительно отсталыми производительными силами пролетариат СССР разрешает тем, что поднимает уровень развития производительных сил, причем поднимает их на социалистической основе в целях... завершения построения социалистического общества».

В статье рассматривается и такой важный теоретический вопрос, как становление непосредственно общественного труда в СССР. Если труд товаропроизводителей в условиях простого товарного хозяйства, а равно и капиталистического, с присущей им стихийностью, непосредственно выступает как труд частный, а его общественная природа обнаруживается только в процессе

приравнивания к деньгам, то как же обстоит вопрос с трудом, создающим материальные ценности, в социалистической системе хозяйства? Какую окраску, какой характер принимает труд при плановом ведении народного хозяйства? Отвечая на эти вопросы, Вознесенский утверждает, что в условиях социалистической экономики, в которой утвердились новые, социалистические производственные отношения, когда хозяйство развивается по заранее разработанному государством плану, с учетом действия экономических законов, труд как на отдельных предприятиях, так и в масштабе всего государства носит планово организованный характер, тем самым с труда снята оболочка стихийности и он не устремляется периодически туда, где более выгодно его применение. Государство своевременно определяет не только какого труда и сколько надо затратить по отдельным отраслям производства и экономическим районам страны на выработку различных товаров, но устанавливает и потребителей этих товаров; следовательно, труд в социалистическом обществе в силу своей плановой организованности, как справедливо заключает Вознесенский, является непосредственно общественным, он непосредственно является частью всего общественного труда.

Особое внимание в своей статье Вознесенский уделяет вопросу, поставленному еще XIV съездом ВКП(б),— вопросу перевооружения на базе новой техники всего народного хозяйства страны, вступившего в период реконструкции. Вознесенский ищет новые пути, способствующие выполнению решений партии по скорейшему оснащению промышленности и сельского хозяйства Советского Союза современной техникой. Проанализировав состояние советской экономики к тому периоду времени, Вознесенский отмечает необходимость разработки технического плана (плана освоения и вне-

дрения новой техники), который в то время в масштабе всего народного хозяйства Госпланом не составлялся. Технический план характеризуется автором статьи как «важнейший момент всего народнохозяйственного плана», сердцевиной которого должна быть электрификация страны.

Опираясь на труды Ленина, Вознесенский пытается развить и научно обосновать дальнейшие пути повсеместной электрификации СССР. «Центральной идеей нового генерального плана электрификации,— пишет он,— является создание единой для всего СССР сверхмощной сети электропередач... То, чего не может осуществить капитализм, дает социалистическая страна, создающая в форме единой высоковольтной сети материально-техническую базу коммунизма». Ныне это понятие — материально-техническая база коммунизма,— введенное в экономический лексикон Вознесенским, насыщенное глубоко научным содержанием, которое включает в себя не только полную электрификацию страны, но и совершенствование технологии общественного производства, комплексную механизацию производственных процессов, их автоматизацию, широкое применение химии, всемерное развитие новых эффективных отраслей производства, новых видов энергии и материалов, соединение науки с производством, высокий культурно-технический уровень трудящихся,— это всеобъемлющее понятие вошло в Программу Коммунистической партии Советского Союза, принятую XXII съездом КПСС.

Электрификацию страны Вознесенский рассматривал в прямой связи с химизацией народного хозяйства. «Электрификация ведет не только к революции в двигателе,— пишет он,— но и в передаче энергии, в рабочей машине, она создает условия для автоматизации производства. Она создает основу для химизации всего народ-

ного хозяйства... Задачи химизации требуют от нас создания почти заново химической промышленности, особенно машиностроения, по линии химической аппаратуры... Решающее значение для поднятия урожайности сельского хозяйства вместе с электрификацией и механизацией будет иметь химизация земледельческого производства».

Исключительно важное значение в этой работе Вознесенский придает специализации и кооперированию предприятий, имея в виду перспективу роста производительности общественного труда как самого главного условия победы нового общественного строя. Он считал необходимым определить технико-экономический профиль каждого предприятия, ликвидировать такое положение, когда одни и те же виды оборудования производятся на многих предприятиях, вместо того чтобы полностью и более производительно загрузить одно-два предприятия. Специализацией и кооперированием предприятий в масштабе всей страны, по мнению Вознесенского, должны были руководить ВСНХ, как орган, руководивший в те годы социалистической промышленностью, и Госплан СССР.

Научная работа Вознесенского «К вопросу об экономике социализма» явилась прямым продолжением и развитием бессмертных ленинских идей в новых исторических условиях, и в этом ее основная ценность.

В этой скромно оцененной им самим работе Вознесенский поднимается в полный рост как большевик-экономист, когда он, рассматривая вопросы планирования, подходит к принципиальной оценке баланса народного хозяйства. «Баланс,— пишет он,— будучи составлен как часть социалистического плана, должен обнаружить «узкие места» не для того, чтобы к ним приспосабливаться, а для того, чтобы эти «узкие места» преодоле-

вать, т. е. вести активную борьбу за их устранение, за укрепление новых социалистических пропорций».

Вознесенский считал, что сводный баланс должен отразить новые пропорции между производством машин и их потребностью для завершения реконструкции народного хозяйства, между производством сырья и потребностью в нем, между производством предметов потребления и распределением народного дохода. Но достаточно ли иметь сводный баланс, чтобы обеспечить все необходимые народнохозяйственные связи и пропорции? Нет. По мнению Вознесенского, баланс в денежном выражении необходимо конкретизировать целой системой материальных балансов. Должны быть разработаны самостоятельные балансы в натуральном выражении: металла, энергии, топлива, оборудования, машин, сырья, стройматериалов, продовольствия и другие, а также баланс труда.

Основной, по мысли Вознесенского, являлась ведущая пропорция баланса — соотношение между накоплением и потреблением, т. е. какую долю вновь созданного общественного продукта необходимо обращать на социалистическое накопление, определяющее темпы и объем расширенного социалистического воспроизводства, и какую часть этого продукта можно потреблять. «Главнейшим вопросом советского планирования,— пишет Вознесенский,— является установление правильного соотношения пропорций между накоплением и потреблением».

Статья «К вопросу об экономике социализма» была первой и весьма существенной попыткой Вознесенского помочь рождению политической экономии социализма — одной из ведущих общественных наук.

Характерны для Вознесенского, человека, умеющего заглядывать далеко вперед, заключительные строки статьи: «Строго говоря, мы должны говорить о

теоретической экономии коммунизма... «Политическая экономия социализма» есть лишь... часть той будущей теоретической экономии коммунизма, к которой идем и которую построим по мере дальнейшего движения вперед».

Мало сказать, что экономика, экономическая наука были для Вознесенского лишь избранным делом. Они были для него еще и подлинным увлечением. К любому вопросу, прямо или косвенно связанному с экономикой, он проявлял глубокий интерес.

Однажды, просматривая новый учебник по статистике, Вознесенский натолкнулся на высказывания о методах учета труда при социализме, которые привели его, мягко говоря, в недоумение. С его точки зрения, ряд положений о труде и его учете, о заработной плате и роли денег в переходный период, предлагаемые авторами учебника, были далеки от подлинно научных. А ведь это был учебник!..

Но может быть, прав не он, а авторы учебника — достаточно известные и опытные экономисты?..

Возникшие сомнения Вознесенский решил проверить испытанным способом. В один из вечеров он собрал товарищей, которые вместе с ним и ранее его закончили Экономический институт красной профессуры и были уже признанными специалистами по планированию и учету труда. Перед ними он и высказался.

— Что предлагают авторы учебника? Они считают возможным учитывать (в заводском и народнохозяйственном масштабе) затраты рабочего времени отдельными рабочими, зафиксированные в первичных документах, путем сведения их к «простому абстрактному труду».

Это сведение времени рабочих разных профессий и квалификаций к «простому абстрактному труду» авторы учебника предлагают производить «по коэффициентам тарифных разрядов».

Ученые статистики смешали простой труд (неквалифицированный) с абстрактным трудом. Смешали они и измерители труда и зарплаты. Известно, что мерой труда является рабочее время, а не тарифная сетка. Тарифная же сетка непосредственно измеряет лишь величину заработной платы. Предложение соизмерять труд не через деньги, а по коэффициентам тарифных разрядов Вознесенский расценил как выражение левых взглядов по вопросу о советских деньгах. Недооценку авторами учебника роли денег в советском хозяйстве он не хотел считать простой ошибкой — для этого они были достаточно знающими и опытными экономистами.

В ходе беседы товарищи по институту согласились с Вознесенским по всем пунктам, кроме одного: часть из них категорически возражала против утверждения Вознесенского, что двойственность труда при социалистическом производстве исчезает. Нет, она остается, говорили они, отстаивая свое мнение, но если при капитализме двойственный характер труда отражает противоречия между частным и общественным трудом, то при социализме эта двойственность является лишь выражением двух сторон непосредственно общественного труда...

Но переубедить Вознесенского они не смогли.

Выступив вскоре после этой беседы на страницах журнала «Большевик» с обстоятельной статьей о роли денег, финансов и кредита в социалистической экономике, Вознесенский отстаивал в ней свое утверждение об исчезновении при социализме двойственного характера труда.

Утверждение это было ошибочным...

Взглянув с позиций сегодняшней экономической науки, мы найдем некоторые незначительные ошибки и в других ранних трудах Вознесенского. Но очень, очень трудно было их избежать, особенно если вспомнить, что политической экономии социализма как науки, в развернутом виде, с полной характеристикой экономических законов, какой мы обладаем сегодня, в те годы не существовало. И Вознесенский был глубоко прав, призывая к коллективной работе над теорией социалистической экономики.

Допуская ошибки в частностях, он был верен главному направлению в науке — марксистско-ленинскому. Что же касается этих частных ошибок, то в любом большом деле они неизбежны и не страшны при соответствующем к ним отношении. Существенных ошибок у Вознесенского не было, а «не очень существенные» исправлять он умел,— это доказано всей его последующей деятельностью...

Первые же шаги молодого ученого-экономиста оставили глубокий след. К. П. Касаткин рассказывает, что и он, начав в 30-х годах работать в Госплане СССР, и другие специалисты Госплана часто пользовались теоретическими работами Вознесенского, наиболее точно и полно для тех времен отвечавшими на многие вопросы социалистической экономики. Детальная разработка некоторых из них имела прямое практическое значение. Такой, скажем, вопрос как баланс народного хозяйства... Вот что пишут авторы изданного в 60-х годах труда «Расширенное социалистическое воспроизводство и баланс народного хозяйства»: «Начиная с 1939 года Госплан СССР стал впервые разрабатывать баланс народного хозяйства как самостоятельный раздел и органическую часть народнохозяйственного плана. По схеме Н. А. Вознесенского производились расчеты баланса народного хозяйства в течение десяти лет (1939—1949)...

Разработка по этой схеме баланса народного хозяйства как органической части и раздела народнохозяйственного плана подняла уровень плановой деятельности по общеэкономическому обоснованию планов».

Казалось, дальнейший жизненный путь Вознесенского был прост и ясен. Впереди был непочатый край интересной, захватывающей работы. Работы творческой, требующей полной отдачи сил и способностей. Что могло быть привлекательнее для молодого ученого, раз и навсегда определившего для себя путь творческих поисков, избравшего и полюбившего экономику как науку со всеми ее сложными, многогранными проблемами, тесно связанными с жизнью общества,— что могло быть для него привлекательнее, чем сосредоточить свои усилия на глубокой разработке теоретических вопросов политической экономии социализма в тот период, когда практика социалистического строительства далеко обогнала теоретические обоснования закономерностей экономического развития первого в мире социалистического государства?

Но не судьба была Николаю Алексеевичу отдаться полностью лишь теоретическим разработкам и изысканиям в области экономики. Однажды его вызвал к себе Я. Э. Рудзутак — председатель ЦКК ВКП(б) — нарком РКИ СССР...

Личность характеризуется не только тем, *что* она делает, но и тем, *как* она это делает.

Ф. Энгельс

Народный контролер

Вознесенскому было 28 лет, но это был уже вполне зрелый партийный работник с широким политическим и научным кругозором, с давно сформировавшимся мировоззрением. Его статьи с глубоким анализом проблем советской экономики привлекли внимание Центрального Комитета партии,— это и послужило причиной крутого поворота в судьбе молодого ученого.

Беседа с председателем ЦКК ВКП(б) — наркомом РКИ СССР (Центральная Контрольная Комиссия ВКП(б) — Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции СССР), состоявшаяся в начале 1932 года, была долгой. В заключение Я. Э. Рудзутак раскрыл цель ее: ЦК партии предлагал Вознесенскому работу в сводной группе планирования и учета ЦКК ВКП(б) — НК РКИ.

Сообщив об этом, Ян Эрнестович взглянул на Вознесенского. Тот молчал. И Рудзутаку показалось, что Вознесенский колеблется в выборе решения.

— Я понял из нашей беседы,— сказал Рудзутак,— что вы решили посвятить себя, так сказать, «чистой» науке, теоретическому решению ряда проблем экономики. Но разве предлагаемая вам работа не соответствует выбранному вами профилю? И подумайте, какую практическую пищу вы получите для дальнейших тео-

ретических разработок! Ваша группа будет заниматься экономикой страны во всем ее, самом полном объеме...

— А я и не думал отказываться,— сказал Вознесенский.

— Но вы не ответили сразу...

Вознесенский улыбнулся, сказал:

— Просто вспомнился афоризм Джона Рескина: «Отдайтесь вашему делу всем сердцем и душою; но посмотрите прежде, хорошее ли это дело»... Но в данном случае сомнений нет — дело очень хорошее!

Улыбнулся и Рудзутак.

— Значит,— сказал он,— памятуя первую часть афоризма, вы и делать будете его хорошо?

Тогдашний заместитель начальника группы транспорта и связи ЦКК — НК РКИ И. Е. Опарин, впоследствии заместитель председателя Госплана СССР, с большой теплотой вспоминает о совместной работе с Вознесенским в ЦКК — НК РКИ и Комиссии Советского Контроля при Совнаркоме СССР.

— Николай Алексеевич,— рассказывает он,— был на редкость хорошим товарищем. А о его деловых качествах и разносторонней образованности и говорить не приходится! Несмотря на молодость...

В этом месте мы на минуту прервем воспоминания И. Е. Опарина.

«Несмотря на молодость...» Эта или аналогичная ей фраза нередко встречалась в предыдущем повествовании, будет она, очевидно, встречаться и далее. Да, Николай Алексеевич многое успел сделать, «несмотря на молодость», именно в молодости приобретя высокие человеческие качества. «Несмотря на молодость», он занимал ответственные государственные посты (вспомним — председателем Госплана СССР его назначили,

когда ему едва исполнилось 34 года). Молодость и зрелость — разные понятия. Но они не противопоставлены друг другу, и жизнь Вознесенского — пример тому. «Природа справедлива,— говорил Николай Алексеевич.— Она редко делает исключения, одаряя, как правило, всех в равной степени. И дело каждого — сделать себя, используя предоставленные природой способности и возможности». (Говоря это, Николай Алексеевич не причислял себя к исключениям, но автор, выражая собственное мнение, склонен с этим не согласиться). Закончить это небольшое отступление на тему о возрасте хочется фразой, услышанной однажды автором от Николая Алексеевича. «Возраст коммуниста,— сказал он,— это не просто количество лет, а сумма дней, часов и минут, полностью отданных делу партии».

— Возглавив группу планирования и учета ЦКК — НК РКИ,— продолжает рассказывать И. Е. Опарин,— Вознесенский нашел для себя, опытного и одаренного аналитическим складом мышления экономиста, обширное поле деятельности. Эта группа, являясь сводной, занималась прежде всего вопросами, связанными с проверкой выполнения народнохозяйственного плана и организации государственной статистики как в центре, так и на местах. В функции группы входила также подготовка сводных докладов для ЦК партии и Совнаркома на основе материалов, которые разрабатывались в группах, занимавшихся отдельными отраслями народного хозяйства. Ленинская ЦКК — НК РКИ (мы называли ее тогда «недремлющим оком ЦК партии и правительства») не была в стороне и от такого важного дела, каким являлось составление народнохозяйственного плана, в котором определялись конкретные пути развития советской экономики на определенный отрезок времени. До обсуждения разработанного Госпланом СССР народнохозяйственного (годового или кварталь-

ного) плана в правительстве группа, возглавлявшаяся Вознесенским, организовывала сбор замечаний по проекту плана от отраслевых групп, критически их обобщала и давала общую оценку плана с точки зрения темпов роста производства и межотраслевой балансовой увязки плановых показателей. Участок работы у Вознесенского был не только сложным, но и очень ответственным. Здесь было где применить блестящие способности экономиста, впервые блеснувшие на общественном горизонте в 1931 году в статье, скромно названной Вознесенским «К вопросу об экономике социализма»...

Приступив к новой работе, Вознесенский прежде всего стал внимательно приглядываться к людям — своим сотрудникам. Ему хотелось досконально знать меру и направленность способностей, деловые и нравственные качества каждого из сотрудников. Без этого он не мыслил организации работы группы, ее деятельности с наивысшей отдачей.

Хорошо узнать человека — дело не простое...

Не обошлось и без казусов.

Так, однажды один из специалистов группы, Г. Ф. Волошин, принес и положил на стол Вознесенскому документ. Это был обобщенный материал обследования ряда предприятий. Внимательно прочитав документ, Вознесенский положил его на стол и сказал:

— Этот документ подготовлен посредственно, слабо.

Волошин возмутился, взял документ, изорвал его и, уже швырнув клочья в корзину, услышал запоздалый возглас Вознесенского:

— Что вы делаете?!

Позднее документ пришлось склеивать и перепечатывать.

Документ был подготовлен совсем неплохо... Вознесенский умышленно дал отрицательную оценку работе Волошина, с тем чтобы посмотреть, как тот будет защищать (и будет ли?) правильность выводов документа, доказывать хорошую отработку материалов. Но Волошин стал в позу обиженного и тут же подал заявление с просьбой уволить его, мотивируя просьбу тем, что не в состоянии сработаться с Вознесенским как с руководителем группы.

Вознесенский, прочитав заявление, попросил Волошина успокоиться, подумать.

На следующий день он пригласил Волошина к себе, дал объяснение своего поступка и, извинившись за свое поведение, сказал с улыбкой:

— А вашу способность отстаивать собственное мнение перед руководством мне так и не удалось проверить!.. Вспыхнул как спичка! — И уже серьезно добавил: — Что-то не припомню случая, чтобы вспыльчивость шла впрок...

Волошин смутился.

После этого случая Вознесенский отказался от подобного метода проверки твердости позиций инспекторов ЦКК — РКИ.

...Автор этих строк тоже в свое время заявил Вознесенскому о невозможности работать с ним...

Было это в 1940 году.

К тому времени я уже около двух лет заведовал секретариатом Вознесенского — и в Госплане СССР, и в Кремле. (Вознесенский занимал в 1940 году одновременно пять государственных постов: он являлся заместителем председателя Совнаркома СССР, председателем Госплана СССР, председателем Совета оборонной промышленности при Совнаркоме СССР, заместителем

председателя Комитета обороны при Совнаркоме СССР и председателем Комиссии по текущим делам при Совнаркоме СССР.) В силу своего характера, да еще при такой чрезвычайной загруженности делами, Вознесенский совершенно нетерпимо относился к малейшим неточностям, к некачественной подготовке документов, представляемых ему на подпись. Я знал об этом, и до случая, который опишу ниже, ни разу не получал замечаний от Николая Алексеевича по поводу документов, прошедших через мои руки.

В тот вечер Николай Алексеевич работал в Госплане, а я занимался текущими делами как заведующий его секретариатом в Кремле.

Уже перевалило за 23 часа, когда позвонил Николай Алексеевич и предложил мне взять у секретаря Совета оборонной промышленности пятьдесят проектов постановлений и распоряжений, подготовленных ему на подпись, и доставить их в Госплан ровно в 24 часа.

— Имейте в виду — пятьдесят самых неотложных,— предупредил меня Николай Алексеевич.

О том, что Николай Алексеевич любил и ценил точность, мне было хорошо известно. Поэтому, когда секретарь Совета оборонной промышленности принес папку с документами, я прежде всего пересчитал их и, убедившись, что документов точно пятьдесят, бегло просмотрел их, положил в портфель, и отправился в здание Госплана СССР.

Часы (массивные часы, и по сей день стоящие в кабинете председателя) пробили ровно 12 раз, когда я вошел в кабинет Вознесенского.

Подняв голову с последним ударом и увидев меня, Николай Алексеевич улыбнулся, но ничего не сказал.

Отложив в сторону другие дела, он стал просматривать и подписывать принесенные мною документы. Вначале все шло хорошо. Подписанные проекты аккуратно

откладывались в отдельную стопку на край стола. Но вот Николай Алексеевич взял в руки очередной документ, прочитал его, потом взглянул на меня... Перечитав документ, он резко сказал:

— Не годится! Не ожидал... Как можете вы предлагать мне на подпись экономически неграмотный проект распоряжения правительства?!

Я сделал попытку объяснить, что в столь короткий срок не мог подробно ознакомиться с документами — и это действительно было так,— но Николай Алексеевич не хотел слушать никаких объяснений.

Голоса Вознесенский не повысил, но глаза его сузились, слова звучали отрывисто:

— С секретарем Совета оборонной промышленности, который передал вам этот проект, у меня будет разговор особый. А вас прошу такие документы больше не докладывать. Вы ответственны за качество документов, и никто иной!..

И вот тут я сорвался... Поднявшись, я заявил неверным от обиды голосом:

— Вы предъявляете невыполнимые требования! В таких условиях я работать не в состоянии... Прошу освободить меня от занимаемой должности и направить в распоряжение ЦК партии!

Выпалив все это, я демонстративно вышел из кабинета.

Однако далее приемной уйти я не мог: документы, которые я передал Вознесенскому, были слишком ответственными, и, не убрав их в сейф, покинуть здание Госплана я попросту не имел права. И забыть об этом меня не заставила бы никакая обида...

Сидя в приемной, я курил папиросу за папиросой, прикуривая одну от другой.

Думаю, что Николай Алексеевич прекрасно знал, что я не уйду никуда дальше приемной, и дал мне время

остыть: час шел за часом, у меня уже кончались папиросы, а он, казалось, и не собирался кончать работу.

Я уже начал тревожиться, когда дверь кабинета бесшумно отворилась. Появившийся в дверях Николай Алексеевич тепло улыбнулся, сказал:

— Ну что, все сердитесь?

Я не ответил. Как это часто бывает, незаслуженная обида вспыхнула во мне с новой силой.

— Ну, полно, полно дуться-то...— Николай Алексеевич подошел, по-дружески обнял меня.— Пойдемте-ка лучше выпьем по стакану чая, а потом забирайте документы и поедем спать — скоро уже четыре утра...

Слов извинения он не произнес, да в них и не было нужды...

Описанный эпизод стоит рядом с инцидентом, происшедшим между Вознесенским и Волошиным в стенах ЦКК — НК РКИ, не случайно. Объединяет оба эти случая отнюдь не тот факт, что и Волошин и автор заявили Вознесенскому о невозможности работать с ним, а то, что в обоих случаях это была реакция на резкость Вознесенского.

Да, Николай Алексеевич бывал резок... И не редко. Но не только с подчиненными, но и с людьми, стоявшими выше его по служебной лестнице.

Нужно добавить, что резкость у Вознесенского никогда не была следствием дурного настроения, а вызывалась конкретными, сугубо деловыми причинами. Кроме того, при своем крутом характере Николай Алексеевич был на редкость отходчив и обладал чудесным человеческим качеством — не помнить и не таить зла. Он никогда не держал камня за пазухой, был открыт, прям, честен. И эти черты его характера подкупали людей, близко знавших Вознесенского. К некоторым его

поступкам, подчас задевавшим самолюбие, они начинали относиться иначе, понимая, что поступки эти вызваны лишь одной причиной — большим человеческим беспокойством за дело, которому он себя посвятил.

Тот же Г. Ф. Волошин, чуть ли не с первой же встречи заявивший Вознесенскому о невозможности работать с ним, рассказывает:

— Вознесенский был хорошим товарищем по работе, но очень требовательным руководителем. Иной раз его требования казались чрезмерными, но только на первых порах. Тем, кто начинал понимать, что все требования Вознесенского вызваны деловой необходимостью и никогда не превышали возможностей тех конкретных людей, к которым были обращены, становилось работать с Николаем Алексеевичем легко и приятно.

Как и предсказывал Рудзутак, большая и ответственная практическая работа не оторвала Вознесенского от теоретических изысканий в области социалистической экономики. Продолжать их во многом помогли ему и собственный опыт, и анализ богатейших материалов Госплана и Центрального управления народнохозяйственного учета. Вознесенский много и плодотворно работает, регулярно выступает в печати.

Часто печатаясь сам, Вознесенский привлекал и подчиненных ему сотрудников к работе над публикациями. Он считал прямой необходимостью выносить обобщенный практический опыт работы ЦКК — НК РКИ на страницы печати. И Вознесенский не просто предлагал своим товарищам по работе писать статьи на соответствующие темы, а иной раз буквально заставлял их делать это. Многие статьи он читал, сам редактировал, а подчас и заново переделывал. Статьи своих коллег, переданные в редакции, Вознесенский не пускал «по воле

воли», а скрупулезно следил за своевременным выходом их в печати.

— У самого Вознесенского метод подготовки статей в печать был особый,— вспоминает Г. Ф. Волошин.— Напишет, бывало, статью, принесет ее на работу, соберет сотрудников нашей группы и начнет читать. Потом просит обдумать и высказать свои замечания. После громкой читки мы всегда брали наброски его статей домой и читали каждый в отдельности. Но Вознесенскому и этого мало. Он просил в Московском комитете партии путевку и ехал выступать на завод или в район и там, в рабочей или сельской аудитории, излагал содержание своей статьи в виде лекции или доклада. Только после всего этого он обобщал все замечания, анализировал их, если нужно было — переделывал статью и отправлял ее в редакцию. За время совместной работы я присутствовал на обсуждении нескольких статей Вознесенского. Запомнилась мне его яркая и острая критика научной работы ученого-экономиста И. Трахтенберга «Современный кредит и его организация», где маститый специалист по финансам противопоставил бюджет кредиту, отведя советскому кредиту роль слуги капиталистических методов хозяйства.

В своей работе Трахтенберг доказывал, что «и в буржуазном и в советском обществе ссудный капитал отображает одни и те же общественные отношения».

В таком определении,— писал Вознесенский, критикуя взгляды Трахтенберга,— нет ничего от марксизма-ленинизма. Ссудный капитал в капиталистическом обществе выражает общественные отношения между функционирующим и денежным капиталом. В советской экономике,— подчеркивал Вознесенский,— «ссудный капитал» (на деле социалистический кредит) выражает общественные отношения между пролетарским государством (банк является частью государственного аппара-

та) как целым и отдельными социалистическими предприятиями. Объектом кредитования в нашей экономике является преимущественно ссуда денег как средства накопления социалистических фондов. Таким образом,— делал вывод Вознесенский,— кредит является орудием расширенного социалистического воспроизводства.

Трахтенберг утверждал, что «рост бюджетного метода перераспределения капиталов свидетельствует о росте социалистических элементов хозяйства; в росте кредитных методов отражается рост элементов капиталистических».

Практика социалистического строительства показала всю вздорность этого утверждения.

«...Между бюджетом и кредитом,— отмечал Вознесенский,— у нас нет и не может быть никакого противоречия, так как и тот и другой являются орудием социалистического строительства, осуществляемого пролетарским государством. Кредит является дополнительным к бюджету рычагом воздействия на процесс производства и обращения продуктов в стране».

Помнится также,— продолжает Г. Ф. Волошин,— содержание статьи, в которой Вознесенский рассматривал вопросы социалистической организации труда. В ней Николай Алексеевич не только четко указал причины, по которым принижен, обесценен труд рабочего человека в условиях капиталистического рабства, но и с подлинной поэзией (если можно употребить это слово в отношении работы по экономике) возвеличил труд в условиях социалистического общества, наметил теоретические пути развития организации труда и подробно осветил вопрос о производительности труда при социализме.

Коллективный разбор теоретических статей Вознесенского помогал нам лучше разбираться не только в

вопросах советской экономики, но и расширял наш кругозор в области политической экономии социализма. Любопытная деталь: многие положения, высказывавшиеся Вознесенским, казались нам яркими, неожиданными, но — только в первое мгновение. В следующую минуту они казались вполне естественными, сами собой разумеющимися... Это говорит о многом, и в частности — о ясности и точности мышления.

К последним словам Волошина хочется добавить вот что.

Подлинный ученый умеет увидеть закономерности в обыденных явлениях, открыть их. Казалось бы, как просто! Но для этого нужно иметь определенные способности, определенный склад мышления. И в силу естественности открытия, оно часто в короткий срок становится привычным, само собой разумеющимся. Простой пример: миллионы людей видели, как падает с ветки на землю яблоко, но лишь один из них увидел за этим нечто большее, а сегодня для каждого школьника всемирный закон тяготения Ньютона — привычная, обыденная вещь...

Необходимая, пожалуй, оговорка: нет, мы не хотели последней фразой поставить в один ряд Вознесенского с великим физиком. Хотелось лишь подчеркнуть мысль, что если научное открытие (малое или великое в данном случае неважно) через короткий промежуток времени представляется нам естественным, само собой разумеющимся, это отнюдь не умаляет его достоинства, а, напротив, говорит о его истинности.

Видеть за малым большое — одна из основных черт подлинно творческой личности, политик ли это, ученый или художник. Вознесенский умел смотреть и видеть именно так.

Однажды, проверяя статистические отчеты о смертности населения, Вознесенский увидел в графе «причина смерти» такую запись: «умер с голоду». Если учесть многообразие и значительность дел, которыми занимался Вознесенский как руководитель группы ЦКК — НК РКИ, то казалось бы естественным отнестись к этой записи в груде документов как к мелочи... Но Вознесенский берет командировку и выезжает на место, где проживал в свое время умерший человек.

Его предположения подтвердились: запись оказалась ложной.

Налицо был сознательный поклеп на Советскую власть — как со стороны людей, сделавших заявление в ЗАГС, так и со стороны лиц, составлявших первичный документ.

Командировка Вознесенского затянулась...

Продолжая проверку первичных документов на местах, он обнаружил массу грубых нарушений и ошибок. Почти ежедневно он телеграфировал в Москву, подключив к проверке состояния учета населения свою группу, обращая внимание сотрудников группы на характер обнаруженных им нарушений, давая им направление встречной проверки «сверху».

Результатом этой большой работы, начавшейся с одной-единственной настороживщей Вознесенского записи в документе, был обстоятельный доклад о мерах по улучшению учета населения, представленный руководством ЦКК — НК РКИ в Совнарком СССР и ставший основой соответствующего постановления правительства.

Доклад был подготовлен группой Вознесенского.

Николай Алексеевич предъявлял высокие требования к документам, которые готовились его сотрудниками. В первые же дни своей работы в ЦКК — НК РКИ он собрал группу и сказал:

— Мы должны готовить все материалы для доклада руководству ЦКК — НК РКИ на таком же высоком уровне, на каком готовит аппарат ЦК партии вопросы для доклада секретарям Центрального Комитета.

И не пустой формализм руководил при этом Вознесенским, а сознание того, что от точности формулировок, от ясности изложения мысли в документе зависит правильность выводов и решений авторитетных органов, в которые направлялись документы.

— Заключения ЦКК — НК РКИ по проектам народнохозяйственных планов,— вспоминает И. Е. Опарин,— отличаясь строго научным подходом к проблемам народнохозяйственного планирования, насыщались конкретными предложениями, обеспечивающими более эффективное развитие советской экономики. «Секрет» глубокой и своевременной подготовки заключений для ЦКК — НК РКИ заключался в том, что Вознесенский, пренебрегая формальностями, не ждал, когда Совнарком официально пришлет проект плана на заключение ЦКК — НК РКИ, а, установив деловую связь с аппаратом Госплана СССР, еще в ходе разработки плана брал у сотрудников Госплана предварительные проектировки и изучал их со специалистами своей группы. Точно так же он нацеливал поступать работников отраслевых групп ЦКК — НК РКИ. И когда из Совнаркома СССР поступал в ЦКК — НК РКИ окончательный вариант проекта народнохозяйственного плана, сотрудникам ЦКК — НК РКИ оставалось сопоставить предварительные показатели плана с последним вариантом и определить свои позиции.

Диапазон работы группы, руководимой Вознесенским, был велик — от сводных докладов, содержавших рекомендации по народнохозяйственному плану страны, до проверок, выявлявших мелких нарушителей социалистической законности. Группа сталкивалась и с

крупными, но случайными ошибками, и с мелким, но сознательным обманом. И, пожалуй, эти крупные, но не преднамеренные ошибки вызывали у Вознесенского куда меньшее возмущение, чем мелкий, но совершенно сознательный обман.

— По итогам проверок, которые мы проводили,— рассказывает Г. Ф. Волошин,— Вознесенский предлагал нам писать статьи в газеты, чтобы предавать гласности, общественному суду носителей ошибок и недостатков — тем более, когда дело касалось бюрократов, жуликов и растратчиков. «Гласность, гласность и еще раз гласность,— говорил Вознесенский и добавлял: — Мало наказать нерях, расхитителей народного добра, лентяев; надо еще позаботиться о том, чтобы число их сокращалось. Необходимо создавать такую общественную атмосферу вокруг проходимцев любого калибра, чтобы им невозможно было дышать».

Председатель ЦКК — нарком РКИ Я. Э. Рудзутак, а затем председатель Комиссии Советского Контроля В. В. Куйбышев очень ценили Вознесенского — как за практическую его работу в ЦКК — НК РКИ и Комиссии Советского Контроля, так и за его теоретические разработки проблем развития советской экономики. Не случайно XVII съезд ВКП(б) (26 января — 10 февраля 1934 года) избрал Н. А. Вознесенского членом Комиссии Советского Контроля при Совнаркоме СССР; не случайно А. А. Жданов, возглавивший ленинградскую партийную организацию после злодейского убийства С. М. Кирова, попросил Центральный Комитет партии в начале 1935 года направить Вознесенского в Ленинград для руководства городской плановой комиссией.

Просьба Жданова была удовлетворена.

Волошин рассказывает, что его отец, наслышавшись от сына о Вознесенском, очень хотел «поглядеть» на него и, узнав о намечавшихся на квартире работника Комиссии Советского Контроля Силина проводах Вознесенского, категорически заявил, что тоже пойдет — другого случая «поглядеть» на заинтересовавшего его человека уж не будет...

И пошел. Правда, весь вечер помалкивал, сидя за столом.

Вечер шел как обычно — немного споров, немного вина и много песен.

Все знали, что Вознесенский, превыше всего ставя ясность и чистоту мышления, не терпел алкоголя. Но в этот раз, прощаясь с товарищами и коллегами, он не посмел отказаться — выпил вместе со всеми.

Как истинно русский человек, Вознесенский самозабвенно любил песню.

Когда за столом разгорался очередной спор, Николай Алексеевич лукаво подмигивал Силину:

— А ну, Миша! — И запевал:

Глухой, неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной...

Силин с улыбкой подтягивал. А через секунду и спорщики, затихнув, подхватывали песню. Пели серьезно и отрешенно — так, как умеют петь только русские... Закончив песню, задумчиво молчали, не сразу начиная разговор.

И когда возникал новый застольный спор, Вознесенский прерывал его новой песней...

Склонившись к отцу, Волошин тихо спросил:

— Ну как?

Тот понял вопрос и коротко бросил:

— Ладный парень.— И спустя минуту убежденно добавил: — Далеко пойдет!

За столом между тем зашла речь о новом назначении Вознесенского. Кто-то спросил:

— А повышение это или понижение?

Мнения разделились.

Конец спору положил опять Вознесенский. Но уже не песней.

— Для коммуниста нет такого понятия, как повышение или понижение в должности,— сказал он.— Принадлежность к партии выше должностей. А она — как жизнь: или она есть, или ее нет.

Вводи улучшения без похвальбы и без поношения предшественников и прежних порядков; но возьми себе за правило не только следовать достойным примерам, а и самому создавать их.

Ф. Бэкон

Рефлекс инициативы

Было раннее весеннее утро 1935 года.

Город еще спал, когда скорый поезд Москва — Ленинград остановился и первые пассажиры вышли из вагонов на сверкающий от утренней росы перрон. Среди них был и Вознесенский. Он приехал один — жена с дочерью должны были прибыть позже, когда он устроится с квартирой.

Никто не встречал его...

Уже несколько лет здесь, в Ленинграде, жили брат Александр с семьей и мать — Любовь Георгиевна, но Вознесенский не сообщил им о своем приезде, решив нагрянуть неожиданно, сделать сюрприз. Не сообщил он день и время приезда и в Ленгорплан: служебные встречи с непременной подачей автомобиля и с цветами были ему уж совсем не по душе...

На привокзальной площади весело тренькали трамваи.

Первые пассажиры занимали места в вагонах с раскрытыми настежь окнами.

Город просыпался...

Вознесенский решил прогуляться по Невскому, освещенному косыми утренними лучами солнца.

Вот Аничков мост.

Николай Алексеевич остановился, чтобы полюбоваться знаменитыми творениями Клодта: вздыбились залитые солнцем мощные кони, едва сдерживаемые четырьмя атлетами...

Прошел до Казанского собора.

Остановился у бронзового памятника Кутузову. Простер руку над площадью фельдмаршал русской армии... Вот так же, наверно, и тогда, 7 сентября 1812 года... Тысячи притихших солдат услышали слабый голос старого фельдмаршала: «Сыны Отечества любимого! Пробил наш час. За Родину, за матушку Москву!» И пошли русские чудо-богатыри на смертный и бессмертный Бородинский бой...

Подлинное волнение ощутил он, выйдя на Дворцовую площадь, к Зимнему... Непроизвольным движением снял кепку. Через эту площадь шли по сигналу, данному с «Авроры», на приступ кронштадтцы, красногвардейцы, солдаты...

«Промедление в восстании смерти подобно».

Великий русский, родившийся на берегах Волги, с гениальной точностью предрек срок события, потрясшего мир, давшего жизнь новой эпохе в развитии человечества...

Задумавшись, пошел дальше и, повернув голову, неожиданно увидел Медного всадника.

Подошел к подножию памятника.

Петр! Единственный из русских царей, заслуживший уважение потомства... Великий реформатор, строитель, солдат... Невольно в памяти возникли пушкинские строки:

Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?..

А опустил копыта конь там же, где и поднял их: на земле, пусть сдвинутой с мертвой точки непроходимой

косности, но все на той же, задавленной крепостничеством Руси...

Не город, а живая история...

Город трех революций...

— Боже мой, Коленька!

Любовь Георгиевна замерла на мгновение, увидев на пороге сына, потом бросилась к нему, обняла и от неожиданности разрыдалась.

А спустя минуту уже суетилась, накрывая на стол.

— Да что ты, мама,— убеждал ее Николай Алексеевич,— не голоден я совсем! Я шесть пирожков съел...

...И с отменным аппетитом налег на шипящую, брызжущую салом яичницу.

Любовь Георгиевна, сидя напротив, жадно разглядывала его, замечая в нем едва уловимые изменения, доступные лишь материнскому взгляду.

— А Саша где? — спросил Николай Алексеевич.

— Да ведь прямо перед тобой ушел, в университет поехал. И как вы не встретились...

— А я по городу бродил... Увлекся...

— Может, еще яишенки?

— Нет-нет, мама, спасибо. Теперь чайку бы покрепче... Ты ведь умеешь заваривать! — И когда Любовь Георгиевна вернулась из кухни с большим эмалированным чайником, заговорил снова: — Знаешь, мама, шел я к вам и вспомнил Чернь...

— Я тоже вспоминаю часто...— И тихо добавила: — Отца вспоминаю...

Оба замолчали, понимая, что думают об одном и том же: вот радовался бы, гордился отец, будь он жив... В самых смелых мечтах не смел бы пожелать Алексей Дмитриевич своим детям такой судьбы: младшая из детей, Валентина, уже доцент, кандидат экономических

наук; идущий вслед за ней по возрасту Николай — известный ученый-экономист, занимает ответственные служебные должности; старшая сестра Мария — руководящий партийный работник; и, наконец, самый старший, Александр,— преподаватель вуза, заведующий кафедрой политической экономии...

— Ты знаешь,— заговорила наконец Любовь Георгиевна,— иной раз проснусь ночью и думаю: не привиделось ли во сне все это, не сплю ли?.. Саша объяснял мне, что все это партия сделала.

— Правильно объяснил,— сказал Николай Алексеевич и поднялся.— Молодец профессор! Ну, мне пора...

— Уже? — горестно всплеснула руками Любовь Георгиевна, но удерживать не стала, зная: бесполезно; только сказала просительным тоном: — Я тебя провожу... Хорошо, Коля?

...Они шли по улице и не замечали, как иные из прохожих провожают их хорошими, добрыми взглядами. Николай Алексеевич, крепкий, кряжистый, вел, бережно поддерживая под руку, совсем поседевшую и худенькую мать. Она легко прижималась к нему и, не отрываясь, глядела ему в лицо. Встречаясь взглядами, они улыбались друг другу.

Какое-то время шли молча. Потом Любовь Георгиевна заговорила:

— Вот иду и вспоминаю... Помнишь, как мы с тобой с комсомольского собрания шли? Вот так же...

Николай Алексеевич припомнил не сразу, а вспомнив — рассмеялся.

— И смешной же я был тогда, наверно! Как птенец после дождя: сердит, взъерошен, а вот клюнуть кого — толком не знает...

Любовь Георгиевна тихо засмеялась нарисованной картинке, потом стала серьезной, сказала:

— Нет, неправда. Птенцом ты никогда не был.— И, помолчав, продолжила: — Знаешь, Коля, странно это, ты ведь у нас не старший из детей, а вот когда я думаю о вас всех, то прикидываю, как на старшего, на тебя...

Андрей Александрович Жданов принял Вознесенского сразу же.

Прежде всего поинтересовался, как обстоят дела с квартирой.

— Ничего, устроится,— ответил Вознесенский.

Внимательно посмотрев на него, Жданов попросил секретаря связать его с председателем Ленгорсовета.

— Товарищ Кодацкий у телефона,— спустя минуту сообщил секретарь.

Жданов взял трубку, поздоровался, затем спросил:

— Скажите, квартира новому председателю городской плановой комиссии выделена? Как где? Вот он, здесь у меня. Да, да, приехал... Не подумать нужно, а выделить. И хорошую.

Положив трубку, Жданов сказал:

— Устраиваться надо как следует, обстоятельно.

После этого Андрей Александрович подробно познакомил Вознесенского с очередными задачами и проблемами развития города. В заключение сказал:

— Знаю, уверен, работать с огоньком — с партийным, ленинским огоньком — вы умеете!

Вознесенский улыбнулся.

— Огня, Андрей Александрович, хватит. Была бы пища для него...

— Ну, насчет «пищи» можете не беспокоиться. Подбросим. Успевайте только переваривать.

На этом расстались.

Придя в Ленгорплан, Вознесенский поинтересовался у первого встреченного сотрудника, где кабинет председателя. Тот указал.

В приемной его встретила крашеная блондинка средних лет — секретарь.

В тот момент, когда он появился, она была занята важным делом — на столе были разложены предметы косметики, к телефонному аппарату прислонено квадратное зеркальце.

— Вам кого? — недовольно поинтересовалась блондинка и раздраженно бросила: — Председателя нет и не будет!

— Почему же не будет? — сказал Вознесенский.— Будет. Я и есть председатель.

Блондинка вскочила, засуетилась.

— Ох, извините, пожалуйста! — На лице ее появилось угодливое выражение; отработанным движением упрятав в ящик стола тюбики с кремами и пастами, разыскала бумажку, заглянула в нее.— Николай Алексеевич! А мы вас ждем не дождемся!.. Прошу вас!..

Растянув губы в улыбке и показав вставной золотой зуб, она распахнула перед ним дверь кабинета.

Вознесенский прошел к столу, сел, положил на стол крепкие, сильные ладони, огляделся.

Блондинка стояла в дверях все с той же застывшей, непонятно что выражающей улыбкой. Усмехнувшись, Николай Алексеевич сказал:

— А вы идите, идите. Продолжайте...

В приготовленном для него блоке-еженедельнике сделал первую запись: «Секретарь. Подобострастие + грубость. Сменить немедленно».

Поднялся, прошелся по кабинету.

Подошел к огромной пальме, стоявшей в кадке и занимавшей четверть кабинета. Провел пальцем по ли-

сту,— на листе, покрытом ровным слоем пыли, остался четкий след.

Вышел из кабинета в приемную.

Секретарша сидела прямо, словно привязанная к невидимому столбу, но при его появлении вскочила и, растянув губы, показала золотой зуб.

— Пригласите, пожалуйста, ко мне начальников секторов,— сказал Вознесенский и, повернувшись к двери, увидел пальму.— Да... и попросите завхоза убрать из кабинета пальму. И куда-нибудь подальше. В ботанический сад, например.

Лицо у секретарши недоуменно вытянулось. Эта пальма представлялась ей, наверно, необычайно ценным украшением...

Знакомясь с начальниками секторов, Вознесенский цепким взглядом окидывал их и запоминал фамилии — раз и навсегда: Моляков, Ярошевич, Клочков, Биглер... После короткой ознакомительной беседы Николай Алексеевич запросил у них данные о ходе строительства школ, детсадов, яслей, больниц, жилых домов, столовых, трамвайных линий...

Мнения сотрудников Ленгорплана о новом председателе разделились.

— Молод, не потянет,— говорили одни.

— Зато ученый,— парировали другие.— Да и перед этим должность занимал не простую...

— Поживем — увидим,— заключили третьи.

На третий день Вознесенский появился в Ленгорплане к четырем — времени назначенного им совещания.

Новый секретарь — подтянутая, строгая женщина с тронутыми сединой волосами — сказала:

— Два раза звонили из обкома. Жданов.

Связавшись с обкомом партии, Николай Алексеевич услышал голос Жданова:

— Вы совершенно неуловимы, товарищ председатель...

— Знакомлюсь с городским хозяйством, Андрей Александрович.

— Ну и как? Есть предложения?

— Будут. Обязательно будут.

— Это хорошо...— И, помолчав, Жданов сказал: — А на вас тут письменная жалоба появилась...

— Жалоба? — удивился Вознесенский.— От кого?

— От Бжеской Эльмиры Яновны.

— Как-как? — Вознесенский помолчал, припоминая.— Не знаю такой...

— Ну как же... Ваш секретарь, с которым вы столь быстро расстались... Быстро и решительно.

— А-а,— протянул Вознесенский.— Любопытно, на что она жалуется...

— Много тут она о вас настрочила — три страницы убористым почерком. Но, если обобщить,— вы деспот, тиран и самодур...

— Ну что ж...— улыбнулся Вознесенский, чувствуя, что и Жданов на другом конце провода улыбается.— Все в порядке.

— То есть, как это — в порядке? — удивился Жданов.

— Иного от Эльмиры Яновны и ожидать нельзя было...

Жданов помолчал, потом сказал:

— Искал я вас не с тем, чтобы познакомить с эпистолярными упражнениями Эльмиры Яновны... Хотел поинтересоваться: как у вас с квартирой?

— Все в порядке, Андрей Александрович.

— Действительно в порядке? — Жданов сделал упор на первом слове.

— Действительно в порядке,— улыбнулся Вознесенский.— Уже вызвал семью.

— Других вопросов пока нет,— заключил разговор Жданов.— Желаю успехов.— По интонации чувствовалось, что он вновь улыбнулся.— Когда на вас поступит действительно серьезная жалоба, буду считать, что дело сдвинулось...

С улыбкой положив трубку, Вознесенский оглядел собравшихся в кабинете сотрудников.

Первое деловое совещание руководства Ленгорплана...

Первое — для нового председателя.

Сотрудники усаживались за стол совещаний привычно. Чувствовалось, что у каждого из них есть за этим столом свое, давно облюбованное место.

— Все собрались? — спросил Вознесенский.

Моляков, его заместитель, окинув взглядом сидящих за столом, ответил:

— Все.

— Тогда начнем.— Помолчав, Вознесенский продолжил: — И начнем с такого вопроса: для чего создана городская плановая комиссия?

В наступившей тишине сотрудники недоуменно переглядывались... Затем кто-то неуверенно сказал:

— Ну как — для чего?.. Планировать городское хозяйство.

— Верно,— сказал Вознесенский.— А дальше? Или это все?

Все молчали, по-прежнему недоумевая. Подобных вопросов никто из них от председателя не ожидал. Мало того, вопросы эти показались пустыми, элементарными, не требующими ответа...

После долгой паузы Вознесенский вновь заговорил.

— Нам вместе тянуть воз,— сказал он.— Сообща. Поэтому сразу хочу определить наши общие позиции по отношению к порученному нам делу. Выскажу свое мнение. С моей точки зрения, составление плана — лишь на-

чало нашей работы. Практика показала, что жизнь заставляет корректировать любой, самый совершенный план.

— Но есть же и другие организации,— заметил один из сотрудников,— на обязанности которых лежит...

— Зачем вспоминать об обязанностях других организаций? — прервал Вознесенский.— Будем помнить о своих. И, как мне представляется, ответственность за план городского хозяйства, за его выполнение касается нас не косвенным образом, а совершенно прямым. И корректировкой плана путем изучения конкретных условий его выполнения на местах обязаны заниматься тоже мы, а не кто иной...

Он сделал паузу.

— Прежде мы этим не занимались,— сказал кто-то.

— Давайте договоримся,— заметил Вознесенский,— не станем вспоминать, чего вы не делали. Будем думать о том, что нам нужно делать.

Наступила долгая тишина.

Наконец кто-то спросил:

— А что нужно делать?..

Вознесенский улыбнулся: ему ярко вспомнилась сцена, когда он, юноша, задал почти такой же вопрос Антонову. И вспомнился ответ Антонова...

И он сказал:

— Академик Павлов утверждает, что самым главным и ценным рефлексом человека является рефлекс инициативы, которому подчинены все остальные. А Павлов — это авторитет,— с улыбкой добавил он и заключил: — Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Тогда жду ваших предложений,— закончил это короткое совещание Вознесенский.

На следующий день в тот момент, когда заместитель Вознесенского Моляков беседовал с экономистом городского отдела торговли, Николай Алексеевич зашел к нему и спросил:

— Скажите, Николай Николаевич, какие в этом месяце цены на колхозном рынке — ниже или выше, чем в прошлом?

— Не знаю...

— Как же вы мыслите всерьез заниматься планированием товарооборота, не зная таких вещей?..

В последующие дни трудно было застать руководящих работников Ленгорплана на своих обычных рабочих местах: по предложению Вознесенского они практически знакомились с хозяйством города — каждый в своей отрасли.

Продолжал изучать город и сам председатель.

Увидеть в кабинете его можно было далеко не всегда: Вознесенский ежедневно бывал там, где план претворялся в жизнь,— в цехах, на предприятиях бытового обслуживания, на стройках...

Нередко утром в приемной плановой комиссии раздавался телефонный звонок. Вознесенский сообщал:

— Я на строительстве школы на Петроградской стороне, приеду позже.

Или:

— Выясняю на месте, почему Кировский универмаг не выполняет план товарооборота. Немного задержусь.

Многие из сотрудников Ленгорплана, проработавшие в этой организации уже по нескольку лет, впервые по-настоящему окунулись в хозяйственную жизнь города, ощутили ее не через колонки цифр и скупые строки документов, а непосредственно, зримо, во всех ее тонкостях, во всем ее сложном многообразии...

Пришел момент, и на Вознесенского поступила «действительно серьезная» жалоба.

Пригласив к себе Вознесенского, Жданов прежде всего поздравил его: незадолго перед тем Николаю Алексеевичу была присвоена степень доктора экономических наук — без защиты диссертации, за его научные труды по вопросам политэкономии социализма.

После этого, помолчав, Жданов сказал:

— Жалуется ваше непосредственное руководство на вас.

— Кто именно? — спросил Вознесенский.

— Наш глава города...

— Кодацкий? — искренне удивился Вознесенский.— Я вчера был у него, мы долго разговаривали, и он ни словом не обмолвился о каких-либо претензиях к Горплану...

— А у меня он был сегодня,— сказал Жданов.— Правда, не специально по этому вопросу, однако же... В чем дело, Николай Алексеевич? Горсовет проявил инициативу снять трамвайную линию, которая, скажем прямо, не украшает Невский проспект, а ваши люди вмешались в это дело и...

Жданов умолк, глядя на Вознесенского.

— Что же дальше? — спросил тот.

— Подробности я как раз и хотел узнать от вас.

— Во-первых, Андрей Александрович, об инициативе,— начал Вознесенский.— Не всякая инициатива идет на пользу... И, на мой взгляд, инициатива, проявленная начальником сектора транспорта и связи Горплана Биглером, куда ценнее той, что выдвинул неведомый пока мне сотрудник горсовета. Биглер взглянул на этот вопрос с хозяйственной точки зрения...

— Ну-ну,— с живым интересом сказал Жданов,— продолжайте.

— Я полностью согласен с тем,— сказал Вознесен-

ский,— что убрать непрезентабельные трамваи с Невского и, сняв линию, расширить проспект — дело совсем неплохое. Если, правда, смотреть на него только с точки зрения заботы о красоте города... Но — взгляните, Андрей Александрович...— И Вознесенский подошел к висевшей на стене карте-схеме Ленинграда.— Совершенно очевидно, что ликвидировав эти трамвайные пути, мы тем самым нарушим транспортные связи между рабочими окраинами, пролегшие сегодня через центральную магистраль...

— Так,— протянул Жданов, вглядываясь в карту; потом спросил: — И никакого выхода из этого положения нет?

— Выход есть,— ответил Вознесенский.— Нужно проложить обходные трамвайные пути или пустить через Невский автобусы.

— Так в чем же дело?

— В средствах. Ни на строительство обходных трамвайных путей, ни на приобретение автобусов средств у горсовета нет.

— А на какие же средства,— спросил Жданов,— они собираются производить работы по ликвидации существующей трамвайной линии?

Вознесенский улыбнулся.

— Это для меня остается пока загадкой...

Жданов отошел от карты и, помолчав, задал новый вопрос:

— Значит, вы считаете, насколько я понял, предложение горсовета неплохим, но преждевременным?

— Именно так.

— И у вас есть конкретные данные по этому вопросу?

— Завтра же я представлю горкому партии докладную записку с необходимыми выкладками — она в работе.

— Ну что же... хорошо,— помолчав, сказал Жданов.— Тогда до завтра...

На следующее утро Вознесенский принес в Смольный докладную записку. Ознакомившись с ней, Жданов решил не выносить этот вопрос на заседание бюро горкома: он был частным и, кроме того,— предельно ясен. А председатель Ленгорсовета Кодацкий получил указание не принимать впредь никаких хозяйственных решений без согласования с Ленгорпланом.

Отдавая много сил практической работе, Вознесенский оставался и ученым-теоретиком. Он находил время и на то и на другое. Приведем отрывок из одной работы, в которой Вознесенский творчески развивает ленинские идеи о прогрессивной преобразующей роли электрификации не только для промышленного производства, но и для людей — специалистов, занятых в сфере индустрии. Думается, что этот отрывок из статьи, написанной более тридцати лет назад, вызовет у читателя несомненный интерес своим современным и злободневным звучанием.

«Полностью электрифицированное и индустриализированное производство,— писал Вознесенский,— потребует для своего управления труда исключительно высокой квалификации, инженерно-технического труда. В материальном производстве произойдет целая революция, которая осуществит такую степень реконструкции, когда отпадет сама потребность в неквалифицированном труде. Электрифицированное и автоматизированное производство потребует людей новой, более высокой культуры и всестороннего политехнического образования. Подъем культурно-технического уровня работников до уровня инженерно-технического труда уничтожит различие между трудом квалифицированным

и неквалифицированным на базе всеобщего повышения трудовой квалификации.

Общность различных отраслей материального производства, создаваемая их всесторонней электрификацией, а также высокий культурно-технический уровень создадут возможность для каждого работника выбирать интересующую его сферу трудовой деятельности. Будет окончательно уничтожено пожизненное прикрепление работника к своей профессии».

Однажды в Ленгорплан пришло письмо из Москвы, в котором запрашивалось: на каком основании местная городская организация вмешивается в дела высшего учебного заведения, находящегося в союзном подчинении?

А началось все — с кроватей...

...Николай Алексеевич нередко наведывался в городские магазины посмотреть, как практически выполняется план товарооборота. Не менее интересовал его и вопрос, обеспечивается ли население города товарами в нужном ассортименте и каково их качество.

Как-то раз он был в Ленинградском доме кооперации — огромном универсальном магазине, которому мог позавидовать известный ГУМ в Москве. Зайдя в мебельный отдел, Вознесенский обратил внимание на очередь и поинтересовался, за чем стоят. Оказалось, за кроватями.

Вознесенский решил посмотреть кровати, пользовавшиеся таким спросом.

Это были обыкновенные железные кровати, но выглядели они привлекательно из-за приятных цветов, в которые были окрашены спинки. Верх спинок был никелированным.

Заметив и узнав Вознесенского, к нему подошел заведующий отделом.

— Кто выпускает эти кровати? — спросил Вознесенский.

— Промартель «Пролетарий», — ответил заведующий. — Хорошие кровати. Распродаются мгновенно...

— А на это вы обратили внимание?

И Вознесенский указал на едва заметные вздутия никелевого покрытия на некоторых из спинок кроватей. Поддев ногтем одно из таких вздутий, Николай Алексеевич легко снял слой никеля. Под ним была железная труба. Из опыта работы в Донбассе Вознесенский знал, что никель хорошо оседает на латунь, медь и плохо — на железо...

На следующий день, захватив с собой специалиста по металлическим изделиям, Вознесенский поехал на Лиговку, в артель «Пролетарий».

Знакомство с производством показало, что кровати изготовляются полукустарным способом: верхняя часть спинок кроватей загибалась на простейшем гибочном станке, шарики к кроватям не штамповались, а точились на обычных револьверных станках, при окраске применяли способ окунания деталей в ванну, а не пульверизацию...

— Почему вы перед никелировкой не подвергаете трубы омеднению? — спросил Вознесенский у начальника кроватного цеха Ф. И. Щипкова.

— Нет оборудования, — ответил тот.

В результате осмотра производства Николай Алексеевич порекомендовал председателю артели И. М. Тепеницкому в корне пересмотреть технологию. В частности, он посоветовал механизировать гибку труб и сборку кроватей, ввести омеднение труб, внедрить штамповку шариков и применять при окраске кроватей метод пульверизации.

— Необходимую помощь «Ленметаллопромсоюз» вам окажет, об этом мы позаботимся.

Уже покидая цех, Вознесенский заметил группу молодежи, собравшуюся около пожилого, одетого в аккуратную спецовку мастера. Рассказывая что-то молодым людям, мастер выразительно и несколько странно жестикулировал.

— Что здесь происходит? — спросил Вознесенский.

Ему объяснили, что это группа студентов-практикантов Института кустарно-промысловой кооперации слушает лекцию мастера о принципах работы фрезерного станка.

Вознесенский невольно улыбнулся.

— На пальцах объясняет? — сказал он. — А не лучше ли — непосредственно у станка?

— А у нас нет фрезерного станка, — сказал Тепеницкий.

— Какой же тогда смысл в такой лекции? — удивился Вознесенский и поинтересовался: — Кстати, что это за Институт кустарно-промысловой кооперации? Кого он готовит?

Тепеницкий пожал плечами:

— К сожалению, не знаю.

В тот же день Вознесенский навел необходимые справки. Выяснилось, что институт прямого отношения к Ленгорплану не имеет, денег из городского бюджета не получает, а финансируется за счет республиканского или союзного бюджета. Но институт находился на территории города, и это давало Вознесенскому формальное право поинтересоваться, чем занимается это учебное заведение, каких оно готовит специалистов (слишком ярко стояла у него перед глазами странная «лекция» в кроватном цехе). И Вознесенский поручил одному из сотрудников заняться этим делом.

Через некоторое время этот сотрудник рассказал Вознесенскому странные вещи...

Институт кустарно-промысловой кооперации появился в Ленинграде в 1931 году, перебазировавшись из Москвы, и, с легкой руки работников Ленгорсовета, довольно-таки прочно обосновался в обширном помещении бывшего художественно-промышленного училища Штиглица. Правда, к этому времени официально он уже не назывался институтом... Произошло это потому, что еще в ноябре 1930 года в газете «Кооперативная жизнь» была помещена статья под выразительным заголовком: «Вывеска есть, а дело провалено». Реакция на эту статью была оригинальной: учебное заведение исчезло из Москвы (обосновавшись, как известно, в Ленинграде) и, оставив постановку дела на прежнем уровне, сменило... вывеску. Теперь оно называлось Всесоюзным учебным комбинатом промкооперации. Под этой вывеской вместе с техникумом и рабфаком скрылся и карликовый институт, готовивший инженеров-технологов и инженеров-экономистов по металлообработке, производству стройматериалов, лесохимии, деревообработке и строительству.

Как же осуществлялась подготовка специалистов с высшим образованием по этим далеко не простым профессиям? Производственной базы у комбината не было никакой. Лаборатория — одна, с несколькими никуда негодными токарными станками...

Ряд студентов попали в институт, не имея среднего образования. Зато стипендии у студентов были повышенные. Кроме того, находясь на производственной практике в промысловых артелях (свидетелем одного из таких «практических занятий» и стал Вознесенский), студенты получали дополнительную к стипендии зарплату. Это позволяло им вполне обеспеченно жить с семьями...

И последнее. Во главе комбината стоял человек, вообще не имевший высшего образования.

— Все? — спросил Вознесенский.

— Куда уж больше? — удивился специалист.

— Верно... — Глаза у Вознесенского сузились от гнева. — Все это весьма смахивает на кустарную лавочку худшего пошиба!

Поднявшись, Вознесенский стал ходить по кабинету из угла в угол.

— Техники промкооперации безусловно нужны, — заговорил он. — Но разве по перечисленным специальностям? Металлообработка, лесохимия... А между тем промкооперация призвана развивать производство товаров широкого потребления, обслуживать бытовые нужды населения! Вполне возможно, что нужны промкооперации и инженеры... Но почему их не готовить в существующих вузах с квалифицированно поставленной системой и методикой обучения?

Присутствовавший в кабинете специалист молчал.

Вернувшись за стол, Вознесенский жестко сказал:

— Вот что. Готовьте докладную записку на имя Жданова. Он прекрасно во всем разберется и сумеет найти возможность в корне пресечь подобные делишки, идущие в ущерб государству!

...Через некоторое время Институт кустарно-промысловой кооперации, а заодно и рабфак, перестали существовать. Техникум был выделен в самостоятельное учебное заведение с соответствующей вывеской, соответствующей организацией обучения и соответствующей задачам промкооперации специализацией готовящихся кадров.

Выходные дни семья Вознесенских обычно проводила в однодневном доме отдыха в Петергофе. Летом Ни-

колай Алексеевич с наслаждением купался в чистых водах Финского залива, зимой — с неменьшим удовольствием и увлечением ходил на лыжах. Вместе с Вознесенскими нередко выезжал в дом отдыха и Моляков — заместитель Николая Алексеевича. Правда, с условием, поставленным Марией Андреевной, на служебные темы в этот день не разговаривать. И условие это свято соблюдалось.

Настоящие зимние дни в Ленинграде — редкость... И счастье, если такой день приходился на выходной.

После многокилометровой лыжной прогулки Николай Алексеевич любил отдохнуть в кресле за чашкой крепкого чая. До чая — свежего, хорошо заваренного — Вознесенский был большой охотник. О свойствах различных сортов чая и о способах его заваривать он мог, при желании, прочесть целую лекцию...

— Саша, хватит спать!

Как-то раз вместе с семьей брата в Петергоф выехал и Александр Алексеевич.

— Очнитесь, профессор!

Непривычный к дальним лыжным походам, Александр Алексеевич в ожидании чая задремал в кресле.

Здесь же был и Моляков.

— Николай Николаевич, — обратился к нему Николай Алексеевич, — толкните профессора.

— Я все слышу, — пробормотал старший брат, не открывая глаз. — Я весь внимание...

— Есть, Сашенька, гениальная идея...

— Твоя?

— Нет, но это не имеет значения. Немецкий инженер Герман Зергель разработал проект использования течений в Гибралтарском проливе. Плотина длиной в 29 километров создаст гигантский перепад воды из Атлантического океана, способный вращать турбины элек-

тростанции мощностью в 160 миллионов лошадиных сил... Сказочный источник энергии!

— Вот именно — сказочный, — отозвался старший брат.— В условиях капитализма это чистейшая сказка.

— Вот-вот! — обрадовался младший. — Именно на такую реакцию я и рассчитывал. А теперь — вопрос... Разрешите, товарищ профессор?

Моляков с улыбкой наблюдал за братьями.

— Разрешаю, — буркнул Александр Алексеевич, все так же полулежа в кресле и не открывая глаз.

— Вопрос такой. Критикуя капиталистическую систему, мы часто говорим, что в условиях капитализма производственные отношения не дают простора для развития производительных сил. Формулировка верная. Но понятна ли она тем, к кому часто обращена — рабочим, колхозникам, людям, не искушенным в тонкостях политэкономии?

— Пожалуй, не очень, — не сразу ответил старший брат. — А дальше что?

— Дальше я предлагаю объединить развлечение с полезным делом,— сказал Николай Алексеевич. — Предлагаю вам игру. У нас есть идея инженера Зергеля, идея гениальная, о сути которой знаем мы все: я, Саша и Моляков... Так? Теперь распределим роли. Я буду простым советским человеком, совершенно не искушенным в политэкономии. Николай Николаевич будет нашим, советским экономистом, а Саша — буржуазным. Предлагаю вам обсудить проект Зергеля, защищая каждый свою позицию, и так, чтобы мне, простому советскому человеку, простыми понятиями была в конце концов доказана правота одного из вас... Подходящее соревнование? Итак, начнем...

— Не согласен, — буркнул старший брат. — Буржуазным экономистом быть не согласен.

— Я тоже, — с улыбкой сказал Моляков.

— Пусть Николай будет буржуем, а я буду крестьянином, — с едва заметной улыбкой сказал старший брат.

— Нет, — откликнулся младший. — У меня не получится! Сорвусь...

— Вот видите! — обрадованно воскликнул Моляков.

— Скучные вы люди! — огорчился Николай Алексеевич, но не надолго: вошла Мария Андреевна с чашками дымящегося, ароматного чая на подносе.

— Ай да Маша! — одобрительно воскликнул Николай Алексеевич, беря чашку и вдыхая аромат напитка.— Вот это чай! Николай Николаевич, если профессор пригласит вас когда-нибудь на чай, не соглашайтесь. Если б вы видели, как он его заваривает... Дикость!

— Очень просто, — откликнулся Александр Алексеевич. — Сыплю чай в чайник и наливаю воду.

— Вот-вот! — шутливо ужаснулся младший брат. — Вы только послушайте: сыплю и наливаю воду... Ужас! Полное отсутствие элементарных понятий! Ваше счастье, профессор, что вы не допускаете подобных ляпсусов в политэкономии, не то читать бы ее вам не в университете, а в доме для престарелых умалишенных.

— Почему престарелых? — удивился старший брат и наконец-то открыл глаза.

Николай Алексеевич весело рассмеялся.

— Молодые, полные сил, тебя бы крепко и долго били!..

В Горплане были напряженные дни: подводились итоги за 1936 год, разрабатывался хозяйственный план Ленинграда на будущий, 1937-й. В процессе этой работы изучалась каждая цифра, каждый факт. Представители предприятий, управлений и отделов Ленгорсовета ежедневно бывали в городской плановой комиссии, вы-

двигая встречные предложения к плану 1937-го, последнего года второй пятилетки. Требовалось взвесить все, чтобы обеспечить выполнение программы второго пятилетнего плана.

В феврале 1937 года состоялся пленум Ленинградского Совета. На нем с докладом о хозяйственном плане Ленинграда на текущий год выступил председатель городской плановой комиссии.

Сидя в зале, Моляков внимательно слушал Вознесенского, как вдруг, случайно повернув голову, увидел Биглера: тот стоял в боковой двери и жестами пытался привлечь его внимание.

Моляков кивнул, давая понять, что понял знаки Биглера.

Выбрав удобный момент, он вышел из зала.

Лицо у Биглера было встревоженным и огорченным.

— Вознесенского отзывают в Москву! — сразу выпалил он.

— Ну да... — не поверил Моляков. — Не может быть.

— Точно, — грустно сказал Биглер.

И Моляков знал, что сведения, исходящие от Биглера, всегда обладали одним ценнейшим качеством — полнейшей достоверностью...

Помолчали. Потом Моляков уверенно заявил:

— Не будет этого. Жданов его не отпустит!..

...Но Жданов отпустил Вознесенского.

Решением Центрального Комитета партии Вознесенский был переведен в конце 1937 года на руководящую работу в Москву...

Проверяй всю свою работу, дабы слова не остались словами, *практическими* успехами хозяйственного строительства.

В. И. Ленин

Председатель Госплана

Еще на заре Советской власти Ленин выдвинул программу создания материально-производственной базы социализма на основе электрификации страны.

В известном «Наброске плана научно-технических работ», написанном весной 1918 года, Ленин обратил особое внимание на электрификацию отраслей народного хозяйства страны. В начале февраля 1920 года, когда еще шла гражданская война, в труднейших условиях хозяйственной разрухи по инициативе Владимира Ильича вопрос об электрификации рассматривался на сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. А 21 февраля 1920 года для составления перспективного народнохозяйственного плана была образована Государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО), которая явилась предтечей Государственной общеплановой комиссии, образованной в феврале 1921 года.

Госплан СССР...

В конце 1937 года Вознесенский, едва приступив к обязанностям заместителя председателя Госплана, получил указание правительства возглавить этот государственный орган.

Партия и правительство возложили на Вознесенского руководство органом, который масштабно, многообразно

и непосредственно влиял на все сферы развития советской экономики.

Вспомним первые страницы этого повествования. После памятного для Вознесенского и некоторых специалистов Госплана первого доклада, сделанного вновь назначенным председателем Госплана на заседании Совнаркома СССР (Николай Алексеевич назвал впоследствии это событие днем его «первого союзного планового крещения»), Вознесенскому было о чем задуматься. Он отчетливо представлял всю необычайность и сложность работы «экономического штаба Центрального Комитета партии», как он называл Госплан. Нет, не просто руководство аппаратом специалистов и ответственность за эту работу видел Вознесенский в своей новой должности. Находясь на таком посту, нужно было, руководствуясь решениями партии и правительства, видеть пути развития советской экономики, находить способы и средства наиболее эффективного решения больших и малых проблем развития народного хозяйства огромной страны, проявляя при этом инициативу, гибкость и оперативность. Для этого Вознесенский считал необходимым привлечь к планированию народного хозяйства все наркоматы, ведомства, республиканские плановые комиссии, местные партийные и советские органы и, непременно, научные силы страны. Только в этом случае планирование могло быть реальным, научно обоснованным.

Но прежде всего — кадры самого Госплана...

Внимательно приглядевшись к специалистам Госплана и оценив каждого по достоинству (опытом для этого молодой председатель обладал уже вполне достаточным), Вознесенский пришел к выводу, что аппарат головной плановой организации страны нуждается в обновлении и дополнении.

Подбор кадров — дело не только сложное, но и тон-

кое... И в этом деле Вознесенскому необходим был опытный и надежный помощник. Долгое время он не мог остановиться на кандидатуре начальника отдела кадров. Наконец его выбор пал на В. В. Рябухина. Участник гражданской войны, бывший комдив, Рябухин был человеком высоких партийных и нравственных принципов, умел видеть, распознавать и ценить людей и, кроме всего прочего, имел академическое образование (вскоре после гражданской войны Рябухин с отличием окончил военную академию). Этот человек, чуждый формального подхода в оценке окружающих его людей, пришелся по душе Вознесенскому, и он добился перевода В. В. Рябухина на работу в аппарат Госплана.

Отныне все приказы о назначении на работу в Госплан новых сотрудников — начиная от рядового экономиста и кончая начальниками отделов — подписывались только председателем. Но дело было не только в этом факте, являющемся в известной степени формальным. Можно ведь подписывать приказы, не видя и не зная принимаемого на работу специалиста... Перед тем как подписать такой приказ, Вознесенский знакомился и беседовал с каждым из кандидатов на ту или иную должность.

Эти беседы происходили в присутствии Рябухина.

И вопросы, задаваемые председателем, были подчас весьма неожиданны. Вознесенского интересовали не только факты, изложенные в анкете, — с ними он знакомился перед беседой. Николай Алексеевич интересовался буквально всеми сторонами жизни будущего своего сотрудника, сферой его интересов. Прекрасно понимая, что трудно, а подчас и невозможно узнать человека в одну встречу, Вознесенский пытался все-таки составить себе наиболее полное представление об этом человеке и не жалел на это времени.

Беседа с вновь принимаемым на работу сотрудни-

ком тоже могла бы оказаться чисто формальным актом, если бы Вознесенский постоянно не держал в поле зрения каждого специалиста, какого бы ранга он ни был. Именно рядовых сотрудников Вознесенский называл творцами плана. Да и что это за понятие — рядовой? Любопытно, как определил его однажды Николай Алексеевич.

— Рядовой сотрудник, — сказал он, — это человек, шагающий с нами в одном ряду к единой цели.

Таким «рядовым» был профессор М. И. Боголепов, принятый Вознесенским в Госплан на работу в скромной должности старшего экономиста. Правда, Вознесенский позаботился о том, чтобы персональные оклады некоторых «рядовых» сотрудников были почти приравнены к окладам заместителей председателя Госплана...

Во главе отделов Госплана Вознесенский, с помощью Центрального Комитета партии, поставил специалистов столь высокой квалификации (часть их имела ученые звания и степени), что они могли, как говорится, «на равных» вести дела с руководителями наркоматов и ведомств, когда дело касалось разработки, обсуждения, анализа и принятия показателей народнохозяйственного плана. «Когда мне надо добиться решения какого-либо вопроса в Госплане СССР, я никогда не обращаюсь сразу к товарищу Вознесенскому, а иду сначала к специалисту соответствующего отдела...» Эти слова принадлежат бывшему наркому, а затем министру черной металлургии СССР И. Ф. Тевосяну [1].

...Прошло время, и Вознесенский с полным правом мог сказать, что Госплан СССР располагает инженерно-экономическими кадрами, способными работать над сложнейшими заданиями ЦК партии и Совнаркома, над перспективными проблемами развития народного хозяйства страны.

[1] *Ашот Арзуманян.* Тайна булата. Ереван, 1967, стр. 211.

С первых же шагов своей работы на посту председателя Госплана СССР Вознесенский четко определил главные задачи «экономического штаба Центрального Комитета партии»:

во-первых, перспективное планирование;

во-вторых, обеспечение пропорциональности развития народного хозяйства СССР;

в-третьих, систематическая проверка выполнения народнохозяйственного плана.

Анализируя итоги социалистического воспроизводства во второй пятилетке, Вознесенский писал: «В 1938 году развертываются величайшей важности стройки (например, Куйбышевский гидроэнергетический узел), рассчитанные на ряд лет и призванные преобразить хозяйственное лицо ряда областей страны. На основе строительства таких сооружений будут создаваться комплексные планы, рассчитанные на многие годы. Особое значение приобретает теперь разработка такого рода перспективных планов...»

В этом высказывании Вознесенский, собственно говоря, не делает никаких открытий: первая же пятилетка была перспективным планом развития народного хозяйства СССР. Но Вознесенский предлагает, оценив с хозяйственной и научной точки зрения потенциальные возможности строящихся или намечаемых к строительству крупных промышленных объектов, сделать эти оценки исходными точками комплексных перспективных планов... Это позиция не прожектера, а настоящего хозяина. Перспективные планы, основанные на реальных возможностях, позволяли реально заглянуть в будущее советской экономики, вооружали народ реальной программой борьбы за достижение новых успехов в строительстве социализма.

Не сделал Вознесенский открытия и тем, что одной из главных задач Госплана определил обеспечение пропорциональности развития народного хозяйства страны. Но Вознесенский не ограничился одним лишь определением... Проанализировав в первые же месяцы работы состояние советской экономики, он пришел к выводу, что в народном хозяйстве страны создались диспропорции. Главная из них — народнохозяйственная. Это диспропорция между большим ростом промышленности и недостаточным увеличением мощностей электрических станций. В итоге — нехватка электроэнергии в ряде районов страны.

К частным, отраслевым, он отнес диспропорции:

— между выпуском турбин и котлов, которыми комплектуются эти турбины;

— между потребностью и производством некоторых видов металлопроката;

— между ростом автомобильного парка и выпуском автомобильных шин;

— между ткацкими и прядильными мощностями в текстильной промышленности...

Таким образом, выделение Вознесенским этой задачи Госплана не было простым повторением известной истины... «Найти в плане правильные пропорции и соотношения между отраслями народного хозяйства, между производством и потреблением — насущная обязанность Госплана,— писал он.— Нельзя составить грамотно план развития народного хозяйства СССР, не начав с баланса народного хозяйства. Исходным пунктом является определение основных хозяйственно-политических задач предстоящего периода. Но раз это определено, надо начать составление плана с баланса. Это означает необходимость определить не только складывающиеся фактические отношения и пропорции, но и определить и необходимые нам, большевикам,

отношения и пропорции, чтобы выправить положение и направить развитие народного хозяйства в соответствии с хозяйственно-политическими задачами плана».

Третья задача — проверка выполнения плана.

До прихода в Госплан нового председателя проверкой выполнения народнохозяйственного плана эта организация почти не занималась... Считалось, что на то существуют другие, специальные ведомства.

Вознесенский решительно становится на качественно иную позицию. «В плановых органах еще крайне сильна бюрократическая короста, — пишет он. — Планирование народного хозяйства плановые работники сплошь и рядом превращают в бюрократическую игру в цифирь. Вместо проверки и активного воздействия на дело выполнения народнохозяйственного плана они занимаются механическим подсчетом цифр... Дело чести плановых работников... превратить органы социалистического планирования народного хозяйства в боевые штабы проверки выполнения народнохозяйственных планов».

В руки Вознесенского попало однажды письмо, поступившее в свое время из Совнаркома СССР, в котором Госплану поручалось представить в правительство заключение по вопросу размещения строительства ряда заводов. Письмо было адресовано председателю Госплана СССР.

Все письмо было испещрено резолюциями...

Первой была резолюция самого Вознесенского: в ней он давал указание заместителю — что и как надо сделать. Заместитель переадресовал письмо начальнику отдела. Начальник отдела — начальнику сектора. Начальник сектора, изложив поперек письма суть предыдущих резолюций, направил его старшему инженеру...

Вызвав к себе руководителя группы контроля, Вознесенский показал ему письмо, исчерканное резолюциями, и поручил проверить: случайное это явление или укоренившаяся практика работы?

Проверка показала — явление это отнюдь не случайное...

Вознесенский немедленно передает этот вопрос на обсуждение Государственной плановой комиссии. Обсуждение длилось долго, но решение комиссия вынесла короткое: «Запретить начальникам отделов и управлений Госплана СССР, и тем более начальникам секторов, давать поручения исполнителям через «резолюции», обязав их при даче заданий лично инструктировать исполнителей, а при проверке выполнения поручений требовать личного отчета».

Вознесенский органически не терпел волокиты, формального отношения к своим обязанностям. С этой точки зрения несомненный интерес представляет следующее решение Государственной плановой комиссии:

«Госплан СССР решительно осуждает имеющиеся еще факты волокиты в отделах и управлениях Госплана в деле выполнения поручений правительства, а также Госплана СССР и в разрешении вопросов, выдвигаемых перед Госпланом наркоматами и ведомствами.

Главными причинами имеющихся случаев волокиты в отделах и управлениях Госплана являются следующие дефекты в организации работы:

— отсутствие надлежащего инструктирования исполнителей при даче им заданий;

— отсутствие контроля со стороны начальников отделов и управлений за выполнением заданий в назначенный срок;

— недостаточное обсуждение прорабатываемых вопросов с наркоматами и специалистами;

— недостаточный контроль за выполнением поруче-

ний Правительства со стороны некоторых членов Госплана;

— отсутствие культурного делопроизводства в отделах и управлениях.

Государственная плановая комиссия ставит перед всеми сотрудниками задачу сделать Госплан образцовым советским государственным учреждением и обязывает членов Госплана СССР и начальников отделов и управлений ликвидировать указанные выше недостатки в работе, добиться того, чтобы все вопросы, поставленные перед Госпланом СССР, решались быстро и по существу».

Через несколько месяцев после вступления в новую должность Вознесенский столкнулся с рядовым, как могло бы показаться на первый взгляд, событием, живо, однако же, напомнившим ему злополучную историю с ленинградским Институтом кустарно-промысловой кооперации и «лекцию» мастера, на пальцах поясняющего принцип работы фрезерного станка... В начале 1938 года союзный орган промкооперации (Всекопромсовет) обратился в Госплан СССР с просьбой разрешить ему строительство на Урале «своей», как они писали, доменной печи за счет собственных накоплений. Просьба эта не выходила за рамки обычных просьб, поступающих от разных организаций в Госплан. Не выходила, если взглянуть на нее поверхностно. Отдел промкооперации, имевшийся в Госплане, не разобравшись в существе вопроса, поддержал просьбу Всекопромсовета...

Согласно порядку, установленному Вознесенским, все вопросы, связанные с планом строительства новых предприятий, цехов и крупных производственных агрегатов, рассматривались им лично. Строящихся объектов было много, и Николай Алексеевич очень часто (осо-

бенно в начальный период руководства Госпланом) до глубокой ночи просиживал со специалистами и своими ближайшими помощниками, внимательно изучая титульные списки капитального строительства, прежде чем представить их на утверждение правительства.

Установленный новым председателем столь строгий порядок рассмотрения титульных списков вызвал поначалу у сотрудников Госплана ряд вопросов: разве в Госплане не хватает специалистов? или председатель не доверяет им?

Ответ на эти вопросы дал сам председатель.

На одном из совещаний Вознесенский пояснил, что плану капитального строительства следует придавать исключительное значение. И вот почему. Во-первых, план капитального строительства является ведущей частью всего народнохозяйственного плана. И, во-вторых, в нем пересекаются многие балансовые связи и пропорции, не изучив которые и не учтя их, невозможно принять меры к устранению так называемых «узких мест» экономики страны, создать реальные условия для выполнения плана народного хозяйства предстоящего года. Не недоверием поэтому был вызван вновь установленный порядок, а необходимостью централизованной увязки всех вопросов, связанных с планом капитального строительства.

Просьба Всекопромсовета о строительстве «своей» домны выглядела внешне, как уже говорилось, вполне убедительно и даже «респектабельно»: промкооперация будет иметь «свой» металл и откажется в будущем от представления заявок на него в Госплан.

Заманчиво?

А если посмотреть на вопрос с государственных позиций?..

Именно так и поставил этот вопрос Вознесенский на очередном совещании.

Нужно сказать, что Николай Алексеевич, сталкиваясь с ошибками своих сотрудников, очень редко прибегал к административным мерам, считая наказание худшей и вынужденной мерой воспитания людей. Он предпочитал публичную критику — острую, а иной раз и едкую... И, как вспоминают сотрудники Госплана, работавшие вместе с Вознесенским, такая критика действовала куда лучше любых административных взысканий.

В тот раз Николай Алексеевич открыл совещание двумя вопросами: во-первых, для чего создана кустарно-промысловая кооперация? И, во-вторых, какова роль ее в экономике страны?

Успев уже немного изучить нового председателя, сотрудники, присутствовавшие на совещании, молчали: они знали, что эти элементарные на первый взгляд вопросы заданы не случайно; знали они и о том, как быстро и остроумно умел реагировать Вознесенский на опрометчивые ответы...

Наступило настороженное молчание.

Выдержав паузу, Вознесенский попросил ответить на эти вопросы начальника отдела промкооперации.

Присутствовавшие заулыбались, поняв, куда обращен фронт надвигающейся грозы...

— Но ведь эти вопросы ясны и понятны каждому из здесь присутствующих... — сказал начальник отдела промкооперации.

— Не думаю, — коротко ответил Вознесенский.

Помолчав в нерешительности, начальник отдела промкооперации заговорил — несколько смущенно оттого, что приходится говорить об очевидных вещах:

— Ну, как известно, основной и главной задачей кустарно-промысловой кооперации является кооперирование кустарей-одиночек, организация на базе принадлежащих им орудий производства промысловых

артелей и превращение вчерашних кустарей из потенциальных предпринимателей в сознательных, активных тружеников социалистического общества...

Он замолчал.

— Дальше, — попросил Вознесенский. — Чем должны заниматься промартели?

— Ну, известно чем...— все так же нерешительно и смущенно продолжал начальник отдела промкооперации.— Главная их задача — обслуживание бытовых нужд населения... Хорошо налаженный ремонт обуви, одежды, мебели... И, кроме того,— производство товаров широкого потребления...

— Верно,— откликнулся Вознесенский.— А из каких материалов, не подскажете?

— Из материалов? Некондиционных... Из сырья собственных заготовок и отходов государственных предприятий.

— Та-ак,— протянул Вознесенский.— Спасибо за обстоятельный и точный ответ. А скажите, пожалуйста, что намерена делать промкооперация, поставив вопрос о строительстве доменной печи?

Начальник отдела промкооперации, опустив голову, молчал.

— Видите ли,— обратился Вознесенский ко всем присутствовавшим,— она хочет иметь «свою» доменную печь, выплавлять высококачественный чугун и делать из него... ведра, игрушки, лопаты...

Присутствовавшие рассмеялись.

— Смешно, конечно,— сказал Вознесенский,— хотя вопрос серьезный, и он еще далеко не исчерпан. Отдел промкооперации поддержал просьбу Всекопромсовета... Неужели надо обязательно иметь ученое звание, чтобы понять негосударственный, а тем более непартийный подход к этому делу? Из баланса металла видно, что потребность промкооперации в литейном чугуне для

вагранок незначительна. Куда же девать излишки доменного чугуна, который будет выплавляться на новой домне?

— Но ведь это учтено...— попытался вставить слово начальник отдела промкооперации.

— Да, учтено,— подтвердил Вознесенский.— Вместо того чтобы осудить несерьезную позицию Всекопромсовета, наш отдел промкооперации усугубляет ошибку, предлагая разрешить кооператорам сооружение не только доменной, но и мартеновской печи для выплавки стали... А что же дальше? Ведь сталь в болванках промкооперации не нужна. Что с ней делать?

Вопрос был обращен к начальнику отдела промкооперации, но тот молчал, упорно не отрывая взгляда от стола.

— Товарищи из отдела промкооперации, как видно, опасаются излишне углубляться в этот вопрос,— сказал Вознесенский.— А он сто́ит того... Ведь совершенно очевидно, что разреши Всекопромсовету постройку плавильных печей, как он немедленно войдет с просьбой о сооружении прокатных станов, а там уже не далеко и до организации трубного производства, благо трубы промкооперации очень нужны — хотя бы для производства кроватей...— Тут Вознесенский улыбнулся, вспомнив сцену в кроватном цехе ленинградской промартели.— А там последует и просьба о постройке коксовых батарей для выжига «собственного» кокса, так как известно, что чугун без кокса не выплавляют. И так как выжиг кокса сопровождается попутным получением ценных химических продуктов, придется организовывать химическое производство для переработки этих ценных побочных продуктов — не пускать же их на ветер!

Присутствующие откровенно смеялись.

Начальник отдела промкооперации сидел, закрыв лицо руками.

На снимке вверху: группа коммунистов, направленных ЦК ВКП(б) на партийную работу в Донбасс. Первый слева в верхнем ряду — Н. А. Вознесенский. (Фото 1927 г.)

На снимке внизу: члены экономического семинара Экономического института Красной профессуры. Второй слева во втором ряду — руководитель семинара Н. А. Вознесенский.

Н. А. Вознесенский — председатель Госплана СССР.

— А прокат куда девать? — продолжал Вознесенский.— Придется, как видно, и металлообрабатывающий цех строить... Странная это получится кустарно-промысловая артель... «Промкооперативная «Магнитка»» с замкнутым металлургическим циклом плюс к тому химическое и металлообрабатывающее производство! Соответствует ли это нашим представлениям о задачах кустарно-промысловой кооперации и ее роли в экономике страны? И еще один вопрос, попутный: располагает ли промкооперация квалифицированными кадрами — специалистами в области металлургии, коксохимии и металлообработки? Кстати...— Вознесенский снова улыбнулся.— Не так давно Всекопромсовет сделал попытку готовить такие кадры в организованном им «своем» Институте кустарно-промысловой кооперации. Знаете, как в этом, с позволения сказать, институте объяснялся студентам принцип работы фрезерного станка? Вот так. Без станка. На пальцах.

И, поднявшись, Вознесенский очень похоже изобразил подсмотренную им «лекцию» мастера в кроватном цехе.

Присутствующие от души смеялись.

Невольно рассмеялся, глядя на Вознесенского, и начальник отдела промкооперации. Но Николай Алексеевич оборвал его веселье вопросом:

— Не так ли — на пальцах — руководители Всекопромсовета объяснили вам свою потребность в доменной печи?

И сам от души рассмеялся...

Из-за этого случая незадачливые руководители Всекопромсовета приобрели в Госплане популярность, которой они предпочитали бы не иметь. И сотрудники отдела промкооперации — тоже...

Однажды Вознесенский позвонил начальнику Центрального управления народнохозяйственного учета (ЦУНХУ) и, поздоровавшись, спросил:

— У вас есть под рукой сочинения Ленина?

— Рядом, в шкафу,— ответил тот.

— Не откажите в любезности,— сказал Вознесенский,— возьмите переписку Владимира Ильича с Центральным статистическим управлением.

— Хорошо. Одну минутку...

Вознесенский слышал, как заскрипела дверца шкафа, затем в трубке снова раздался голос начальника ЦУНХУ:

— Вам привезти эту переписку, Николай Алексеевич?

— Нет. Откройте страницу, на которой напечатано письмо Ленина, адресованное начальнику ЦСУ товарищу Попову. Письмо датировано 16 августа 1921 года. Вы, вероятно, наизусть знаете это письмо?

— Да, почти.

— Открыли?

— Да.

— А теперь читайте. Вслух.

— Что именно?

— А вот с этого места (перед Вознесенским тоже лежал раскрытый том сочинений Ленина): «1) председатель или заведующий ЦСУ...» Нашли?

— Да, конечно...

После паузы, свидетельствующей о его явном смущении, начальник ЦУНХУ начал читать:

— «...председатель или заведующий ЦСУ должен работать в *более* тесном контакте с Госпланом, по *непосредственным указаниям* и заданиям председателя Госплана и президиума его...»

— Слова «непосредственным указаниям» выделены? — спросил Вознесенский.

— Да... Николай Алексеевич, послушайте, ну зачем же...

— Нет-нет, продолжайте, прошу вас. Честное слово, мне очень нужно послушать эту выдержку...

Вздохнув, начальник ЦУНХУ продолжил:

— «2) текущая статистика (и промышленная и земледельческая) должна давать итоговые, важнейшие практические сведения (откладывая академическую разработку «полных» сведений) *никак* не позже, а обязательно *раньше* нашей прессы...

3) надо составить вместе с Госпланом своего рода index-number (число-показатель) для оценки состояния всего нашего народного хозяйства и обязательно вырабатывать его не реже раза в месяц...

Для практической работы мы *должны* иметь цифры, и ЦСУ *должно* иметь их *раньше всех...»*

Начальник ЦУНХУ умолк.

— Ну и как вы — согласны? — спросил Вознесенский.

— С чем?

— С ленинским письмом.

В голосе начальника ЦУНХУ послышалось возмущение:

— Николай Алексеевич, ну как можно...

— А как можно «кормить» Госплан запоздалой ежемесячной и ежеквартальной отчетностью? — прервал его Вознесенский.— Кто дал вам на это право? Прошу вас приехать ко мне... И не рассчитывайте, что разговор будет пятиминутный!

Научная постановка планирования народного хозяйства, систематическая проверка выполнения государственного плана, которую Вознесенский считал одной из главных функций Госплана, не могли осуществляться

без оперативно организованной статистической отчетности, отвечающей требованиям планирования и руководства народным хозяйством. И Вознесенский добился того, что ЦУНХУ стало представлять оперативную пятидневную и декадную отчетность о выполнении государственного плана по ведущим позициям — чугуну, стали, прокату, углю, нефти, электроэнергии... (В годы Великой Отечественной войны по инициативе Вознесенского по этим позициям была организована ежесуточная отчетность. После войны оперативная отчетность была унифицирована, и вместо суточной, пятидневной и декадной отчетности по выпуску промышленной продукции ЦСУ СССР стало представлять в директивные органы еженедельные отчеты.)

Госплан во главе с Вознесенским требовал от ЦУНХУ не только своевременной отчетности, но и высокого качества ее, политической направленности и научной обоснованности всех статистических разработок. В этом отношении характерной является оценка Государственной плановой комиссией одного из документов, представленного ЦУНХУ: «Государственная плановая комиссия рассмотрела данные, представленные ЦУНХУ и признала классификацию общественных групп населения страны, приведенные в записке ЦУНХУ, политически ошибочной и ненаучной, являющейся результатом делячества в статистике, политической неряшливости и обывательщины».

Заботясь о совершенствовании статистики, Вознесенский хорошо понимал, что для подлинно научного планирования народного хозяйства мало иметь достоверные статистические данные и научно обоснованные нормативы.

Двадцатый век стал веком бурного развития науки и техники. Новейшие научные разработки существенно влияли на совершенствование производства, появление совершенно новых промышленных отраслей... А экономическое развитие любой страны всегда находится в прямой зависимости от ее технических достижений.

Темпы количественного и качественного роста научных и технических разработок увеличивались с каждым днем...

Как соразмерить свой шаг с этим темпом?

Кто мог гарантировать, что планируемые к внедрению на производстве технические новинки не являются уже вчерашним днем техники?

Кто мог с уверенностью сказать, что денежные средства, запланированные на ту или иную научную разработку, не будут затрачены впустую, повторив, сдублировав уже проделанную аналогичную научную работу — у нас в стране или за рубежом?

Чтобы разрешить эти вопросы, нужно было иметь хорошо налаженную службу научно-технической информации.

Правда, в наркоматах и ведомствах имеются такие службы — бюро технической информации. Они должны следить за техническими новинками в своей отрасли. Они должны обмениваться информацией между собой.

А кто следит за научно-технической информацией, способной повлиять на развитие целого ряда отраслей производства, стать причиной возникновения новых?..

Никто.

Вознесенский приходит к выводу, что без специального органа, ведающего научно-технической и технико-экономической информацией, Госплану не обойтись. Чтобы шагать в ногу с мировым техническим прогрессом, Госплан должен был постоянно располагать данными о новейших достижениях науки и техники — как

у нас в стране, так и за рубежом. Только тогда можно будет обоснованно судить о необходимости и своевременности внедрения того или иного новшества в народном хозяйстве. Только тогда можно будет не предположительно, а уверенно намечать пути развития отечественной экономики.

Вопрос о создании такого органа Вознесенский ставит на обсуждение Государственной плановой комиссии. Предложение председателя Госплана было принято.

Так в 1939 году было положено начало организации Института технико-экономической информации при Госплане СССР (ИТЭИН), который по мере накопления научно-инженерных сил развернулся в Центральный институт технико-экономической информации (ЦИТЭИН). Во главе института был поставлен молодой инициативный ученый Д. Г. Столбов. ЦИТЭИН начал систематически снабжать Госплан новейшей отечественной и зарубежной информацией, которая позволяла не только учитывать все новое, прогрессивное при разработке народнохозяйственных планов, но и готовить проекты постановлений правительства по коренным вопросам развития и внедрения новой техники в народное хозяйство страны.

Судьбе скромного поначалу института, организованного Вознесенским, можно позавидовать... В 50-х годах на базе ЦИТЭИН создается Институт научной информации (ИНИ), преобразованный впоследствии во Всесоюзный институт научно-технической информации (ВИНИТИ). Небольшой институт, родившийся в недрах Госплана для обслуживания нужд планирования, стал сегодня головным центром научно-технической информации страны, масштаб работы которого превзошел самые смелые ожидания его организаторов.

1938-й год. В газетах появилось сообщение о том, что председатель Госплана СССР Вознесенский выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР по Ефремовскому избирательному округу Тульской области.

В один из летних дней, приехав на встречу с избирателями в город Ефремов — центр округа, Вознесенский в сопровождении местных руководящих работников пошел по улицам.

— Был я здесь однажды, совсем мальчишкой...— сказал он.

Знакомство с городом затянулось.

Вознесенский молчал, лишь изредка задавая короткие вопросы.

Вышли на окраину города.

Приглядевшись, Вознесенский нахмурился...

Путь им пересек глубокий овраг. На противоположной его стороне на склонах оврага лепились друг к другу странные постройки, похожие не то на землянки, не то на коровники...

— Что это? — спросил Вознесенский.

Ему не ответили.

Решительно шагнув, Вознесенский стал спускаться в овраг. За ним последовали и сопровождающие.

Мокрая глина разъезжалась под ногами...

В дверях одного из неказистых сооружений показалась молодая женщина. Прикрыв ладонью лицо от солнца, она смотрела на приближающуюся группу людей.

— Здравствуйте,— поздоровался с ней Вознесенский и спросил: — Вы здесь живете?

— Живем...— протянула та.— А что? Нельзя разве?

— По-моему, нельзя,— сказал Вознесенский.

На живом, подвижном лице молодой женщины появилось выражение неподдельного удивления.

Вознесенский потрогал стену жилища,— из-под пальцев посыпалась пересохшая глина. Все «дома» этой «улицы», мало чем отличавшиеся от коровников, были построены на один лад: три стены наспех сколочены из горбыля и промазаны глиной, а четвертой стеной служил отвесный откос оврага...

Услышав, как видно, голоса, из хибары вышел крепкий, загорелый мужчина.

— Ваш муж? — спросил Вознесенский.

Женщина кивнула и непонятно чему рассмеялась.

— Вы где-нибудь работаете? — спросил Вознесенский мужчину.

— Не где-нибудь, а на эс-ка,— не особенно дружелюбно ответил тот.

— Эс-ка?.. Что это?

— Завод синтетического каучука,— пояснил кто-то из сопровождающих.

— А остальные, те, что здесь живут, тоже на этом заводе работают?

— Кто — на эс-ка, а кто — на спиртозаводе,— ответил мужчина.— А вам что до этого?

— С вами говорит товарищ Вознесенский,— негромко сказал председатель горсовета,— кандидат в депутаты Верховного Совета республики...

— Вон оно что! — искренне удивился мужчина.

Весть о том, что здесь, на Гнилой улице, появился кандидат в депутаты Верховного Совета, мгновенно облетела этот странный поселок, стихийно возникший на окраине города. Люди плотным кольцом окружили Вознесенского.

— Разве можно так жить? — спросил он.

В ответ послышались вопросы:

— Почему нам горсовет жилья не дает?

— Не дает? — Вознесенский взглянул на председателя горсовета.

Тот развел руками, сказал:

— Город маленький, средства на строительство жилого фонда ограничены... Надо ждать.

Народ недовольно загудел.

Вознесенский задумался, потом поднял руку, призывая к тишине. И когда гул утих, сказал:

— Вы слышали? Сегодня горсовет не в состоянии удовлетворить ваши нужды в жилье... Возможно, он не удовлетворит эти нужды и завтра. И что же — вы так и будете ждать сложа руки вот в этих своих хибарках?

Он умолк. И все тоже молчали.

Потом кто-то тихо и неуверенно спросил:

— А что же нам делать?

— Проявить инициативу — только и всего! — Вознесенский улыбнулся.— Почему бы вам не построить своими руками не вот такие лачуги, а настоящие, добротные дома?

Кругом зашумели, и Вознесенский вновь попросил тишины, подняв руку.

— Я понимаю,— продолжил он,— что одних рук и желания тут мало. Нужны еще бревна, тес, кирпич, гвозди... Но это я беру на себя. Уверен, что правительство не откажет в таком деле и разрешит выделить вам необходимые стройматериалы с оплатой их в рассрочку... Согласны вы на таких условиях построить себе дома?

Наступила тишина — предложение было неожиданным...

Молодая женщина — та, которую Вознесенский увидел первой,— нетерпеливо толкала локтем в бок своего обнаженного по пояс, загорелого мужа. Тот поднял глаза, задумчиво взглянул на Вознесенского и сказал:

— А что — это дело!

И снова все вокруг зашумели — на этот раз возбужденно. Послышались отдельные возгласы:

— А точно материалы дадут?
— А строить где?
— Как где? Тут!
— Только один уговор! — крикнул Вознесенский, перекрывая шум.— Строить не в этом овраге! Неужто другого места нет — сухого и чистого?
Последний вопрос относился к председателю горсовета.
— Найдем! — откликнулся тот.— Есть у нас хорошая опушка леса, отведем ее под застройку...
Так пришел конец Гнилой улице города Ефремова...
Вознесенский уже покидал этот стихийно возникший митинг, когда услышал раздавшийся неподалеку тихий женский голос:
— Коля! Неужто это ты, Коля?..
Николай Алексеевич остановился.
Толпа затихла, уступая дорогу старой, согбенной годами женщине. Она шла к Вознесенскому, медленно и тяжело ступая, и ветер шевелил ее пепельно-седые волосы.
Подойдя вплотную к Вознесенскому, она взглянула на него снизу вверх и горько покачала головой.
— Не узнаешь...
Николай Алексеевич молчал.
— Забыл, значит...— тихо сказала она.— И Чернь забыл, и типографию, и Мишу-наборщика, учителя своего...
— Тетя Дуся! — воскликнул Вознесенский, внезапно узнав ее.
Он крепко обнял седую и худенькую женщину, трижды, по-русски, расцеловал ее.
— Ах, разбойник! — тихонько рассмеялась женщина.— Узнал-таки!..— И тут же серьезно спросила: — Это ничего, что я тебя по имени назвала?
— Да как же меня еще называть!

— Слыхала — большим человеком ты стал... Только для меня эти твои должности — что звук пустой. Стара я стала, Коля... Очень стара.

— А дядя Миша как? Жив он?

Тетя Дуся ясно взглянула на него и сказала — с той простотой, с которой говорят о смерти глубокие старики:

— Помер он, Коля. Сыны переехали сюда, и я с ними...

Николай Алексеевич отвел ее в сторонку, усадил на ящик и, сев рядом, засыпал вопросами...

Сопровождающие Вознесенского люди терпеливо ждали, стоя поодаль и разговаривая, гадали — кем же приходится председателю Госплана СССР эта старая, седая, незаметная женщина...

«...подбор людей; установление *индивидуальной ответственности за делаемое; проверка фактической работы».* Это слова из проекта директивы о работе СТО, СНК и Малого СНК, написанного Лениным. Это слова, коротко и точно определяющие стиль работы Вознесенского.

В середине 1938 года — через полгода после его назначения на новую должность — Государственная плановая комиссия слушала отчет отделов Госплана о проделанной работе по проверке выполнения народнохозяйственного плана.

Выяснилось, что эта работа ведется далеко не удовлетворительно...

Вознесенский хмурился, молчал.

Когда подошел его черед выступить и подвести итоги, присутствовавшие притихли: можно было ожидать бури — ведь не исполнялось прямое указание председателя Госплана...

Но Вознесенский говорил спокойно.

Точными, короткими фразами проанализировав недоброкачественную работу отделов и дав тем самым ей оценку, он сказал в заключение:

— Как видно, сильны еще силы инерции того времени, когда Госплан не занимался проверкой выполнения планов... Но думаю, что сообща мы преодолеем эти силы! — Он скупо улыбнулся.— Повторяю и при необходимости повторю еще десять, сто, тысячу раз: мы должны относиться к такой проверке, как к одной из важнейших наших задач, исходя из того, что эта работа является решающим условием достижения главной нашей цели — выполнения народнохозяйственного плана.— Помолчав, он добавил: — Предлагаю впредь на каждом заседании Госплана ставить вопросы проверки выполнения плана развития народного хозяйства СССР первыми. Думаю также, что на обсуждение этих вопросов необходимо приглашать представителей ЦУНХУ и соответствующих наркоматов...

С того дня порядок работы Государственной плановой комиссии, предложенный Вознесенским, стал обычным: из 30—40 вопросов, ежеквартально обсуждавшихся на заседаниях Госплана, обычно не менее половины приходилось на те, что были связаны с проверкой выполнения народнохозяйственного плана. Проверка организовывалась таким образом, чтобы обеспечить решение ключевых вопросов развития народного хозяйства, предоставляя решение менее общих вопросов наркоматам, ведомствам и совнаркомам союзных республик.

Особое и пристальное внимание Вознесенский уделял ведущим отраслям промышленности — топливной, металлургии, энергетике...

— Госплан должен работать,— говорил Вознесенский,— как хорошо налаженный и смазанный механизм: четко, надежно и без шума.

Шум, правда, порой случался — и не малый... И исходил он нередко от самого председателя. Причиной его чаще всего служило недобросовестное выполнение иными из сотрудников важных поручений. И Вознесенский вносит еще одно предложение, ставшее решением Государственной плановой комиссии, которое неукоснительно выполнялось: «Установить на каждом заседании Госплана сообщение заведующего секретариатом председателя Госплана о ходе выполнения отделами Госплана поручений ЦК ВКП(б), Совнаркома СССР, Экономсовета при СНК СССР, а также внутренних поручений председателя Госплана...»

Народное хозяйство страны Советов развивалось темпами, еще невиданными в истории человечества. Советский опыт опроверг буржуазные теории о том, будто конкуренция и предпринимательство частных собственников — единственный и могучий двигатель технико-экономического прогресса. Жизнь показала, что существуют куда более мощные его источники. Творческая деятельность свободных от эксплуатации тружеников, соревнование и содружество по своей эффективности превзошли конкуренцию и борьбу за прибыль. Количественный рост промышленного производства СССР происходил параллельно с серьезными качественными изменениями во всех отраслях народного хозяйства, вызванными развитием новой техники.

Перед Госпланом СССР встала новая, сложнейшая задача: необходимо было наряду с планированием объемных показателей организовать планирование новых качественных показателей. Некоторые качественные показатели — такие, как себестоимость продукции и производительность труда — включались в планы развития народного хозяйства и ранее, но теперь нужно было

разработать план развития и внедрения новой техники, способной предельно ускорить технико-экономический прогресс страны. Этот план должен был охватить все отрасли народного хозяйства, включить в себя задания наркоматам, ведомствам и совнаркомам союзных республик по механизации, автоматизации и электрификации производственных процессов, по проектированию, созданию, испытанию, выпуску опытных образцов и освоению серийного производства новых машин, оборудования, приборов и материалов... Короче говоря, на повестку дня ставился государственный технический план.

Вознесенский хорошо представлял себе значение такого плана. Еще в 1932 году, пытаясь заглянуть в будущее советской экономики, он в статье «К вопросу об экономике социализма» предвидел необходимость разработки технического плана, называя его «важнейшим моментом всего народнохозяйственного плана».

Государственная плановая комиссия приступила к практическому обсуждению вопросов разработки технического плана. Кроме того, Госплан поднял на новую, более высокую ступень социалистическое планирование, приступив к разработке баланса народного хозяйства, который начиная с 1939 года был выделен в самостоятельный раздел народнохозяйственного плана страны Советов.

И снова — вопрос кадров...

Повышенные требования к планированию, сложность этой важной для страны работы требовали кадров высокой квалификации. А такие специалисты были наперечет... И Вознесенский ставит в Центральном Комитете партии вопрос об организации Высшей экономической академии с трехлетним сроком обучения. Задача академии — подготовка кандидатов экономических наук из лиц, имеющих высшее образование и стаж ответственной работы в народном хозяйстве.

Выпускников академии предполагалось использовать на руководящей работе в Госплане СССР, в наркоматах и в госпланах союзных республик.

Центральный Комитет партии одобрил предложение Вознесенского и принял соответствующее решение.

Но вероломное нападение на нашу страну фашистской Германии призвало всех, в том числе и Госплан СССР, к решению других, жизненно важных задач... Однако впоследствии жизнь подтвердила верность идеи подготовки ученых из числа опытных практических работников, имеющих высшее образование: вскоре после войны была основана Академия общественных наук при ЦК КПСС, которая стала готовить ученых не только в области экономики, о чем мечтал Вознесенский, но и в таких областях науки, как философия, история, литература.

...Руководитель отвечает не только за то, как он руководит, но и за то, что делают руководимые им. Этого он иногда не знает, этого он часто не хочет, но ответственность ложится на него.

В. И. Ленин

В одном ряду к единой цели

Случается так: выдвинут товарища на видную должность, через какое-то время разглядят его (а на видной должности и работник видней становится — разглядеть его легче), и — приходится «задвигать» человека обратно... И, конечно же, без моральных травм это не обходится. Вознесенский смело и подчас неожиданно для окружающих выдвигал сотрудников на ответственные посты. Но смелость эта была результатом тонкого умения распознать человека, разглядеть в нем скрытые возможности в обыденной, рядовой обстановке, а не на видном месте. И ни одного из выдвинутых Вознесенским специалистов не пришлось «задвигать» на прежнюю должность. Достаточно назвать такие фамилии: Н. А. Борисов, М. Ф. Власов, М. В. Дегтярь, С. Ф. Демидов, А. Ф. Зеленовский, П. И. Кирпичников, А. П. Ковалев, А. В. Коробов, Г. Г. Кравцов. Большинство из названных товарищей за несколько лет до начала Великой Отечественной войны пришли на работу в Госплан рядовыми специалистами, а в канун войны и в начале ее уже стали заместителями председателя Госплана СССР. И каждый из них с честью выдержал испытание этим большим государственным постом.

Отнюдь не всегда с Вознесенским было «уютно» работать.

Ценя специалистов, относясь к ним бережно и внимательно, Вознесенский требовал от них не просто работы, но работы творческой, не просто применения знаний, но применения их с инициативой. И если тот или иной специалист не выдерживал этих требований, Вознесенский умел и ему, и его непосредственному начальнику устроить весьма запоминающуюся «проработку». Но эта «проработка» носила обычно чисто деловой характер. Вознесенский был руководителем строгим, подчас суровым, но всегда честным, объективным и справедливым.

Вызовы «на ковер» кончались по-разному.

Чаще всего Вознесенский начинал с резкой оценки плохо выполненной работы. Затем обычно следовал обстоятельный критический разбор, с выявлением не только недостатков работы, но и сильных ее сторон, если таковые имелись. А после этого начинался настоящий, деловой разговор. Вознесенский редко в таких случаях прибегал к прямым указаниям. Не жалея времени на подобные беседы, он стремился к тому, чтобы специалист самостоятельно нашел пути устранения недостатков в работе, сам пришел к верным выводам. Не всегда это было просто, и при необходимости Вознесенский давал конкретные деловые советы. В результате такой «проработки» специалист не выходил из кабинета председателя Госплана «побитым», как это бывает у иных недалеких руководителей. Напротив. При всей своей резкости и непримиримости Вознесенский был на редкость доброжелательным человеком. И эта его доброжелательность задавала особый, неповторимый тон взаимоотношениям председателя Госплана с подчиненными ему людьми.

Не всегда, конечно, вызовы к Вознесенскому заканчивались мирно... В тех случаях, когда затрагивались нравственные принципы отношения к делу, суровая

непримиримость Николая Алексеевича сказывалась в полной мере.

Был, скажем, такой случай.

Однажды работники Наркомлегпрома предложили начальнику управления оборудования и машин Госплана наряд на пошив костюма. Времена в материальном отношении были нелегкие, и такой наряд представлял определенную ценность... Не подумав как следует, тот принял наряд.

Вознесенский узнал об этом.

— Хочу вам напомнить,— сказал он, вызвав к себе начальника управления,— что ценность работника Госплана в немалой степени определяется его способностью и возможностью рассматривать деловые вопросы только с народнохозяйственных позиций, его полнейшей независимостью от наркоматов и ведомств.

— Я знаю об этом, Николай Алексеевич,— ответил тот.

— Очень хорошо, что знаете.— Вознесенский помолчал.— Тогда вас не удивит мое предложение подыскать себе другую, менее ответственную работу...

Начальник управления растерялся.

— Простите, Николай Алексеевич, я не совсем понимаю...

— Плохо, что не понимаете. Поясню. Была вам предложена услуга от работников Наркомлегпрома? Была. Вы приняли ее?

Собеседник, помрачнев, опустил голову.

Помолчав, Вознесенский сказал:

— Можно было бы отнестись к этому, как к мелочи, но, простите, не могу. Принимать от организаций, заинтересованных в вас, мелкие услуги — ваше личное дело, но для Госплана отныне вы мертвы.

На этом разговор окончился.

После ухода начальника управления Вознесенский твердой рукой вычеркнул его фамилию из лежавшего у него на столе списка руководящих работников Госплана. После этого он позвонил наркому легкой промышленности, рассказал о случившемся и попросил принять меры к тому, чтобы ничего подобного впредь не повторялось.

А бывший начальник от Вознесенского направился в парторганизацию. Там, а не у председателя, зная крутой его характер, решил он оправдаться и найти поддержку.

Через некоторое время секретарь парторганизации позвонил Вознесенскому:

— Хочу зайти к вам и поговорить насчет уволенного сотрудника.

— Такой человек среди сотрудников Госплана не числится,— сказал Вознесенский и, помолчав, добавил: — Впрочем, заходите. Поговорить есть о чем.

Партийная организация Госплана поддержала решение председателя...

Строгость в деловых взаимоотношениях всегда была свойственна Вознесенскому. Бывал он и резок. Все это уже известно читателю. Но в какой-то момент его строгость и резкость стали переходить допустимые пределы, превращаясь в откровенную грубость...

Это не осталось незамеченным.

Коллектив работников Государственной плановой комиссии в течение многих лет воспитывался такими выдающимися представителями Коммунистической партии, как Г. М. Кржижановский, В. В. Куйбышев, воспитывался в ленинских демократических традициях.

Первое проявление грубости Вознесенскому простили как случайное...

О втором — заговорили...

Последующие «срывы» председателя Госплана в обращении с подчиненными привели к вполне естественному событию.

...Партийное собрание слушало отчет парткома.

Вознесенский сидел, опустив глаза к блокноту, изредка делая пометки.

В конце своего выступления секретарь парткома сказал:

— А теперь надо поговорить о фактах грубого отношения коммуниста Вознесенского к сотрудникам Госплана, которые стали известны партийному комитету...

Подняв голову, Вознесенский изумленно взглянул на секретаря парткома (явно не ждал!), оглядел зал...

Начались выступления...

Коммунисты Госплана подвергли Вознесенского за факты грубости по отношению к своим подчиненным резкой и принципиальной партийной критике. Собрание длилось несколько часов. Немало в тот день пришлось выслушать Вознесенскому малоприятных, мягко говоря, но справедливых слов в свой адрес. Слушал он внимательно, не перебивая выступавших, не подав ни единой реплики.

Когда прения закончились, в зале наступила настороженная тишина.

Вознесенский сидел, глубоко задумавшись...

— Слово предоставляется коммунисту Вознесенскому,— сказал председательствующий.

Да, здесь нет председателя Госплана и его подчиненных. Здесь — коммунист Вознесенский и его товарищи по партии, облеченные теми же правами, что и он.

Вознесенский поднялся...

— Не скажу,— начал он,— что сегодняшний день и выступления коммунистов были для меня радостными...

Тишина в зале стала плотной, ощутимой.

— Критика — вещь хорошая, слов нет,— продолжал Вознесенский,— но она горька и бьет больно, когда направлена в твой адрес. Коммунисту не к лицу кривить душой, скажу так: критика не невеста, и расшаркиваться перед ней в любви человеку серьезному и честному не пристало. И все-таки я благодарен всем выступившим... Я рад, что работаю в коллективе людей достойных, умеющих постоять за себя. Слушая слова выступавших коммунистов, горькие для меня, я вспомнил народную пословицу: «Не тот друг, кто медом мажет, а тот, кто правду в глаза скажет». Я нахожусь среди друзей и соратников. И правда, как она ни горька, есть правда. От нее никуда не уйдешь, не спрячешься. Оправдываться не буду, так как справедливость критики признаю полностью. Приведу лишь слова Ленина: «Умен не тот, кто не делает ошибок. Таких людей нет и быть не может. Умен тот, кто делает ошибки не очень существенные, и кто умеет легко и быстро исправлять их». Вот за такое отношение к своим ошибкам, за подлинно партийное понимание критики я, как коммунист, с чистым сердцем поднимаю руку. А любовными эмоциями, вызванными критикой, пусть занимаются демагоги, бездельники и лицемеры.

В зале раздались аплодисменты...

Поняв, что мысли его поняты правильно и контакт с коммунистами восстановлен, Вознесенский улыбнулся легкой, светлой улыбкой. Потом сказал:

— А теперь, если не будет возражений, поговорим о некоторых текущих делах...

Возражений не было.

Не все из присутствовавших на этом собрании решились откровенно высказаться в адрес Вознесенского. Были и такие, что промолчали — на всякий случай... Вот они-то потом, в коридорах, и предрекали: увидите, дескать, Вознесенский так просто все это не оставит...

Зацепкой для таких разговоров послужили правдивые слова Николая Алексеевича, высказанные чисто по-человечески, о том, что критика его отнюдь не порадовала. Поговаривали, что нужно ждать гонений, понижений в должности, а то и увольнений...

Но ничего подобного не произошло.

Авторитет и популярность Николая Алексеевича после этого партийного собрания не только не упали,— наоборот, неизмеримо выросли.

Достаточно сказать, что как на этом собрании, так и на последующих Вознесенский получил подавляющее большинство голосов при выборах партийного комитета Госплана.

В «верхах» не могли не заметить истинно самокритического отношения Вознесенского к своим недостаткам и не могли не оценить по достоинству этого незаурядного человека — Вознесенский 4 апреля 1939 года утверждается заместителем председателя Совнаркома СССР (собрание проходило в феврале 1939 г.), а 10 марта 1941 г. высшие органы страны, продолжая оказывать широкое доверие Вознесенскому и высоко ценя его талант экономиста, назначают Вознесенского первым заместителем председателя Совнаркома СССР по Экономсовету.

...По настоянию Вознесенского на одном из заседаний Государственной плановой комиссии было принято решение: при установлении премий сотрудникам после подведения итогов работы отделов Госплана считать решающим показателем работы каждого специалиста проявление инициативы в деле разработки проблем социалистического строительства, проверки выполнения го-

сударственных планов и особенно в деле предупреждения «узких мест» и диспропорций.

Одним из первых специалистов, получивших крупную премию за проявленную инициативу, был старший экономист отдела балансов металла М. А. Гутцайт.

Кропотливо изучая характер грузопотоков металла, Гутцайт обнаружил, что ряд профилей проката черных металлов перевозятся по железной дороге с южных металлургических заводов на Урал, а с уральских — прокат тех же самых профилей отправляется потребителям на юг. Точно подсчитав размер убытков, которые терпит государство в результате этих встречных перевозок, Гутцайт подал соответствующую докладную записку председателю Госплана.

Вознесенский тут же поручил начальнику отдела лично проверить факт растраты народных средств.

Проверка подтвердила правоту Гутцайта.

Поздравляя Гутцайта с заслуженной им премией (двухмесячный оклад и бесплатная путевка в санаторий), Вознесенский посоветовал ему написать критическую статью, использовав для этого факты, изложенные в докладной записке.

— Важно не только заметить и устранить этот конкретный факт,— сказал он.— Важно мобилизовать общественные силы в целом на борьбу с такими вот нерациональными перевозками.

Статья была написана Гутцайтом и опубликована в журнале «Плановое хозяйство».

Ядвига Георгиевна Глубокова, работавшая в свое время в Госплане старшей машинисткой, рассказывает:

«Во время войны все мы работали с большим напряжением и, как правило, допоздна. Уставали, конечно. Однажды глубокой ночью моя подруга печатала письмо

в правительство. Напечатает, прочтет — опечатка. Напечатает сызнова — и снова опечатка. Сказывалась усталость.

Обнаружив очередную опечатку, она расплакалась...

Я взяла у нее письмо и, стараясь быть внимательной, не спешить (письмо было срочным), перепечатала, наконец, письмо без ошибок.

А через некоторое время меня с подругой вызвал председатель Госплана.

Мы, признаться, перетрусили...

— Почему так долго печатали это короткое письмо? — строго спросил Николай Алексеевич.

Я ответила, что из-за ошибок, опечаток, что письмо пришлось перепечатывать несколько раз. Я умолкла, и Вознесенский тоже молчал. Он внимательно разглядывал нас. Я смутилась под этим пристальным взглядом, да и подруга тоже...

В этот момент часы пробили три.

Взгляд Николая Алексеевича потеплел. Нажав кнопку звонка для вызова секретаря, он сказал:

— Вполне понятно. И для человека существует предел, за которым теряется работоспособность...— И, обратившись к вошедшему секретарю, добавил: — Товарищ Стебунов, отправьте машинисток по домам. Машинами. Кстати, вы не знаете, как добираются домой сотрудники, задерживающиеся в Госплане за полночь?

Стебунов пожал плечами.

— Не знаю...

— Узнайте и доложите.

Попрощавшись с Николаем Алексеевичем, мы вышли. И долго гадали — почему он так внимательно разглядывал нас? Так и не пришли ни к какому выводу, пока ответ не пришел сам собой: на следующий день в машбюро зашла наша заведующая и, сказав: «По распоряжению председателя», стала раздавать нам пром-

товарные карточки, по которым можно было купить одежду по твердым ценам в закрытом распределителе. Мы с подругой, как по сигналу, переглянулись... Только тогда мы поняли, что Николай Алексеевич заметил то, на что мы сами в то время, привыкнув, не обращали внимания: нашу ветхую одежду. Помнится, в ту ночь я предстала перед ним в залатанной кофте, а моя подруга — в самодельных, сделанных из старых рейтуз, чулках...»

Иной раз человеку запоминаются на всю жизнь мелкие, казалось бы, рядовые события. Но если поразмышлять, прикинуть эти события на весах человеческих взаимоотношений, то они перестают казаться мелкими. И Вознесенскому нельзя было отказать во внимании к людям. Обыкновенном человеческом внимании, как раз и проявляющемся в мелочах, в умении заметить эти мелочи и отозваться на них.

— Много лет прошло,— говорит Анна Степановна Амозова,— у меня уже внук растет, а я так и не могу забыть встречу с товарищем Вознесенским...

...Предвоенные годы. Тогда Анне Степановне было всего 16 лет, звали ее просто Аннушкой и работала она в Госплане ученицей-машинисткой.

Ничего особенного не произошло.

Придя однажды на работу, Амозова вызвала лифт, раскрыла дверцу и вдруг увидела направляющегося от входа к лифту председателя Госплана...

Она смутилась и отошла.

— Ну что же вы не заходите в лифт? — спросил ее Вознесенский.— Заходите, заходите, в компании ехать веселей.

Заметив ее смущение, Николай Алексеевич улыбнулся, поинтересовался, на какой этаж ей нужно, нажал кнопку и стал расспрашивать: в каком отделе она работает? что делает? как живет? Еще более смутив-

шись, Амозова коротко ответила, что работает ученицей в машинописном бюро, живет — снимает угол за городом, в шестидесяти километрах от Москвы.

— Далековато,— заметил Вознесенский.

Она промолчала.

— И много вы платите за этот свой угол? — спросил он.

— Как обычно...

— А как обычно — дорого дерут хозяюшки с таких, как вы?

Лифт остановился, и Вознесенскому надо было выходить.

Раскрыв дверь, он сказал:

— Вот что. Пишите заявление о предоставлении вам жилплощади. И приходите ко мне завтра. С утра.

Не чуя ног под собой, Амозова прибежала в машбюро, сбивчиво рассказала подругам о встрече. Те стали ее поздравлять: «Раз Николай Алексеевич сказал, так и будет...» Но ее не оставляли сомнения — и днем и особенно бессонной ночью. Близилось утро, за стеной раздавался могучий храп хозяйкиного мужа, но не он мешал спать Аннушке... Думала: ну что ему какая-то машинистка-ученица? Даже еще не машинистка... Забудет, точно. И не примет даже, сказавшись занятым... Не пойду.

И не пошла бы, если б подруги не настояли.

— А, здравствуйте, здравствуйте! — с улыбкой встретил ее Вознесенский и протянул руку за заявлением.— Давайте-ка кончим с этим вашим «углом»... Устроит вас для начала место в новом общежитии?

— Ну еще бы! — вырвалось у нее.

И Амозова увидела, как он твердым, четким почерком пишет на заявлении: «Предоставить место в общежитии в новом доме»...

Заметим в скобках, что внимание и заботу Вознесен-

ского ощущали не только подчиненные или близкие ему люди. Вспоминается такой, скажем, случай. На имя Вознесенского пришло письмо от писателя Бориса Горбатова. Трудно теперь сказать, почему писатель обратился к столь далекому от проблем литературы человеку, как председатель Госплана... Но факт остается фактом, Горбатов писал Вознесенскому: «Лежу я поздно ночью на скамейке в помещении Казанского вокзала и так хочется спать. Мимо идет милиционер и останавливается около меня. Он смотрит на мою грудь, на которой привинчен орден «Знак почета», и не знает, что ему делать: козырять мне как орденоносцу (в 1938 году не так часто встречались люди с орденами на груди.— *В. К.*) или гнать с вокзала...»

Выяснилось, что Горбатов не имел квартиры и ночевал где придется.

Вознесенский позвонил председателю Моссовета, переговорил с ним и тут же отправил ему письмо Горбатова со своей припиской.

Через несколько дней Николаю Алексеевичу вручили лаконичную записку: «Спасибо. Б. Горбатов».

Молодежь, выпускники институтов, направляемые на работу в Госплан СССР, пользовались особым вниманием со стороны Вознесенского. Он хорошо понимал, что одних теоретических знаний, даже самых разносторонних и глубоких, еще недостаточно для полноценной работы в головной плановой организации страны. Николай Алексеевич с благодарностью вспоминал старых большевиков — Равича, Ракшу, Васильковского, щедро делившихся с ним, тогда выпускником «Свердловки», прибывшим работать в Донбасс, своим богатым практическим опытом. Теперь пришел черед Вознесенского самому обогащать опытом практической деятельности мо-

лодых специалистов, делиться с ними всеми сложностями и тонкостями работы экономиста-плановика.

Вспоминается такой эпизод.

В 1939 году в Госплан СССР пришла на работу группа выпускников Московского планового института. Явившись в свой первый рабочий день в Госплан пораньше, молодые люди встретились в коридоре с Вознесенским. Тот остановил их, с улыбкой спросил:

— Вчерашние студенты... угадал?

— Угадали,— ответил один из них, Сергей Токарев. И в свою очередь спросил: — А вы кто?

— Я — председатель Госплана.

— Товарищ Вознесенский?!

Ребята обрадовались встрече и тут же, пользуясь случаем, попросили Николая Алексеевича принять их для беседы.

— Я и без этой просьбы пригласил бы вас,— сказал Вознесенский.— Но раз уж так получилось... Завтра вечером, в шесть, у меня в кабинете.

На другой день в назначенное время молодые специалисты явились к Вознесенскому. Николай Алексеевич познакомился со всеми, с привычной цепкостью фиксируя в памяти фамилию каждого.

— Одна часть вашей группы будет работать в отделе сводного народнохозяйственного плана,— начал беседу Вознесенский,— а другая — в отделе капитальных вложений. Поэтому я коротко расскажу вам об общих принципах планирования народного хозяйства. Если возникнут какие-либо вопросы, прошу задавать их по ходу беседы. Итак... Что планирует Госплан СССР и как надо подходить к планированию народного хозяйства? Мы не Дания и не Швейцария с их малыми по масштабам хозяйственными проблемами. В такой огромной стране, как наша, союзный Госплан не в состоянии заниматься всем и вся. Возьмем, например, вопросы ремонта обуви,

чистки одежды, ремонта квартир. Важные это вопросы? Безусловно. И понятно почему — эти вопросы касаются быта миллионов советских людей! Но должен ли подобными вещами заниматься такой союзный орган, как Госплан? Как по-вашему?

— Нет, конечно,— сказал один из присутствовавших.

— А почему? — спросил Вознесенский.

— Так ведь для этого существуют различные местные ведомства...

— Верно,— подтвердил Николай Алексеевич.— Упомянутые и подобные им вопросы должны решать и решают соответствующие республиканские наркоматы, республиканские и городские плановые комиссии... Нужно, однако же, проследить, чтобы такие вопросы не оказались на задворках местных хозяйств, не сочлись «мелкими», а такое иной раз случается... И другой вопрос. Сколько надо построить электростанций, какой мощности и где? Можно ли решать его, исходя из хозяйственных потребностей отдельной области или отдельной республики? Разумеется, нет. Потому что для этого нужно прежде всего иметь баланс электроэнергии по стране на ряд лет вперед, который может разработать только Госплан и никто более. Нельзя без Госплана решать и такие проблемы, как развитие металлургии, угольной промышленности, машиностроения, нефтяной промышленности, химии, сельского хозяйства, транспорта, связи... В центре внимания Госплана, как в фокусе объектива, находятся решающие вопросы развития народного хозяйства СССР, ключевые вопросы. Выбрать в работе главное, решающее — этому нас учит Владимир Ильич... Специалисты Госплана, да и все работники планирования должны действительно научными методами определять рост продукции народного хозяйства. Сначала надо определить возможные технико-

экономические показатели использования существующего оборудования, изыскать все возможности развития новой техники и увеличения производительности труда и только после этого — определить размер выпуска продукции на предстоящий период.

Молодые специалисты сидели и слушали простые и знакомые, казалось бы, истины. Но сейчас, конкретизированные, предельно приближенные к их будущей работе, эти истины обретали новый вес и значимость.

А Вознесенский продолжал рассказывать.

— По-новому необходимо теперь вести счет капитальных вложений в народное хозяйство. Обычная практика заключается в том, что капитальные вложения планируемого года сравниваются с капитальными вложениями истекшего года. Этого недостаточно. Необходимо сопоставить прирост новых мощностей и основных фондов за планируемый период с уже достигнутым за истекший год уровнем мощностей и основных фондов. Только такой порядок планирования в полной мере даст представление о росте основных фондов всей страны, о темпах роста основных фондов в различных отраслях народного хозяйства. Такой порядок планирования капитального строительства поможет более тщательно осуществлять контроль за вводом в эксплуатацию новых мощностей, от чего зависят темпы роста и объем производства продукции не только в планируемом году, но и в последующие. В планировании нельзя ограничиваться минимальными проектировками, но опасно заниматься и прожектерством. А бюрократический максимализм в планировании нет-нет, да и дает еще о себе знать... Прикрываясь «революционными» фразами, бюрократы от планирования занимаются прожектерством, дезорганизующим народное хозяйство. Бюрократический максимализм в планировании не менее вреден, чем оппортунистический план, скрывающий резервы в народном хо-

зяйстве и саботирующий большевистские темпы роста социалистического производства...

Помолчав, Николай Алексеевич оглядел присутствующих, сказал:

— Ну, для первого раза, пожалуй, хватит. Вопросы есть?

Молодые специалисты молчали.

— Сейчас нет, но позже, я думаю, возникнут,— сказал Вознесенский,— когда вы приступите к исполнению конкретных обязанностей. Советую — не стесняйтесь задавать вопросы. Какими бы мелкими они вам ни казались. Нет в нашем деле мелочей. Работать вы будете под руководством опытных и знающих людей, они смогут разрешить любое ваше затруднение. А теперь хочу спросить у вас: как, по вашему собственному мнению,— хорошее ли образование дал вам институт?

— И да и нет,— ответил один из молодых специалистов. Это был Сергей Токарев.

Наступила пауза.

Воспользовавшись этой паузой, сделаем небольшое отступление. Сергей Токарев был одним из тех молодых людей, которые, едва успев схватиться за нить какой-либо философской истины, спешат тут же, немедленно найти применение ей в повседневной жизни. И нередко попадают впросак.

И вот теперь...

— И да и нет,— сказал Токарев.

— Вот как...— после паузы сказал Николай Алексеевич.— Непонятно. Разъясните, пожалуйста.

— А что тут разъяснять? Все движется, все изменяется... В этом суть диалектики? Значит, и знания, полученные нами в институте, вчера были хороши, сегодня — нет.

— Ну-ну! — искренне удивился Вознесенский; потом сказал: — Знаете, товарищ Токарев, это не диалек-

тика. Это верхоглядство и безграмотность. Философии вы, как видно, поднахватались... Но и только. Как можете вы, человек, окончивший советский институт, столь небрежно обращаться с диалектикой?

Токарев молчал понурясь.

— Диалектику, науку о всеобщих законах природы, общества и мышления,— продолжал Николай Алексеевич,— вы заключили в скорлупу краткой фразы, абстрагировали, тем самым выхолостив... Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна,— помните, кто это сказал?

— Помню,— едва слышно ответил Токарев.

— Тогда позвольте напомнить и то, что Ленин, разъясняя суть диалектики, писал, что эта наука включает в себя то, что зовется теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от *не*знания к познанию. Ленин поясняет, что в теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, то есть не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание,* каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным. И не следует забывать, что существует диалектика идеалистическая, ведущая прямой дорогой к поповщине, и диалектика материалистическая — основа единственно верного, научного взгляда на мир и его законы...

Беседа, стихийно превратившаяся в лекцию по философии, продолжалась бы и далее, если бы вошедший дежурный секретарь не сообщил Вознесенскому, что его вызывают в ЦК партии.

Токарев, по собственным его воспоминаниям, на всю жизнь запомнил эту беседу с председателем Госплана.

Работники Госплана СССР, которым М. И. Калинин вручил в Кремле правительственные награды. 1941 г.

М. И. Калинин вручает орден Ленина Н. А. Вознесенскому. Февраль 1941 г.

После нее он серьезно занялся теорией, через несколько лет успешно защитил диссертацию, получил степень кандидата экономических наук и в наши дни является одним из руководящих работников Госплана СССР.

Замечая недостатки в работе, ее недобросовестное или некачественное выполнение, Вознесенский нередко не использовал для воздействия на сотрудника иерархическую служебную лестницу, а вызывал к себе обычно непосредственного исполнителя. Только после беседы с ним он призывал к ответу начальника отдела или сектора, к которому принадлежал исполнитель, допустивший тот или иной просчет в работе.

Об одном из таких вызовов вспоминает М. Н. Алексеев, работавший мастером печатного цеха.

— Скажите, почему так неряшливо работает печатный цех? — спросил его Вознесенский.— Ваша работа?

И он показал Алексееву план, недавно отпечатанный в цехе.

— А в чем дело, Николай Алексеевич? — спросил Алексеев.— Сделали как обычно...

— Плохо, если как обычно. Вы знаете, что этот план предназначен для отправки в Центральный Комитет партии и правительству?

— Наше дело — отпечатать,— сказал Алексеев.— А уж куда эти бумаги отправляются...

— Верно,— сказал Вознесенский.— Ваше дело — отпечатать. И, независимо от того, для чего предназначены документы, отпечатать их надо качественно и аккуратно. Так?

Алексеев пожал плечами.

— До сих пор по этому поводу нареканий не было...

— Будем надеяться, что их не будет и впредь,— сказал Вознесенский.— Взгляните-ка сюда... Фирмен-

ный бланк Госплана на сантиметр уже и на полтора — короче таблиц плана, размноженных вашим цехом. Вы когда-нибудь видели брошюру или книгу, у которой первые листы были бы одного формата, а последующие — другого?

— Какую бумагу выписал управляющий делами, на той и печатаем,— сказал Алексеев.

— Та-ак,— протянул Вознесенский.— Посмотрим дальше... Видите? Письмо в ЦК партии и правительство напечатано одним шрифтом, а таблицы — другим...

— Так ведь оригиналы, Николай Алексеевич, в машбюро печатаются. Напечатали на разных машинках — так на ротатор и пошло (размножением документов на ротационных машинах также занимался печатный цех).

— Понятно. А грязь отчего? Краска почему размазана?

— Качество краски такое... Краску, опять же, управляющий делами выписывает.

— Та-ак...— Вознесенский с любопытством взглянул на Алексеева.— Выходит, Михаил Николаевич, я не по адресу обратился... По всему выходит, что управляющий делами тут виноват?

— Выходит — так, Николай Алексеевич...

Вознесенский едва заметно усмехнулся и, помолчав, сказал:

— Нет, товарищ Алексеев. Не выходит так! За качество вашей работы отвечаете вы и только вы! Вы просили управляющего делами давать бумагу нужных форматов? Вижу — нет! Вы устроили ему скандал из-за некачественной краски? Вы попробовали не принимать в работу документы, разные листы которых напечатаны разными шрифтами?..

Алексеев, опустив голову, молчал.

— Что же будем делать? — спросил Вознесенский.—

Придется, как видно, мне дать соответствующее распоряжение управляющему делами? — Он сделал ударение на слове «мне»...

— Не надо, Николай Алексеевич,— смущенно сказал Алексеев и поднял голову.— Сами добьемся!..

...И в короткий срок добились от управляющего делами Госплана всего необходимого для качественной работы печатного цеха.

Неряшливости, неопрятности Вознесенский не терпел. Ни в чем,— ни в делах, ни во внешности людей, ни во взаимоотношениях между ними. Чеховская фраза о том, что в человеке все должно быть прекрасным — и лицо, и одежда, и поступки, была для Николая Алексеевича не просто фразой, а точным выражением существа его отношения к человеку и делам его.

Как-то раз возник вопрос дефицита электроэнергии в одном из промышленных районов. Чтобы выяснить причины нехватки электроэнергии, Вознесенский вызвал к себе начальника сектора электрификации Голина и старшего экономиста того же сектора Оськину.

Едва начав разговор с ними, Вознесенский вдруг, взглянув на Голина, замолчал. Потом перевел взгляд на Оськину...

— Вот что,— сказал он.— Выйдите, пожалуйста, в приемную на несколько минут...

Голин и Оськина недоуменно переглянулись и направились к двери.

— Кстати,— уже выходя, услышали они голос председателя,— там есть зеркало... Поглядитесь в него.

Вознесенский тут же пригласил к себе начальника управления, в котором работали Голин и Оськина.

— Вы видели в приемной двух товарищей — Голина и Оськину? — спросил его Вознесенский.

— Да, Николай Алексеевич. Видел.

— Ну, и как вам они понравились?

— Да ведь я их не первый день знаю... По-моему, работники они неплохие. А что случилось, Николай Алексеевич?

— А как вам нравится то, в каком виде они на работу являются?

Начальник управления смутился.

— Извините, Николай Алексеевич, как-то не обратил внимания...

— Да тут и обращать внимания не требуется,— сказал Вознесенский.— В глаза бросается!.. У Голина манжеты и ворот рубашки грязны, обшлага рукавов пиджака засалены, на локтях — дыры. А Оськина явилась взлохмаченной и в домашних тапочках — будто из постели в ванну пришла, а не со своего рабочего места — к председателю Госплана... Мы много говорим о культуре советского человека, добиваемся того, чтобы рабочий у станка был выбрит, одет в опрятную спецовку не только в тот момент, когда его фотографируют для центральной прессы... А тут сотрудники одного из головных государственных учреждений без стыда и смущения — значит, привыкли? — расхаживают черт знает в каком виде!..

Автору пришлось быть случайным свидетелем этой сцены. И обыкновенное любопытство заставило его найти повод встретиться с Голиным и Оськиной на следующий же день. В темном костюме и сверкающей белизной рубашке Голин выглядел так, словно явился не на каждодневную работу, а на прием к послу иностранной державы. Столь же разительные перемены произошли и во внешности Оськиной...

От Николая Алексеевича можно было ждать любых неожиданностей. Чтобы чувствовать себя с ним спокойно и уверенно, был лишь один рецепт: держать все свои дела (даже личные) в абсолютном порядке. Автор, проработавший к середине 1940 года заведующим секретариатом Вознесенского уже более двух лет, хорошо знал об этом. Но вновь назначенный заместитель заведующего секретариатом А. Ф. Шалин был еще недостаточно знаком с характером Николая Алексеевича. И, едва приступив к исполнению своих обязанностей, Шалин столкнулся с первой неожиданностью (потом были и другие).

Придя как-то утром на работу, Шалин увидел на пухлой картонной папке с документами размашистую надпись:

«Т. Шалин!

Начало очень скверное. Вы сложили в кучу государственные бумаги. Предупреждаю Вас, что Вы не имеете права ни одного документа оставлять не разобранным из почты, поступившей за день. За это Вы отвечаете и будете отвечать весьма строго.

14. V. 40 г. *Н. Вознесенский*».

Неожиданными на первых порах казались и появления нового председателя Госплана в отделах и секторах, его беседы со специалистами на рабочих местах. Позже к таким приходам Вознесенского привыкли, стали считать их обычным явлением. Привыкли и к другому. Привыкли в таких беседах быть откровенными с председателем... Не так-то просто вызвать человека на откровенность, но в общении с Николаем Алексеевичем это получалось как-то само собой. Возможно, причиной было четкое сознание того, что этот человек не обернет твою откровенность во вред тебе же.

Иной раз экстренные совещания у председателя Госплана являлись следствием таких вот бесед на рабочих местах.

Предлагая участникам совещания высказаться, Вознесенский в первое время предупреждал начальников отделов и управлений, что, если после высказываний сотрудников на них последуют какие-либо гонения, руководитель, от которого будут они исходить, будет немедленно отстранен от занимаемой должности. Впоследствии такие предупреждения уже не делались. В них не было нужды.

Откровенные и подробные высказывания сотрудников на подобных совещаниях, вскрывающие недостатки в работе, знакомящие присутствующих с методами хорошей ее постановки, позволяли быстро устранять недочеты в работе отделов и переносить положительный опыт работы одного отдела в практику деятельности других структурных подразделений Госплана.

Как-то уполномоченный Госплана СССР Н. С. Заливакин явился к Вознесенскому с сообщением, что в одном из районов Южного Урала обнаружено богатейшее, весьма перспективное месторождение каменного угля.

— А каков процент зольности? — поинтересовался Вознесенский.

— Не знаю,— ответил уполномоченный.

— А процент серности?

— Пока не могу сказать...

— Странно...— усмехнулся Вознесенский.— «Богатейшее», «перспективное»... Никогда не спешите с подобными оценками. Сначала узнайте необходимые данные, изучите их, а потом уже делайте заключение.

Верхоглядство Вознесенский расценивал не просто как недостаток, а как серьезный деловой порок.

Долгое время в Госплане была популярна «история о старшем продавце», рассказанная Николаем Алексеевичем...

— Не хотите ли вы еще раз послушать историю о старшем продавце? — такой вопрос приходилось слышать в определенных ситуациях и автору...

— Не надо, Николай Алексеевич. Все ясно...

А первым эту историю услышал от Вознесенского начальник отдела черной металлургии М. Г. Попов.

В Госплан Попов пришел с крупного металлургического завода, где работал начальником мартеновского цеха. Это был здоровяк, настоящий богатырь. Ему ничего не стоило разорвать колоду карт или согнуть и разогнуть конскую подкову. Но не физическая мощь, а хорошее образование и незаурядные организаторские способности позволили Попову быстро выдвинуться из рядовых инженеров и стать сначала мастером, а потом начальником одного из основных на заводе цехов.

Однако работа в Госплане в корне отличалась от заводской как по характеру своему, так и по масштабам. Необходимо было научиться мыслить «по-госплановски», переключиться с заводских масштабов на общегосударственные, а это требовало известного времени.

Как видно, Попов еще не успел перешагнуть этот «временной порог», когда Вознесенский поручил ему составить цифровую справку о работе предприятий черной металлургии за 1937 год. (Это было в начале деятельности нового председателя Госплана, и не были еще заведены карманные справочники с необходимыми сведениями. Впоследствии, когда такие справочники появились, председателю уже не было нужды давать начальникам отделов подобные поручения.)

Спустя некоторое время Попов принес председателю Госплана требуемую справку.

Просмотрев ее, Вознесенский удивленно взглянул на Попова.

Потом, усмехнувшись, сказал:

— Хотите, расскажу я вам одну историю? Про старшего продавца.

— Про старшего? — спросил Попов, тщетно пытаясь скрыть недоумение.— Что ж, любопытно...

И, зная, что Николай Алексеевич мастер рассказывать, Попов поуютнее устроил в кресле свое мощное тело.

— Было это в начале нэпа,— начал рассказ Вознесенский.— Представьте себе небольшой приморский городок... Представили? Ну и прекрасно! Ранним утром владелец продовольственного магазина увидел приближавшуюся к берегу рыбацкую флотилию. Позвав младшего продавца, хозяин показал ему на подплывавшие баркасы и попросил пойти узнать, как обстоят дела у рыбаков. Быстро сбегав на берег и вернувшись, младший продавец сообщил: «У рыбаков плохой улов». Тогда владелец магазина позвал старшего продавца и слово в слово повторил свою просьбу. Старший продавец пробыл дольше на берегу, а вернувшись, доложил: «Рыбаки поймали пудов пятьдесят ставриды, пудов десять скумбрии и несколько пудов бычков. Я спросил, не продадут ли они рыбу нашему магазину. Они сказали — нет. Председатель рыболовецкой артели запретил сдавать рыбу в магазины, так как на рынке цены выше». Выслушав, владелец магазина повернулся к стоявшему рядом младшему продавцу и сказал: «Вот как надо выполнять мои поручения».

Закончив рассказ, Николай Алексеевич спросил:

— Ну как, мораль ясна?

— Какая мораль? — Слушая историю, Попов и думать позабыл о своей справке.

Но Вознесенский быстро напомнил о ней.

Взяв справку и встряхнув ею, он сказал:

— В данном случае, Михаил Георгиевич, вы мое поручение выполнили точно так же, как младший продавец поручение владельца магазина. Какие выводы я могу сделать, что извлечь из этой справки? Ровным счетом ничего! Вы, Михаил Георгиевич, инженер, начальник отдела, а не курьер. Прежде чем выполнять поручение, подумайте, прикиньте,— знания у вас есть. Правда, в нашем деле одних знаний маловато... Нужна еще инициатива. Без инициативы вы как специалист засохнете, превратитесь в механического исполнителя чужой воли, и грош вам будет цена!

Смущенный Попов сделал попытку оправдаться.

— Вы же знаете, Николай Алексеевич, я совсем недавно с завода, и многое мне пока еще внове...

— Знаю и потому делаю скидку,— сказал Вознесенский и улыбнулся.— Иначе, поверьте, я бы не истории занятные вам рассказывал, а придумал что-нибудь покруче... Жду от вас новую справку через три дня — в четверг.

И Вознесенский сделал пометку в настольном календаре.

...В конце 20-х и в начале 30-х годов квалифицированных кадров, способных работать в государственном аппарате и до конца преданных партии и Советской власти, недоставало. В советских государственных учреждениях работало немало бывших дореволюционных чиновников. Положение было явно ненормальным. Нужно было искать выход, и партия нашла его. Был создан так называемый институт рабочих-выдвиженцев. На руководящие посты в советский аппарат партийные и профсоюзные организации выдвинули тысячи передовых рабочих с производства. Были организованы различные

краткосрочные школы и курсы, расширена сеть средних вечерних общеобразовательных школ для рабочих, сокращен срок обучения в высших учебных заведениях и техникумах, в вузах по указанию партии прошли наборы рабочих с производства — «парттысячников», «профтысячников».

К числу рабочих-выдвиженцев принадлежал и управляющий делами Госплана СССР И. П. Семенов.

Человек беспокойный, настоящий большевик, Семенов был хорошим помощником председателю Госплана. Он не понимал слова «обязанность» и занимался всем, что так или иначе могло способствовать улучшению работы аппарата Госплана. Но это его достоинство иной раз оборачивалось недостатком. Слишком уж точно сориентированный на выполнение долга, Семенов часто не способен был замечать некоторых тонкостей в человеческих отношениях, и бывало, что «перегибал палку».

Скажем, вопрос дисциплины... Нельзя было не согласиться с требованием Семенова к сотрудникам Госплана являться на работу вовремя, минута в минуту занимать свои рабочие места. Однако в этом своем требовании управляющий делами заходил слишком далеко,— он не признавал никаких оправданий опозданию на работу, для него просто не существовало такого понятия, как «уважительная причина»: раз опоздал, значит — прогульщик, и никаких оправданий... Позиция простая, ясная, но далеко не всегда справедливая.

Не раз Вознесенский беседовал с Семеновым на эту тему...

— Нельзя к людям подходить с одной общей меркой,— говорил он.— Мы с вами, Иван Павлович, имеем дело с людьми советскими, с людьми качественно новой формации. Пусть психологию иных из них и нельзя пока еще признать подлинно социалистической, но это уже и не чеховские чиновники... И — неужто не замечаете,

Иван Павлович? — все они разные: по характеру, образованию, способностям, трудолюбию, наклонностям... Есть общие для всех вопросы, но решать их нужно дифференцированно — в зависимости от человека, от личности, которой этот вопрос коснулся. Это, кстати, касается и вопросов дисциплины. И верить людям нужно... Обязательно нужно верить людям и в людей, Иван Павлович! Без этого никак нельзя.

— Значит,— говорил на это Семенов,— значит, если сотрудник опоздал на работу, я его не наказать, а пожалеть должен. Погладить по головке, так?

Вознесенский улыбнулся.

— А что? И это не исключено.

С обычной своей горячностью Семенов вскочил, хлопнул ладонями по бедрам.

— Представляю! Представляю себе, что за богадельня бы получилась! — Он хитро прищурил глаза.— А по чьему предложению комиссия приняла решение сделать Госплан образцовым советским учреждением? Не по вашему ли, Николай Алексеевич? Вот и прекрасно! Давайте для начала и начнем дружно поощрять прогульщиков!

— Сядьте, не горячитесь,— усадил Семенова Вознесенский.— Не хотите вы меня понять, Иван Павлович...

Минуту помолчали.

— Хорошо,— снова заговорил Вознесенский.— Возьмем пример. Одна из наших сотрудниц явилась на днях на работу с опозданием на целый час, объяснив свою неаккуратность тем, что не с кем было оставить маленького ребенка. Объяснение трудно доказуемое. Как вы поступили?

— Наложил взыскание за нарушение трудовой дисциплины. А что мне оставалось делать?

— Многое оставалось, Иван Павлович. Многое... Можно было поговорить с этой сотрудницей, поинте-

ресоваться семейной обстановкой, трудностями... Можно было и дома у нее побывать. Не с целью проверки ее слов. И не в силу административного интереса, а чисто человеческого... Может, ей помощь нужна, а?

Семенов молчал.

— Работник вы хороший, нет слов,— продолжал Вознесенский.— Как начальника сотрудники вас уважают... А как товарища по работе? — Семенов не откликнулся.— Не задумывались над этим, Иван Павлович? Не верю. Не будем кривить душой: нет такого руководителя, который не хотел бы, чтобы подчиненные не только уважали его, но и по-товарищески любили...

Однажды к Вознесенскому пришел профессор Боголепов.

Он был явно взволнован — руки его дрожали, когда он молча положил перед Вознесенским лист бумаги.

— В чем дело, Михаил Иванович? — спросил Вознесенский.

От волнения отрывисто и слегка заикаясь Боголепов сказал:

— Прошу освободить... прошу освободить меня от работы в Госплане!..

— Вот как!.. Причина?

— Прошу извинить меня, уважаемый Николай Алексеевич, но объясняться я не намерен! Я не мальчик... м-да, далеко не мальчик, и поступок мой всесторонне обдуман!

Тут только Вознесенский осознал всю меру волнения старого профессора: вопреки уверению Боголепова, что он «далеко не мальчик», губы его предательски дрожали, как у обиженного, готового вот-вот расплакаться мальчишки.

Несмотря на сопротивление профессора, Вознесен-

ский усадил его в кресло, попросил успокоиться и рассказать все-таки, в чем дело, какова причина столь неожиданного решения.

Выяснилось, что управляющий делами уже несколько раз зачислил Боголепова в прогульщики. Профессору было уже за семьдесят, и здоровье было у него неважное...

— Для Семенова показатель работы — вовремя повешенный табельный номерок,— волнуясь, говорил Боголепов.— А для меня работа — сама работа, ее качество... Я, Николай Алексеевич, работаю и дома. А если честно признаться, в основном дома. Привык к обстановке, знаете ли... Лучше думается. А живу я за городом и, засидевшись за полночь, опаздываю, случается, на работу... Да и здоровье подводит, что говорить. А Семенов... Нет, уважаемый Николай Алексеевич, извините, так я работать не могу, не в состоянии!

— И в этом — вся причина столь категорического отказа сотрудничать в Госплане?

— А разве этого мало?! Нет, милейший Николай Алексеевич, это совсем-совсем не пустяки... Вы меня вынуждаете высказываться по темам, находящимся вне моей компетенции, но я скажу...

И все так же торопливо, а подчас и сбивчиво, Боголепов стал говорить о том, что было близко Николаю Алексеевичу и не требовало каких-либо пояснений и толкований,— о сущности работы ученого, о критериях оценки его труда. Волновало профессора именно последнее. И волновало в конкретной связи с фигурой и действиями управляющего делами Госплана.

Наконец Боголепов умолк, вынул большой измятый, но чистый платок и уголком его промакнул мелкие бисеринки пота, выступившие на щеках, под глазницами.

— Ну что ж, Михаил Иванович,— сказал Вознесенский,— вопрос, затронутый вами, мы обсудим и решим.

Скажу пока одно: из-за подобной нелепой причины терять столь опытного и знающего специалиста, как вы, я не намерен. Поезжайте домой, отдохните, успокойтесь, поостыньте... А завтра утром — прошу ко мне.

После того как Боголепов ушел, Вознесенский вызвал к себе управляющего делами.

— Только что у меня был профессор Боголепов,— сказал Николай Алексеевич.— Просит освободить его от работы.

Он замолчал, ожидая реакции Семенова.

— Ну что тут сказать...— отозвался тот.— Правильно, наверно, просит. Трудно ему — стар, часто болеет, опаздывает на работу чуть ли не через день...

Глаза у Вознесенского сузились.

— И это все, что вы можете сказать о Боголепове? — спросил он.

Семенов подумал, пожал плечами...

— А знаете ли вы,— сказал Вознесенский,— что, несмотря на его скромную должность старшего экономиста, без участия Боголепова не обходится ни одно заключение по проектам государственного бюджета и кредитного плана, представляемым Госпланом в правительство? Знаете ли вы, что Михаил Иванович Боголепов — один из лучших знатоков отечественных и зарубежных финансов?

Семенов молчал, глядя на пальцы, которыми он неслышно барабанил по столу.

— И еще одно обстоятельство,— продолжил Вознесенский.— Да, Боголепов стар и немощен. Но у него светлая голова, и он любит свое дело, отдает ему все оставшиеся у него силы. И кто знает, Иван Павлович, может, ежедневная занятость своей любимой профессией — это единственная нить, связывающая теперь профессора Боголепова с жизнью... В праве ли мы оборвать эту нить?

На следующий день Боголепов пришел к Вознесенскому не утром, а в середине дня. Лицо у Михаила Ивановича было одутловатым, опухшим, под глубоко запавшими глазами залегли тени... Двигался он замедленно, неуверенно.

Предложив профессору сесть, Вознесенский сказал:

— Вот что, Михаил Иванович... Забудьте вы о столь раздражающем вас табельном номере и не вспоминайте впредь. Предлагаю вам такой порядок работы. Непосредственно от меня вы будете получать задания по исследованию того или иного финансового вопроса и представлять мне точно в указанный срок соответствующую справку. А где вы работаете — на даче, в библиотеке или на квартире,— это ваше дело. Согласны?

Боголепов медленно поднялся...

Нервы у него были далеко не в идеальном порядке: старый профессор едва сдерживал слезы.

Заметив это, Вознесенский сдвинул брови, нахмурился, движением пальца подвинул к Боголепову сколотые скрепкой листы бумаги.

— Вот, товарищ Боголепов. Это — первое задание. Тут же указан и срок выполнения...

...Ровно через месяц, значительно раньше указанного срока, обстоятельный и академически точный анализ денежного обращения в Германии (таков был характер задания, данного Боголепову) лежал на столе председателя Госплана СССР

Только тот человек... может быть счастлив, который ставит перед собою большие цели и борется за них всеми своими силами.

М. И. Калинин

Генеральный хозяйственный план

В беседах с сотрудниками Госплана Вознесенский все чаще останавливался на мысли, что социалистическое строительство, дальнейший индустриальный и технический подъем страны требуют более развернутой во времени программы, чем пятилетний план.

Как-то раз, обсуждая эту тему, Николай Алексеевич спросил у одного из своих заместителей:

— Как вы относитесь к возможности создания плана экономического развития страны сроком на 15, а может, и на 20 лет?

Помолчав, его собеседник сказал:

— Не знаю, право... Настало ли время для этого?

— Как вас понимать? — удивился Вознесенский.— Вы считаете, что Госплан СССР еще не созрел для решения подобной задачи?

— Нет, этого я не думаю. Однако...

А Госплан тем временем занимался разработкой и составлением плана третьей пятилетки... Решались крупные хозяйственные задачи. Большую часть своего рабочего дня, длившегося с 10 часов утра до 2—3 часов ночи, Вознесенский отдавал проблемам третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР.

Третий пятилетний...

Если главным содержанием плана первой пятилетки

было создание фундамента социалистической экономики, а во второй пятилетке ставилась главная хозяйственная задача — завершить в основном технико-экономическую реконструкцию народного хозяйства, то в третьем пятилетнем плане первостепенные вопросы социалистического строительства решались по-новому.

Опираясь на достигнутые большие успехи в развитии советской экономики за истекшее десятилетие, в третьем пятилетнем плане можно и нужно было научно обосновать проектировки, обеспечивающие дальнейшее развитие первой фазы коммунизма на одной шестой части земного шара, укрепление обороноспособности страны социализма, имея в виду, что в Европе сильно пахло порохом...

Третья пятилетка являлась, прежде всего, пятилеткой химии, пятилеткой специальных сталей.

В третьем пятилетнем плане предусматривалось резкое увеличение прироста мощностей электростанций и всемерное развитие машиностроения как основы всей социалистической индустрии.

Разработка третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства явилась наиболее серьезным экзаменом для молодого председателя Госплана СССР, и он его успешно выдержал.

Оценивая впоследствии качество третьего пятилетнего плана, Институт экономики Академии наук СССР писал: «Третий пятилетний план, разработанный под руководством Вознесенского, является планом подготовки страны к обороне и крупным вкладом в теорию планирования».

Пятилетка пятилеткой, а мысль о перспективном плане, рассчитанном на более длительный период, не оставляла Николая Алексеевича...

В марте 1939 года состоялся XVIII съезд ВКП(б).

Одним из главных вопросов работы съезда было утверждение третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР.

С докладом о новом пятилетнем плане выступил председатель Совнаркома СССР В. М. Молотов. Перед советским народом ставилась грандиозная задача — догнать наиболее развитые в экономическом отношении капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки. Выполнять эту задачу приходилось в условиях военного психоза, охватившего Западную Европу, поэтому значительное место в плане занимали проблемы укрепления обороноспособности Советского государства.

Съезд одобрил план третьей пятилетки, содержавший программу дальнейшего развертывания социалистического строительства, укрепления экономики и обороноспособности страны.

В прениях по докладу выступил и Вознесенский.

Заканчивая свою короткую речь, он сказал: «Историческая полоса завершения строительства социалистического общества и перехода к коммунизму, задача — догнать и перегнать передовые капиталистические страны в экономическом отношении выходит за пределы третьей пятилетки. Правильный учет всех народнохозяйственных связей и пропорций, связанных с разрешением этих исторических задач, выдвигает на очередь дня вопрос о разработке генерального хозяйственного плана, рассчитанного на несколько пятилеток...».

Решительный шаг был сделан: вопрос о разработке генерального плана развития народного хозяйства Советского Союза был поставлен на всесоюзном форуме коммунистов страны...

Еще в августе 1938 года, на второй сессии Верховного Совета СССР, Вознесенский говорил:

— Началось, товарищи, историческое соревнование страны социализма, нашего великого Советского Союза, со страной капитализма — Соединенными Штатами Америки — по уровню развития производительных сил. У нас нет никакого сомнения, что в этом историческом соревновании победителем будет страна социализма.

И в 1939 году советский народ уже радовался сообщению, что по темпам развития промышленность Советского Союза стоит на первом месте в мире.

В энергетическое хозяйство страны влились мощные потоки электроэнергии красавца Днепрогэса... Непрерывным потоком сходила сельскохозяйственная техника с конвейеров Харьковского и Сталинградского тракторных... Все новые и новые потоки металла давал набиравший силы Магнитогорский металлургический.

Это были не просто хозяйственные успехи страны. Это была яркая демонстрация возможностей разворота производительных сил в условиях социалистического общества.

Догнать и перегнать... Эти слова стали лозунгом строек и промышленных предприятий страны. Сокращенное их звучание — ДИП присваивали вновь выпускаемым станкам.

Догнать и перегнать...

Энтузиазм советских людей был мощным и всеобщим. Случалось, правда, что звучали и такие настроения: а что, мол, нам Америка! Дескать, «шапками закидаем»!..

Вознесенский был далек от подобных настроений. Он отчетливо сознавал, сколь велика и сложна поставленная перед страной задача. И понимал, что под народный энтузиазм необходимо подвести серьезную материальную и научную базу,— только тогда задача экономического и технического опережения самой развитой

из капиталистических держав станет реально выполнимой.

Стремясь к тому, чтобы все проблемы развития советской экономики решались на самом высоком научном уровне, Вознесенский предложил создать в Госплане СССР Совет научно-технической экспертизы.

Такой совет был образован в конце 1939 года. В его состав вошли академики В. П. Никитин, В. Н. Образцов, В. С. Кулебакин, Е. А. Чудаков, профессора А. П. Ахутин, В. М. Келдыш, Е. А. Руссаковский и другие крупные ученые. Немного позднее Совет научно-технической экспертизы был пополнен академиками А. А. Байковым, Л. Д. Шевяковым, С. Г. Струмилиным, И. А. Трахтенбергом и рядом членов-корреспондентов Академии наук СССР.

Посоветовавшись с крупнейшими учеными страны и ведущими специалистами Госплана, Вознесенский ставит на расширенном заседании Государственной плановой комиссии вопрос о разработке и теоретическом обосновании ряда перспективных проблем развития народного хозяйства СССР, которые позволят значительно расширить энергетическую базу социалистического строительства. В результате Государственная плановая комиссия принимает решение:

«Создать в Госплане экспертные комиссии для разработки следующих перспективных вопросов:

о строительстве Ангарского гидроузла;

о поднятии уровня Каспийского моря и соединении Волги с северными реками...»

Развивая ленинские идеи об электрификации России, Вознесенский огромное значение придавал электроэнергетике. Еще в 1936 году он писал: «Электрификация всей страны — центральная задача социалистического общества в деле подготовки материально-технической базы коммунизма».

Давно были выношены и мысли о комплексном планировании экономических районов как народнохозяйственных комбинатов гигантских комбинированных производств с наиболее полным и рациональным использованием всех природных богатств... Такие комбинаты обеспечили бы новое размещение производительных сил в стране, еще более укрепили бы экономическую базу, да и не только экономическую, они способствовали бы развитию социалистических наций в нашей стране, радикально разрешили бы проблемы ранее отсталых окраин; они дали бы возможность рационально разместить промышленность в СССР с точки зрения близости ее к источникам сырья, повысить производительность труда, наиболее удачно осуществить технико-экономическую реконструкцию на базе единого районного, а в дальнейшем и межрайонного энергетического хозяйства...

Эти мысли и идеи могли бы найти реальное воплощение при разработке Генерального хозяйственного плана, но решения по этому вопросу пока еще не было...

Разносторонние познания Вознесенского, их энциклопедичность не раз приводили в удивление специалистов, не знавших его близко.

Вскоре после учреждения Совета научно-технической экспертизы на заседании Государственной плановой комиссии обсуждался вопрос о повышении октанового числа в бензине. Основным докладчиком был Вознесенский.

Выступая с докладом, Николай Алексеевич был, как всегда, последователен и точен. Подробно осветив вопрос наличия и использования нефтеперерабатывающих производственных мощностей, увязав программу выпуска бензина на ближайшие годы с ростом автомо-

бильного парка, он перешел к вопросу качества бензина... О том, на каком высоком профессиональном уровне был освещен и разобран Вознесенским этот вопрос, говорит последовавший после заседания диалог между автором этих строк и членом Совета научно-технической экспертизы академиком В. Н. Образцовым.

— Скажите,— задал вопрос академик,— сколько лет Николай Алексеевич проработал в нефтяной промышленности?

— Ни одного дня.

— А в автомобильной промышленности?

— Тоже не работал.

— Кто же он тогда по профессии?

— Экономист.

— Экономист-нефтяник?

— Нет, экономист широкого профиля. Окончил в свое время Институт красной профессуры, имеет ученую степень доктора экономических наук...

Академик Образцов удивленно развел руками:

— М-да... Поразительно! Доктор-то доктор, но выступать столь убедительно по такому узкоспециальному техническому вопросу, да еще без всякой «шпаргалки» — это, знаете ли...

«Узкоспециальные» вопросы, имевшие, однако, общегосударственное значение, все чаще и чаще поднимались на заседаниях Государственной плановой комиссии. Самомнением Вознесенский никогда не страдал. Было понятно, что решение таких вопросов возможно лишь после тщательного их анализа с профессиональных позиций. И Николай Алексеевич предлагает учредить в Госплане штатные должности экспертов. На эти должности назначались лица, имевшие ученую степень доктора наук по соответствующей специальности.

Николай Алексеевич ждал решения ЦК партии и правительства по поставленному им вопросу о разработке Генерального плана развития народного хозяйства страны. Снова и снова анализируя состояние экономики Советского государства, достигнутые ею успехи, он стремился дать научный ответ: своевременно ли им выдвинута идея Генерального плана...

Быть может, прав был его заместитель — не пришло еще время для создания столь грандиозной программы...

В. И. Ленин писал: «Повторяю, надо увлечь *массу* рабочих и сознательных крестьян *великой* программой на 10—20 лет». Это ленинское «повторяю» звучало для Вознесенского, как наказ.

Но есть у Владимира Ильича и другое высказывание. «Плохо то,— писал он,— когда из бесспорной истины путем упрощения и аляповатого применения ее начинают делать нелепые выводы». Таким «аляповатым применением» ленинского наказа было бы несвоевременное его выполнение.

Тут важен вопрос готовности...

Не его, Вознесенского, и не Госплана... Готова ли страна?

И Николай Алексеевич засиживался допоздна, размышляя, вновь и вновь взвешивая все «за» и «против» грандиозного плана развития хозяйства страны, рассчитанного на полтора десятилетия.

Автор, ежедневно и по нескольку раз в день бывавший в те времена в кабинете Вознесенского, не раз видел в раскрытом блокноте, лежащем на рабочем столе Николая Алексеевича, записи такого характера: «Как думал В. И. по вопросу...», «Прочесть Ленина т... стр...», «Где сказано у В. И. о...».

Однажды — было уже далеко за полночь — раздался звонок аппарата правительственной АТС.

Николай Алексеевич снял трубку.

Раздался хорошо знакомый — спокойный, размеренный, с заметным акцентом — голос:

— Здравствуйте, товарищ Вознесенский.

Николай Алексеевич ответил приветствием. Пауза.

— На съезде нашей партии вы, товарищ Вознесенский, высказали мысль о разработке плана развития хозяйства, рассчитанного на несколько пятилетий...

Пауза.

— Да, товарищ Сталин.

— Мысль интересная и своевременная. (Пауза.) А где конкретные предложения? (Пауза.) Или Госплан не готов еще высказаться по этому вопросу конкретно?

— Госплан, товарищ Сталин, может подготовить соответствующие предложения в весьма сжатые сроки...

— Очень хорошо.

Пауза. Отбой.

Положив трубку, Вознесенский долго и нещадно ругал себя. Как же это случилось — он, так часто говоривший об инициативе, требовавший ее от подчиненных, сам же пустил важнейшее дело на самотек: бросил фразу о Генеральном хозяйственном плане и, словно рыбак, бросивший приманку, укрылся в кустах, ожидая,— клюнет или нет?.. Мальчишество! Конкретные предложения давно уже нужно было передать в ЦК партии и правительство! Чего он ждал? А может быть, причина тому — крывшиеся в нем сомнения в верности принятого решения? Может быть, потому он и ждал реакции вышестоящих органов?.. Вот и дождался...

Времени для самоанализа не было. Да и занятие это в данной ситуации было пустым, ненужным. На скрытый в словах, но явно ощущавшийся в интонации голоса Сталина упрек надо было отвечать делом. Отвечать немедленно.

В сентябре 1940 года Вознесенский оглашает на очередном заседании Государственной плановой комиссии докладную записку, предназначенную для отправки в ЦК партии и Совнарком СССР.

В этой записке, в частности, было сказано:

«Задача — перегнать экономически главные капиталистические страны — требует решения ряда вопросов, выходящих за рамки третьей и даже будущей четвертой пятилетки. У нас нет хозяйственного плана, рассчитанного на решение этой исторической задачи, поставленной XVIII съездом ВКП(б), между тем необходимость в таком хозяйственном плане чувствуется все более.

Крупнейшие вопросы развития народного хозяйства СССР: строительство заводов черной и цветной металлургии; завершение реконструкции железнодорожного транспорта; строительство Куйбышевского, Соликамского и Ангарского гидроузлов; осуществление Байкало-Амурской железнодорожной магистрали; создание топливной и металлургической базы в северных районах европейской части СССР; развитие отдельных экономических районов СССР — могут быть правильно решены только с учетом перспектив развития всего народного хозяйства СССР».

Развернув в докладной записке широкие перспективы и возможности планирования, рассчитанного на много лет вперед, Вознесенский подчеркивает и огромное политическое значение такого плана.

В заключение он просит ЦК партии и правительство разрешить Госплану СССР разработать и представить в ЦК ВКП(б) Генеральный хозяйственный план, рассчитанный на 15 лет.

Официальная записка была единогласно одобрена Государственной плановой комиссией и направлена в ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР.

Еще в 1932 году Вознесенским была опубликована статья «Составление плана построения социалистического общества — дело миллионов». В этой небольшой статье была высказана интересная мысль. Вознесенский предлагал при планировании народного хозяйства, в частности при размещении производительных сил, решительно покончить с действовавшей уравниловкой в отношении районов, выражавшейся в пропорциональном выделении капиталовложений. Каждый экономический район, согласно предложению Вознесенского, должен был иметь свой конкретный план развития хозяйства с точным учетом особенностей района — в первую голову национальных,— их экономики и природных ресурсов.

Мысль эта была высказана в те времена, когда Вознесенский не имел возможности прямо, непосредственно влиять на организационные вопросы планирования народного хозяйства. Теперь такая возможность была...

Но — старая истина! — дельное предложение куда проще высказать, чем претворить его в жизнь...

Николай Алексеевич долгое время не знал покоя, пытаясь найти решение проблемы организации государственного планирования в двух плоскостях: отраслевое — от союзного наркомата до завода и территориальное — от области до Госплана СССР. И второй вопрос: каким образом научно сочетать эти два рода планирования?

Все дело в том, что Госплан СССР в те времена не имел на местах никаких органов, на которые он мог бы опираться в своей работе по составлению народнохозяйственных планов и проверке их выполнения. Местные плановые комиссии были подчинены исполкомам местных Советов и соподчинены госпланам союзных республик. Республиканские госпланы находились в подчинении совнаркомов союзных республик... Таким образом

Госплан СССР был оторван от местных и республиканских плановых комиссий, хорошо знакомых с особенностями своего хозяйства, а местные и республиканские плановые комиссии, в свою очередь, не могли вмешиваться в планирование развития производства предприятий союзного подчинения, находящихся на их территории.

Положение сложилось явно ненормальное...

В результате долгих раздумий и поисков решение наболевшего вопроса было найдено: надо создать органы Госплана СССР в крупных экономических районах Советского Союза. Органы непосредственного, прямого подчинения союзному Госплану, находящиеся на местах... В условиях того времени это был, пожалуй, единственный и наиболее целесообразный выход из создавшегося положения.

Вознесенский вносит вопрос о создании института уполномоченных Госплана СССР в экономических районах страны на обсуждение Государственной плановой комиссии.

Всесторонне обсудив предложение своего председателя, Государственная плановая комиссия единодушно поддержала его. А вскоре после этого Совет Народных Комиссаров СССР придал решению Государственной плановой комиссии законную силу.

Георгий Степанович Быков, один из первых уполномоченных Госплана СССР (по Уралу) рассказывает:

— Собрав уполномоченных на первое инструктивное совещание, Вознесенский вручил нам мандаты за подписью председателя Совета Народных Комиссаров СССР. Эти мандаты не только предоставляли нам широкие права, но и подчеркивали степень возложенной на нас ответственности. Аппарат сотрудников каждого из уполномоченных Госплана был невелик — всего тридцать — сорок (в зависимости от района) высококвали-

фицированных специалистов. Но задачи, которые поставил перед нами председатель Госплана, были очень серьезны. Они заинтересовали, увлекли нас. Это и выявление резервов в народном хозяйстве, и мобилизация местных продовольственных и других товарных ресурсов; это и контроль за созданием в экономических районах собственной топливной базы, за обеспечением их электроэнергией... Но главное, что нам поручалось,— это систематическая проверка выполнения государственного плана, принятие оперативных мер в ходе проверки и обеспечение комплексного развития хозяйства экономических районов страны.

Но создание института уполномоченных Госплана СССР было лишь первым шагом в деле организации большой работы по планированию развития экономических районов. Необходимо было сделать и второй шаг — организовать такое планирование в центральном аппарате Госплана СССР. А для этого требовалось изменить структуру Госплана, в котором не было ни одного подразделения, специально занимавшегося экономическими районами.

И Вознесенский добивается в Совнаркоме СССР разрешения на организацию в центральном аппарате Госплана СССР девяти специальных отделов территориального планирования. Эти отделы, опираясь на уполномоченных Госплана, должны были проводить весь сложный комплекс работ по планированию и проверке выполнения планов развития экономических районов страны с учетом конкретных особенностей каждого из районов.

Отныне обе плоскости планирования народного хозяйства страны — отраслевое и территориальное — пересекались в едином органе: Госплане СССР...

Февраль 1941 года был для Госплана СССР и его председателя месяцем важных событий.

Вот они.

Событие первое.

15 февраля 1941 года председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский выступил на XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б) с докладом о хозяйственных итогах 1940 года и о плане развития народного хозяйства СССР на 1941 год. Вознесенский расценивал свое выступление как отчет перед партией о работе руководимого им коллектива Госплана СССР, а следовательно — и о своей работе.

Готовился к докладу Николай Алексеевич долго и тщательно. Скрупулезно проверял и уточнял каждую цифру, подолгу обдумывал и мысленно шлифовал каждую фразу.

Доклад Вознесенского привлек всеобщее внимание.

Он отличался точностью оценок мировых политических событий и влияния их на экономическую политику Страны Советов.

Вспомним международную обстановку того времени...

В Европе полыхала вторая мировая война, развязанная фашистской Германией. После кровавого захвата в 1939 году Польши гитлеровские полчища устремились на запад и, не встречая серьезного, организованного сопротивления, в короткий срок заняли Бельгию, Голландию, Данию, Норвегию, Люксембург. Вскоре у ног Гитлера лежала поверженная Франция. Преданные своими правителями, в подчинении нацистской Германии оказались народы Венгрии, Румынии и Болгарии.

По всей своей западной границе — от Балтийского моря до Черного — Советский Союз оказался лицом к лицу с заклятым врагом коммунизма — гитлеровским фашизмом.

Несмотря на заключенный Советским Союзом с Германией 23 августа 1939 года пакт о ненападении, обстановка была тревожной.

Учитывая напряженность международной ситуации, Госплан СССР рассматривал задания, включаемые в народнохозяйственный план на 1941 год, с позиций повышения мобилизационной готовности экономики страны. Это явилось исходным моментом доклада Н. А. Вознесенского на XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б).

Определив современную войну как войну моторов и войну резервов, докладчик подчеркнул, что Советский Союз не может не учитывать этих технико-экономических, как и других особенностей современной войны, и принимает меры к тому, чтобы вооружить свое народное хозяйство передовой техникой, держать страну в состоянии должной готовности.

В основных своих задачах годовой план, представленный на утверждение Всесоюзной партконференции, соответствовал общим задачам, предусмотренным планом третьей пятилетки.

В докладе отразилось и умение Вознесенского через частные события приходить к широким обобщениям. Так, приведя пример технико-экономического эффекта от замены ковки штамповкой при изготовлении деталей на одном из машиностроительных заводов, Вознесенский перешел к проблеме общего улучшения технологии машиностроения. С новыми цифрами в руках Вознесенский доказывает необходимость автоматизации технологических процессов в литейном деле, широкого внедрения сварки голым электродом по методу Института электросварки Академии наук УССР, применения станков с приборами автоматического контроля... И еще раз подчеркивает значение технического плана как составной и очень важной части плана развития народного хозяйства страны.

XVIII Всесоюзная партконференция одобрила работу Госплана СССР и утвердила представленный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год.

Состоявшийся вскоре после этого Пленум Центрального Комитета избрал Н. А. Вознесенского кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Событие второе.

Во второй половине февраля Вознесенского вызвал Сталин.

Вернувшись в Госплан, Николай Алексеевич тут же собрал членов Государственной плановой комиссии. Он был в приподнятом настроении, возбужден (а это редко бывало заметно). Весело поблескивая глазами, Вознесенский сообщил, что Центральный Комитет партии и Совнарком СССР дали указание приступить к разработке Генерального хозяйственного плана.

— Решение по этому вопросу товарищ Сталин обещал оформить в ближайшее время,— добавил он.— Как только решение правительства будет опубликовано в печати, мы с вами соберемся и поговорим на эту тему более предметно и обстоятельно.

Через несколько дней «Правда» опубликовала сообщение Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и Совета Народных Комиссаров СССР о том, что Госплану поручено разработать Генеральный план развития народного хозяйства Советского Союза, рассчитанный на 15 лет.

Сообщение появилось в газете 22 февраля 1941 года...

Событие третье.

И в тот же день — 22 февраля — страна отмечала двадцатилетие ленинского декрета о создании Государственной общеплановой комиссии.

По поручению Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин вручил большой группе работников Госплана СССР ордена и медали за успехи

в развитии планирования народного хозяйства страны. Вознесенский был награжден орденом Ленина.

Отпраздновав свой юбилей торжественным заседанием в концертном зале имени Чайковского, Государственная плановая комиссия собралась на расширенное заседание для обсуждения вопросов разработки Генерального хозяйственного плана.

Этот необыкновенный день надолго запомнился участникам заседания... Вспоминая его, заместитель председателя Госплана А. Ф. Зеленовский, бывший помощник председателя Госплана С. А. Гурвич, начальник отдела Госплана Н. А. Казарцев и главный специалист Госплана С. В. Каландадзе, рассказывают следующее.

...В тот день просторный, отделанный дубом зал заседаний Государственной плановой комиссии был заполнен до отказа. Сотрудники всех отделов и управлений, молодые специалисты и убеленные сединами академики... Кстати сказать, приглашение академиков на это заседание не было случайным. Вознесенский справедливо полагал, что Госплан не может полнокровно работать без постоянной и прочной опоры на науку и ее представителей. И он привлек к работе в качестве членов Государственной плановой комиссии ряд крупных ученых — академиков В. П. Никитина и В. Н. Образцова, члена-корреспондента Академии наук СССР В. П. Бушинского, доктора экономических наук профессора М. А. Рубинштейна и других.

В ожидании начала заседания зал сдержанно гудел.

Вознесенский вошел радостно возбужденный, каким его не видали, пожалуй, никогда даже ближайшие помощники.

Зал затих.

Негромким голосом, отчетливо выговаривая слова, Вознесенский огласил постановление ЦК партии и правительства, которым Госплану СССР поручалось раз-

24-я годовщина Великого Октября. На трибуне (слева направо): Н. М. Шверник, Н. А. Вознесенский, А. А. Андреев, М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов (гор. Куйбышев, 1941 г.).

Н. М. Шверник и Н. А. Вознесенский среди награжденных работников Госплана СССР. 1944 г.

работать Генеральный хозяйственный план на 15 лет.

Сделав паузу, Вознесенский сказал:

— Такая крупномасштабная работа будет проводиться впервые в истории социалистического планирования. Задание почетное, ответственное и небывалое по своему размаху. Уверен, что коллектив Госплана СССР с честью выполнит его.

После того как стихли аплодисменты, Вознесенский заговорил вновь.

Николай Алексеевич делился с многочисленной аудиторией специалистов и ученых своими сокровенными, выношенными годами мыслями. Здесь были и трезвые оценки возможностей развития той или иной отрасли производства, и взлет мечты, которую подчас можно было бы назвать фантастической, если бы исходила она не от этого человека, прочно стоявшего на земле и умевшего столь реально глядеть на мир.

Говорил Вознесенский более часа, и все это время в зале стояла напряженная, свидетельствовавшая о глубочайшем интересе тишина, прерываемая лишь аплодисментами.

Начав с Томаса Мора и Кампанеллы и закончив великим нашим соотечественником Н. Г. Чернышевским, председатель Госплана изложил перед участниками заседания краткий, но блестящий очерк развития утопического социализма, сказал, что Маркс и Энгельс превратили социализм из утопии в науку, ту науку, которая на практике претворяется в жизнь Коммунистической партией в Советской стране.

— Мечтая о светлом будущем человечества, об обществе без паразитов и тунеядцев,— говорил Вознесенский,— великие мыслители прошлых веков не знали и не могли знать путей преобразования общества на коммунистической основе. Гений Маркса — Энгельса — Ленина открыл эти пути и научно доказал не только

необходимость, но и объективную неизбежность крушения царства эксплуатации человека человеком. Руководствуясь единственно научной теорией перестройки общества — теорией марксизма-ленинизма,— народы Советского Союза под водительством Коммунистической партии построили социалистическое общество, создали новую, социалистическую экономику, в корне отличную от экономики капитализма. Советский Союз успешно завершил первый пятилетний план, а в 1933—1937 годах выполнил, в основном, главную и решающую хозяйственную задачу второй пятилетки — завершение технической реконструкции народного хозяйства СССР и находится в расцвете, наращивая экономический потенциал в духе решений XVIII съезда ВКП(б) о третьем пятилетнем плане. Совершен гигантский скачок — от предреволюционной России, зависимой от мирового империализма, к свободной, самостоятельной стране, обладающей мощной социалистической индустрией.

Но этого мало. Наша цель — коммунизм. Для построения коммунистического общества требуется привести в действие все ресурсы, все резервы, которыми располагает наша великая Родина. Создав Генеральный хозяйственный план, рассчитанный на много лет вперед, мы откроем нашему народу, народу-творцу, перспективу постепенного созидания будущего здания коммунизма. Это еще больше воодушевит советских людей на великие свершения во имя самой справедливой, самой счастливой жизни на земле. Развитие производительных сил, способных обеспечить создание изобилия материальных и духовных благ, зависит от того, насколько правильно будет поставлено решение коренных проблем развития народного хозяйства Советского Союза.

Владимир Ильич Ленин говорил: *«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей*

страны». В свете ленинских указаний электрификация есть ключ, которым мы откроем двери в коммунистическое общество. Еще на заре Советской власти Ленин поставил вопрос о разработке перспективного плана, рассчитанного на 10—15 лет, каким и явился составленный под его руководством знаменитый план ГОЭЛРО. Сейчас перед нашей страной стоят грандиозные проблемы, которые ранее не могли быть на повестке дня. Решение этих проблем выходит далеко за рамки третьей пятилетки. Возьмем хотя бы самую близкую нам проблему — строительство Куйбышевского гидроузла. Выполняя задание Центрального Комитета партии и Совнаркома СССР, Госплан уже более двух лет занимается этой проблемой. К разработке вопросов, связанных со строительством гидроузла, привлечены все структурные подразделения Госплана, а для координации всех мероприятий по планированию этой гигантской стройки, включающей не только собственно гидроузел, но и связанные с ним отрасли народного хозяйства, мы организовали в Госплане специальную группу во главе с товарищем Лаврищевым — моим заместителем и крупным специалистом по гидротехническим сооружениям. И нам ясно, что строительство Куйбышевского гидроузла — это не просто проблема постройки мощной ГЭС на Волге. Куйбышевский гидроузел — это крупный промышленно-экономический комплекс на базе дешевой электроэнергии, включающий в себя строительство химических заводов, создание алюминиевой промышленности, введение в строй ряда предприятий по производству стройматериалов на местном сырье, решение проблемы ирригации Заволжья, улучшение речного судоходства, рыбного хозяйства... Завершение всех этих работ будет означать создание мощного народнохозяйственного комбината Средне-Волжского экономического района. В настоящее время Госплан разрабатывает

схему размещения производительных сил районов, связанных с Куйбышевским гидроузлом, на четвертое и пятое пятилетия... Сама жизнь, товарищи, толкает нас на то, чтобы разработать народнохозяйственную программу, охватывающую не одно, а несколько пятилетий.

Говоря без заранее подготовленного текста, свободно и просто, председатель Госплана смелыми мазками продолжал рисовать перед присутствующими картины преобразования хозяйства Родины, бережного отношения к ее природным богатствам.

Слушали Вознесенского, затаив дыхание.

— Но кто может утверждать,— говорил Николай Алексеевич,— что мы ограничимся сооружением лишь одной крупной гидроэлектростанции на Волге? А Днепр? Разве на этой полноводной и быстротечной реке достаточно одного Днепрогэса? Правильнее будет предположить, что на этих могучих реках мы создадим каскады гидроэлектростанций. Да и сооружение Куйбышевского гидроузла — это лишь одна из грандиозных проблем нашего ближайшего будущего. В 1939 году мы создали экспертные комиссии, состоящие из крупных ученых и специалистов, которым поручена разработка таких перспективных вопросов, как строительство еще одного гидроузла — Ангарского, как поднятие уровня Каспийского моря и соединение Волги с северными реками... Вдумайтесь только, товарищи,— повернуть вспять течение северных рек и соединить их с Волгой! Это такое наступление на матушку природу, какого она до сих пор еще не знала... Каспийское море мелеет с каждым годом. А это — важнейшая водная магистраль, это водоем, поставляющий ценнейшие сорта рыбы. Следует помнить, что создание на Волге каскадов гидроэлектростанций неизбежно приведет к еще большему понижению уровня Каспийского моря. Именно этим вызвана необходимость соединения Волги через Каму с север-

ными реками — Печорой и Вычегдой. Построив водохранилища в верховьях Печоры, Вычегды и Камы, мы сможем ежегодно перебрасывать в Волгу, а через нее — в Каспийское море десятки кубических километров воды. Тем самым мы восстановим и будем поддерживать необходимый оптимальный уровень Каспийского моря. Мало того, поворот стока северных рек позволит улучшить ирригацию Заволжья, по-новому поставить вопросы рыбного хозяйства и речного транспорта... Наконец, это даст возможность увеличить в будущем выработку электроэнергии как на запроектированной уже Куйбышевской ГЭС, так и на других, новых электростанциях, которые будут воздвигнуты на Волге и Каме...

Далее Вознесенский раскрыл перед присутствующими перспективы развития народного хозяйства Сибири и Дальнего Востока в результате ввода в строй Ангарского гидроузла, гораздо более мощного, чем Куйбышевский, народнохозяйственного комплекса как по количеству вырабатываемой электроэнергии (порядка 90 миллиардов киловатт-часов в год), так и по развитию различных отраслей промышленности: производству алюминия, химических продуктов, бумаги, целлюлозы, цветных и редких металлов, добычи золота и ценных минералов.

Цифра возможной выработки электроэнергии на Ангарском гидроузле была названа Вознесенским не случайно. Еще в 1936 году, изучая энергетические ресурсы страны, Вознесенский писал: «Естественные производительные силы в СССР неизмеримы. Энергетические ресурсы обеспечивают сказочный рост электроэнергии. Одни водные ресурсы страны могут дать мощность свыше 190 миллионов киловатт. Чтобы стал ясным размер этого богатства, достаточно вспомнить, что мощность всех электростанций в СССР составляет около семи миллионов киловатт, а в Соединенных Шта-

тах Америки — 45 миллионов киловатт. СССР обладает 15,3 процента мировых запасов угля, 34,4 — нефти, 17,5 — леса, 40 — торфа и 35 процентами водных ресурсов. Один «Ангарстрой» создаст в Восточно-Сибирском крае гидроэлектростанции мощностью в 10—12 миллионов киловатт[1] с годовой отдачей около 90 миллиардов киловатт-часов, т. е. почти столько же энергии, сколько вырабатывается всеми электростанциями общего пользования в Соединенных Штатах Америки».

Развернув перед присутствующими в зале панораму будущего Ангары, определив промышленно-экономический комплекс на базе Ангарского гидроузла как Ангаро-Байкальский, председатель Госплана подчеркнул огромную роль создания таких промышленно-экономических комплексов, как Средне-Азиатский, располагающий большими источниками энергии и сырья, и Казахстанский — с карагандинским углем и большими запасами медной руды.

— Исключительное значение,— продолжал Вознесенский,— создания таких народнохозяйственных комплексов, как Ангаро-Байкальский, Средне-Азиатский и Казахстанский, заключается еще и в том, что они будут находиться в глубоком тылу и неуязвимы при возможном нападении врага на нашу Родину.

Заканчивая эту речь, Николай Алексеевич сказал:

— Свободный труд свободного человека сделает чудеса. Уничтожение классов при коммунизме положит

---

[1] Определяя мощность будущих ангарских гидроэлектростанций в 10—12 миллионов киловатт, Вознесенский оказался близко к истине, так как в наши дни общая мощность действующих, строящихся и проектируемых гидроэлектростанций Ангарского каскада — Иркутская ГЭС, Братская ГЭС, Усть-Илимская ГЭС и Богучанская ГЭС — составляет около 13 миллионов киловатт. (Данные Госплана СССР).

конец общественным преградам на пути использования природных богатств, ресурсов и сил природы. Дело превращения всей нашей Родины в страну электрифицированного, высокопроизводительного производства, в страну изобилия продуктов находится целиком в наших руках. Настанет день, когда приливы и отливы морей, разность температур в водах Ледовитого океана, воздушные течения в знойных пустынях, везде и всюду, где природа непроизводительно растрачивает свои энергетические ресурсы, советский человек вмешается, возьмет эти богатейшие ресурсы в свои руки и направит на удовлетворение хозяйственных нужд строящегося коммунизма. Настанет день, когда будут цвести и плодоносить земли мертвых ныне степей и районов вечной мерзлоты, когда на север продвинутся солнцелюбивые субтропические культуры. Настанет день невиданного расцвета культуры и творческого труда — день коммунизма! Величие народа не в достижениях отдельных его представителей, как бы значительны они ни были. Величие народа — в общечеловеческой значимости цели, к которой он стремится. Наша цель давно известна. Ее мощно, на весь мир провозгласил Ленин. И символично, что коммунизм стал целью не одной какой-либо нации, а многонациональной семьи, имя которой — Советский Союз. Коммунизм для нас не мечта, а обозримое будущее — день, в который мы непременно вступим.

Гром оваций покрыл последние слова председателя Госплана.

Это по-настоящему вдохновенное выступление Вознесенского забыть невозможно. Оно прочно, навсегда врезалось в память всех, кто его слышал. Вероятно (и даже наверняка!), что речь Николая Алексеевича была много ярче, богаче красками, деталями и конечно же — значительно больше по объему. Но воспроизвести ее буквально, дословно нет возможности. Стенографистки на засе-

дания Государственной плановой комиссии при Вознесенском не вызывались, поэтому, естественно, нет и стенограммы памятного выступления Николая Алексеевича. Текст его речи восстановлен по памяти — коллективной памяти людей, присутствовавших на этом необычном заседании Госплана.

Мария Андреевна, жена Вознесенского, рассказывает, что в те дни настроение у Николая Алексеевича было необычно приподнятым, праздничным. Все события деловой и семейной жизни способствовали этому.

Избрание кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б)...

Необыкновенно интересное, масштабное задание ЦК партии и правительства, поднимающее на качественно новую ступень социалистическое планирование...

Высокая правительственная награда...

Что касается семейных дел... Французский художник Эжен Делакруа высказал такую мысль: «Одно какое-нибудь дело, постоянно и строго выполняемое, упорядочивает и все остальное в жизни, все вращается вокруг него».

Если в будни Николай Алексеевич виделся с женой и дочерью лишь урывками, то в выходные и праздничные дни он отставлял в сторону все свои дела и с удовольствием отдавался обычным семейным радостям. Дома в такие дни не сидели. Вся семья любила природу, поэтому Вознесенские и летом и зимой выезжали отдыхать и развлекаться за город. Летом ходили по грибы, катались по реке на лодке (Николай Алексеевич греб ухарски, напевая обычно одну из разудалых русских песен), купались в Москве-реке. Зимой Николай Алексеевич, поднявшись спозаранку, уходил в дальние походы на лыжах...

В мае 1941 года семья Вознесенских пополнилась еще одним крохотным человечком: родилась вторая дочь. По желанию отца ее назвали Наташей.

Не было для Николая Алексеевича большей радости, чем шумно и весело повозиться с дочерьми.

— Мой муж души не чаял в детях,— вспоминает Мария Андреевна.— С работы он приходил всегда поздно, после полуночи, и, появившись дома, прежде всего шел к спящим дочерям, тихонько и украдкой от меня тормошил их: очень ему хотелось увидеть их глазенки, услышать голоса... А когда я с укором просила не тревожить, не будить дочерей, он смущался и неумело оправдывался: «Да я так, ничего... я только одеяло поправляю». Нужно сказать, что Николай Алексеевич любил не только своих детей — такая любовь естественна. Но у него вообще была необычайно развита любовь к детям — ко всем детям...

Эту черту натуры Николая Алексеевича отмечает не только Мария Андреевна. Вознесенский не мог понять, когда слышал в чьих-либо разговорах, как это ребенок может быть некрасивым. Это взрослый человек бывает некрасив, если жизнь не развила, а притупила все лучшие составляющие его натуры, но ребенок... Николай Алексеевич не мог равнодушно думать о судьбах маленьких граждан нашей планеты. Как часто и с какой болью он говорил о сотнях проклятых случайностей, неотвратимо влияющих на формирование из ребенка гражданина,— семья, ближайшее окружение, социальный строй, религия, расовые предрассудки... «Это страшно, когда вдумаешься,— говорил он,— что в различных уголках нашей планеты ежеминутно и методически калечат лучшее, чем располагает человечество,— души людей. И выращивают тысячи здоровых физически, но непоправимо искалеченных в нравственном отношении юношей и девушек... Это не менее страшно

(а может, и более), чем прямое убийство тысяч солдат на войне!»

Как-то раз Николай Алексеевич сказал:

— Будь у меня призвание к педагогике,— ей-богу, отдал бы всю жизнь воспитанию ребятишек! Нет на земле дела более нужного, более благородного.— И, сокрушенно улыбнувшись, добавил: — Но куда уж мне до Макаренко! Удивительный человек. Читали его книги? Советую — непременно прочитайте!

Последние слова он сказал таким тоном, что чувствовалось — будь на то его власть, он приказал бы прочитать...

Трудно сказать, как при его чрезвычайной занятости удавалось Николаю Алексеевичу выкраивать время для чтения художественной литературы, а читал он много.

Прервав однажды деловые занятия (Николай Алексеевич любил делать такие «освежающие», по его выражению, кратковременные перерывы в работе и поговорить на отвлеченные темы), он спросил у автора этих строк:

— Вы любите скрипку? — И, улыбнувшись, добавил: — Вижу, вижу по выражению вашего лица, что от скрипки вы далеки... Ну, ну, не огорчайтесь. Скрипка — это тот инструмент, на котором разные люди играют одинаково плохо. Чтобы полюбить скрипичную музыку, надо послушать подлинного мастера. Настоящая игра на скрипке — это как настоящая поэзия: многие хотят, но мало кому удается... Кстати, прочитайте, коли не довелось, книгу Виноградова «Осуждение Паганини». Настоящая книга!.. А после этого продолжим наш разговор о скрипке.

Книга Виноградова в то время только-только появилась на книжных прилавках магазинов...

Литература и искусство часто были темой бесед во время таких «освежающих» перерывов. Николай Алексеевич искренне радовался мощному подъему советской культуры. Называя имена выдающихся ее мастеров, он произносил их с гордостью подлинного патриота: Прокофьев и Шостакович, Горький и Маяковский, Уланова и Ойстрах... А театр!..

— Вот освобожусь немного,— говаривал Николай Алексеевич,— и нас с Машей из театров и концертных залов арканом не вытащишь!

Это намерение ему так и не удалось выполнить...

Страшное событие подобно урагану ворвалось в мирную жизнь советских людей — война...

Ту Россию, которая освободилась, которая... выстрадала свою советскую революцию, эту Россию мы будем защищать до последней капли крови!

В. И. Ленин

Вставай, страна огромная...

Не так уж много времени отделяет нас от того горького дня, когда страну потрясла весть, заключенная в одном страшном, беспощадном, неотвратимом слове: война!.. Не так уж много времени прошло, но этот день уже нельзя назвать памятным для всех: новое поколение знает о дне начала Великой Отечественной войны по датам в календаре, по рассказам старших, из фильмов и книг... И пусть не испытает оно того, что довелось испытать старшему поколению! Пусть не наступит для него день, подобный 22 июня 1941 года...

Как много улыбок стер начисто этот день...

Сколько скорби и страданий принесли последующие за ним...

Сыновья и дочери многонационального социалистического Отечества в едином мужественном порыве поднялись на защиту Родины.

Еще вчера многоголосая и шумная, затихла Москва.

Молча шагали по ее улицам отряды бойцов...

А по радио прозвучала песня, выразившая общее настроение и тут же подхваченная миллионами голосов:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой...

На рассвете 22 июня гитлеровская Германия вероломно, без объявления войны, внезапно обрушила на нашу страну удар огромной силы. «Около 4 часов утра тысячи немецких орудий открыли огонь по советским пограничным заставам, по возведенным вдоль границы полевым и долговременным укреплениям, по штабам, узлам связи и районам расположения частей и соединений Красной Армии. Одновременно крупные силы бомбардировочной авиации вторглись в воздушное пространство СССР. Особенно сильные удары с воздуха были нанесены по аэродромам, расположенным в западных приграничных военных округах, по военно-морским базам: Севастополю, Кронштадту, Измаилу, железнодорожным узлам и другим крупным военным объектам. Фашистская авиация подвергла варварской бомбардировке многие города Прибалтийских республик, Белоруссии, Украины, Молдавии и Крыма» [1].

И внезапность нападения, и временное превосходство в боевой силе и технике сделали свое дело — ценой больших потерь врагу удалось в короткий срок — к началу июля — захватить Литву, западную часть Белоруссии и Украины. Опьяненный первыми успехами, враг рвался к Ленинграду, Москве, Киеву.

Развязанная фашистской Германией война потребовала в кратчайшие сроки перестроить все народное хозяйство, перевести его на рельсы военной экономики. И прежде всего необходимо было переключить машиностроительные и другие предприятия на обслуживание нужд войны, в предельно сжатое время реконструировать и построить новые заводы, обеспечить максимальные мощности по производству военной техники и боеприпасов. Величайшая ответственность легла на Государственную плановую комиссию.

[1] «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 2. М., 1961, стр. 9.

Всего за несколько дней Вознесенский с аппаратом Госплана разработал на основе указаний ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 23 июня мобилизационный народнохозяйственный план на третий квартал 1941 года, который заменил собой ранее принятый мирный план развития экономики страны. Намечалось резко увеличить добычу угля и нефти, выплавку чугуна и качественной стали, производство цветных металлов и металлорежущих станков. Выпуск специальных видов проката должен был быть увеличен вдвое. Капитальное строительство ограничивалось строго установленным числом ударных строек на востоке страны. Главное внимание уделялось оборонной промышленности, она в первую очередь обеспечивалась рабочей силой. В пользу военного производства перераспределялись металл, уголь, электроэнергия, оборудование. Значительные ресурсы металла из мобилизационных запасов и 75 процентов распределяемых между всеми отраслями промышленности металлорежущих станков передавались военным предприятиям. Размеры производства военной техники и вооружения, предусмотренные довоенным государственным планом развития народного хозяйства на третий квартал, намечалось увеличить на 26 процентов.

В первые месяцы войны страна понесла тяжелые потери...

От хозяйственного организма страны врагом отсекались промышленные объекты, шахты и рудники...

Все это требовало серьезного пересмотра принципов планирования, изменения структуры Госплана СССР в соответствии с экономическими условиями военного времени. И Вознесенский обращается в правительство с предложением организовать в Госплане СССР специализированные отделы — боеприпасов, вооружения, судостроения, авиационной и танковой промышленности. Такие отделы были созданы. На них была возложена

разработка программы выпуска военной техники всеми предприятиями страны, независимо от их ведомственной подчиненности; они же должны были осуществлять контроль за материально-техническим обеспечением военно-промышленной программы.

Государственный Комитет Обороны 4 июля 1941 года создает комиссию во главе с Вознесенским, которой поручает «выработать военно-хозяйственный план обеспечения обороны страны, имея в виду использование ресурсов и предприятий, существующих на Волге, в Западной Сибири и на Урале, а также ресурсов и предприятий, вывозимых в указанные районы в порядке эвакуации». При выработке плана предлагалось учесть как основные предприятия, так и смежные, с тем чтобы можно было производить вполне комплектную продукцию.

Партия мобилизовала все ресурсы для победы над врагом.

Выполняя задания Государственного Комитета Обороны, Госплан СССР превратился в оперативный штаб военной экономики.

16 августа 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР одобрили представленный Госпланом военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 года и на 1942 год для районов Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Этот план был экономической военной программой, способной обеспечить победу в суровой и длительной борьбе против немецко-фашистских захватчиков.

Вознесенский работал без устали, часто почти круглыми сутками. Работал страстно и с вдохновением, забыв о личном, обо всем, что не относилось к делам фронта, к делам войны. Те, кто был рядом с ним в то

трудное время, искренне восхищались этим самоотверженным трудом с полной отдачей сил и способностей.

Вспоминая первые месяцы войны, бывший заместитель председателя Госплана СССР Алексей Петрович Ковалев рассказывает, как однажды он провел с Вознесенским целую ночь на работе, в его кремлевском кабинете. Усталость, накопившаяся не только за эти сутки, давала себя знать: голова отказывалась работать — срабатывала физиологическая защита, и сознание мгновениями выключалось... Но Вознесенский поражал всех. Лицо осунулось, под глазами залегли тени, но он был полон энергии, деловит, ясно и точно мыслил, словно и не было для него многих бессонных ночей.

Взглянув на Ковалева как раз тогда, когда тот в очередной раз «отключился», Николай Алексеевич перевел взгляд на часы и ахнул... Было уже утро.

Погасив свет, Николай Алексеевич подошел к окну, раздвинул шторы.

Кабинет пронизали лучи утреннего солнца.

— Простите, что без отдыха оставил, — сказал Вознесенский и, повернувшись к Ковалеву, улыбнулся. — Ну ничего... Мы это поправим. Поезжайте поспите. Я вас разбужу...

Поспать Ковалеву удалось лишь час.

В девять утра его разбудил телефонный звонок.

— Ну как, выспались? — спросил Вознесенский.

Ковалев, еще не очнувшись толком, смотрел на часы и никак не мог сообразить, сколько же он спал. А когда понял, спросил:

— А вы?

— Я? Как вам сказать... Я не ложился. Принял душ. — И Вознесенский раскатисто рассмеялся. — Вполне заменяет сон! Рекомендую. — И уже серьезно добавил: — Вы мне нужны, Алексей Петрович. Приезжайте. Поедем на полигон.

...На одном из подмосковных полигонов проводились очередные испытания реактивных снарядов. Вознесенский приехал с группой военных специалистов.

Это был не случайный выезд. Незадолго перед тем Вознесенского утвердили членом Государственного Комитета Обороны, и на него была возложена персональная ответственность за обеспечение Советской Армии вооружением и боеприпасами.

Испытания начались...

Сначала производились одиночные выстрелы, потом началась стрельба залпами. Зрелище было необычным и захватывающим... Гордость и восхищение — вот чувства, которые владели присутствующими на испытаниях этого нового советского оружия. Одна за другой, оставляя огненные шлейфы, серии снарядов с воем уносились за горизонт.

Автомашины с реактивными установками быстро меняли огневые позиции, короткая команда — и снова залп...

Вознесенский присоединился к высокой оценке этой новой боевой техники, данной военными специалистами, сердечно поздравил конструкторов, поинтересовался дальностью полета реактивных снарядов. Услыхав, что снаряды летят на несколько километров, спросил, нельзя ли увеличить дальность полета, — так, чтобы она исчислялась десятками километров.

— Работаем над этим, — коротко сказал главный конструктор.

— Надо сделать, — сказал Вознесенский.

Установка с реактивными снарядами, официально называвшимися «РСами», получила у советских солдат совсем не военное ласковое название «катюша», и это название прочно укрепилось за ней в годы войны. Известно, какую великую службу это великолепное по тем временам оружие сослужило в Отечественную войну.

Мобильные, маневренные установки мощью своего огня поражали сразу большие площади вражеских позиций, сметали с лица земли укрепления, приводили солдат противника в ужас и смятение. Гитлеровцы панически боялись этого советского оружия и быстро заучили его русское название — «катюша»...

Вернувшись с полигона, Вознесенский вызвал к себе работавшего в аппарате Совнаркома СССР комбрига Александрова.

— Вот что, Анатолий Сергеевич, — сказал он. — Вы знаете, что мне поручено заниматься производством вооружения и боеприпасов. На организационные вопросы времени нет. Прошу вас сделать следующее. Из состава работников Совнаркома, а может быть — и наркоматов, подберите группу военных специалистов, хорошо знающих теоретически и практически производство и применение в боевой обстановке таких видов вооружения, как винтовки, пистолеты, револьверы, пулеметы, пушки всех систем и калибров... И боеприпасы — снаряды, патроны, авиабомбы, мины. Распределите между специалистами все виды вооружения и боеприпасов и дайте мне список на утверждение. Надо найти хорошего знатока современной взрывчатки — это важно. Состав группы не ограничиваю.

Через несколько дней такая группа военных специалистов была создана.

На первом, инструктивном совещании Вознесенский определил задачи группы, исходя из указаний ЦК партии и правительства. Он подчеркнул, что проверкой выполнения плана по выпуску вооружения и боеприпасов необходимо заниматься каждодневно, меры при возможных неувязках применять оперативно, немедленно. Всячески поддерживать инициативу рабочих и инженеров, способствующую повышению производительности труда, улучшению качества оружия и боеприпасов.

— Отныне вы подчиняетесь только мне, — сказал Вознесенский.— Предупреждаю, взыскивать буду строго, по законам военного времени. Поэтому еще раз повторяю: каждый завод должен иметь четкий календарный график выпуска военной продукции; каждый из вас обязан наладить ежедневную систему контроля выполнения этого графика. Для этого, конечно, есть и телефон. Однако советую почаще бывать на заводах лично, чтобы знать конкретные особенности производства, — только тогда можно будет не администрировать, используя свой пост, а оказывать реальную и квалифицированную помощь в выполнении плана.

Ответственность за сводный ежедневный учет выпуска военной техники и боеприпасов Вознесенский возложил на заместителя заведующего секретариатом А. Ф. Шалина.

Гитлеровские войска подошли к Москве... Не было советского человека, который не волновался бы за судьбу Москвы, за судьбу Родины. Каждый стремился помочь обороне, защите своего Отечества.

К Вознесенскому нередко приходили люди с предложениями оборонного характера. О новых средствах уничтожения живой силы и боевой техники противника думали все, независимо от их, часто совершенно мирных, профессий.

Так, однажды у Вознесенского появился один из заместителей наркома пищевой промышленности СССР.

— Есть одна идейка, Николай Алексеевич...

— Ну что ж, выкладывайте.

Помешкав, очевидно думая — стоит ли? — заместитель наркома извлек из своего объемистого портфеля обыкновенную пивную бутылку, наполненную темной маслянистой жидкостью и плотно закупоренную.

Вознесенский улыбнулся.

— И тут, в вопросах орудий уничтожения, сказывается ваша долгая работа в пищевой промышленности, — проговорил он. — Ну что ж, показывайте вашу бутылку...

Но через минуту, по мере того как посетитель разъяснял сущность своего предложения, Вознесенский уже не улыбался. Речь шла о бутылках с самовоспламеняющейся смесью, которые, как известно, сыграли немаловажную роль в первый период войны.

Выслушав заместителя наркома, Вознесенский какое-то время задумчиво молчал, вращая стоявшую на столе бутылку со смесью.

Потом сказал:

— А вы знаете, это дело! Ведь бутылку очень удобно бросать. И солдаты, тренированные в гранатометании, смогут бросать ее достаточно далеко и прицельно...

Замнаркома просиял.

— Письменное описание вашего предложения есть? — спросил Вознесенский.

— Вот оно, одну минутку...

Волнуясь, он долго искал в своем необъятном портфеле нужные листки бумаги...

Выпуск противотанковых бутылок был организован немедленно, и это простое, но достаточно эффективное оружие вскоре в массовом количестве появилось на фронте. Сотни гитлеровских танков вспыхивали кострами при подходе к окопам и траншеям советских оборонительных линий.

Был случай, когда искренний патриотический порыв коменданта Кремля едва не стоил ему комбриговского звания, так как предложение его, продиктованное этим порывом, по существу своему было антипатриотичным. Случаются такие парадоксы...

Как-то после отбоя воздушной тревоги комендант во-

шел в кабинет Вознесенского и с особенной интонацией, с пафосом заявил:

— Николай Алексеевич, Москва в опасности!

— Знаю,— сказал Вознесенский.— Так что же? Вы предлагаете ее сдать?

— Ну что вы, напротив! Предлагаю принять меры к ее защите.

— Какие же?

— Я знаю, что ощущается серьезная нехватка металла, необходимого для выпуска вооружения. И в то же время на территории Кремля находится много старинных трофейных пушек, которые сейчас никому не нужны. Если их переплавить — это десятки тонн металла...

Услышав последние фразы, Вознесенский с изумлением взглянул на коменданта.

Помолчав, он недоверчиво спросил:

— Вы это — серьезно?

— Конечно, — неуверенно сказал комендант, почувствовав в тоне Вознесенского что-то неладное.

— Никому не нужны, говорите, — с горечью и гневом сказал Вознесенский. — А ведь эти пушки — наша национальная гордость... И вы это знаете, не можете не знать! Эти пушки — слава наших предков, свидетельство их доблести в защите Отечества...

Комендант молчал, опустив глаза и нервными движениями поправляя безукоризненно сидящую портупею.

— Предупреждаю, — добавил Вознесенский, — если хоть одна пушка исчезнет из Кремля, можете попрощаться с вашим званием комбрига!

Наступила пауза.

— Я могу идти? — упавшим голосом спросил комендант.

— Да, вы свободны.

Комендант, понурясь, пошел к двери, на время утеряв обычно молодцеватую выправку.

— Когда вы сможете выехать в Куйбышев?

Таким вопросом встретил автора этих строк Вознесенский, вызвав меня к себе в кабинет поздним вечером 16 октября 1941 года.

— В любое время, — ответил я.

— Текущие дела в порядке?

— Да.

— Тогда берите машину, заезжайте за чемоданом — и на вокзал. Где стоит поезд, скажут в комендатуре. Передайте это распоряжение и своему заместителю Шалину.

Спустя час мы с Шалиным въезжали в товарный двор Казанского вокзала, где должен был стоять нужный нам пассажирский состав. Ночь была на редкость темная. И ни единого огонька — война...

Мы изрядно побродили в кромешной тьме, спотыкаясь о рельсы и шепотом чертыхаясь, пока случайно не наткнулись на знакомого чекиста. Шагая уверенно, словно по ярко освещенному проспекту, он провел нас к поезду.

В вагоне мы не стали тратить время на беседу. Честно говоря, перспектива поспать без помех целую ночь после предыдущих бессонных ночей радовала нас, как нежданный подарок. Забравшись на верхние полки (там было теплее), мы мгновенно уснули.

Наутро я узнал, что в поезде едут М. И. Калинин, Н. М. Шверник, Р. С. Землячка и другие руководящие деятели страны.

— Часть правительства временно эвакуируется в Куйбышев, — пояснил мне Вознесенский.

В этой поездке запомнился такой эпизод.

Поезд остановился на небольшой станции.

Михаил Иванович Калинин после длинной осенней ночи, проведенной в вагоне, решил выйти подышать

свежим воздухом. Едва он спустился со ступенек вагона на землю, как раздался женский крик:

— Ой, мамынька! Да это же Михаил Иваныч!..

Подхватив подол длинной юбки, молодая женщина бросилась бежать к станционному зданию, крича:

— Ой! Бабеньки! Скорей!..

Через несколько минут около вагона собрались все, кто был в тот момент на станции.

Но Калинин уже вернулся в вагон. Со смущенной улыбкой смотрел он на столпившихся людей через задернутые занавески.

В толпе переговаривались:

— Какое там! Почудилось ей, дурехе!

— А и вправду. Михаил Иваныч, небось, в Москве... Чего ему тут делать?

— Да ей-богу ж! — клялась молодая женщина. — Он! Точно он! Своими ж глазами... Как его не узнать?..

— Ох, — вздохнула другая. — Хоть бы одним глазком!..

Раздался протяжный гудок, и поезд медленно тронулся, постепенно набирая скорость.

А люди стояли, глядя вслед удалявшемуся вагону...

Известно, с какой любовью относился советский народ к своему президенту. За Михаилом Ивановичем прочно укрепился титул, родившийся в народе и данный народом, — его уважительно и ласково называли всесоюзным старостой... Он прожил для всех ясную и всем понятную жизнь. Он был скромен и прост. Именно врожденная скромность заставила Калинина тогда скрыться в вагоне. Не терпел Михаил Иванович руководящих работников, которые любили покрасоваться перед народом, и резко критиковал их, называя подобное поведение петушиным кривлянием.

25 октября 1941 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, в котором заместителю председателя Совнаркома СССР Н. А. Вознесенскому поручалось представлять в г. Куйбышеве Совет Народных Комиссаров СССР, руководить работой эвакуируемых на Восток наркоматов, и прежде всего наркоматов: авиапром, танкопром, вооружения, черной металлургии, боеприпасов, и добиться того, чтобы в кратчайший срок были пущены в ход заводы, эвакуированные на Волгу, Урал и в Сибирь.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) обязали Н. А. Вознесенского каждые пять-шесть дней представлять в Москву сводки о ходе работ по восстановлению и пуску предприятий оборонной промышленности.

Прибывшая в Куйбышев часть аппарата Совнаркома СССР была размещена в здании штаба военного округа.

Прежде всего необходима была надежная связь с наркоматами (некоторые из них были эвакуированы в Свердловск, Саратов и другие города) и заводами. Бесперебойная телефонная связь по прямым проводам была налажена.

Круглыми сутками Вознесенский не выходил из кабинета. Выслушивал жалобы наркоматов на нехватку металла, угля, продовольствия. Поручал аппарату Госплана и Совнаркома определять действительно неотложные нужды и находить возможность удовлетворять их. Поддерживал постоянную связь с промышленными предприятиями. Там сложностей было немало... Не просто было вывезти оборудование заводов с территории, находящейся под угрозой оккупации, но не менее трудно было организовать работу эвакуированных предприятий на новом, подчас необжитом месте, вдохнуть в них жизнь, начать массовое производство танков, самолетов, орудий, снарядов, бомб, патронов... Мало-помалу индустриальная жизнь страны входила в нормальную для

военного времени колею — ту колею, которая через сравнительно короткий срок привела к полному нашему превосходству над врагом в боевой силе и технике.

Пришла пора подробно докладывать Государственному Комитету Обороны о ходе выполнения заданий, связанных с вводом в действие эвакуированных заводов, и Вознесенский вылетел в Москву.

После этого правительственный «дуглас» с Вознесенским на борту часто летал в сопровождении двух истребителей в Москву и возвращался в Куйбышев.

А в последних числах ноября его отозвали из Куйбышева совсем...

Под Москвой продолжалась упорная кровавая борьба за стратегическую инициативу. Враг уже выдохся. К обороне он еще не перешел, но и наступать был не в силах.

Теперь, когда враг был остановлен на ближних подступах к Москве, Ставка Верховного Главнокомандования в соответствии с разработанным планом отдала директиву фронтам перейти в контрнаступление и разгромить ударные группировки врага.

В ходе контрнаступления гитлеровцы были отброшены от Москвы на 100—250 километров, непосредственная опасность советской столице была устранена. Потерпев поражение, фашисты вынуждены были перейти к обороне.

Стратегическая инициатива теперь находилась в руках Красной Армии. Советские войска сорвали гитлеровские планы «блицкрига», развеяли миф о непобедимости фашистской армии. Победа под Москвой явилась началом коренного поворота в ходе войны.

Война есть испытание всех экономических и организационных сил каждой нации.

В. И. Ленин

Для фронта, для победы!

Гитлеровцы оккупировали огромную часть территории нашей страны, в том числе южные районы. На захваченной врагом территории оказались все металлургические заводы юга. А война требовала металла, металла и металла... Положение было критическим.

Центральный Комитет партии поручил председателю Госплана СССР совместно с наркомом черной металлургии разработать мероприятия по форсированию строительства и ускоренному наращиванию производственных мощностей черной металлургии на Урале и в Западной Сибири.

Задание партии было выполнено в минимальный срок.

13 апреля 1942 года Государственный Комитет Обороны утвердил план мероприятий, разработанных под руководством Н. А. Вознесенского и наркома черной металлургии И. Ф. Тевосяна. Планом предусматривался ввод в действие 23 доменных и свыше 60 мартеновских печей; 22 электропечей и 7 бессемеровских конверторов; 25 прокатных станов и ряда трубопрокатных; коксовых печей и сопутствующих производств. Достаточно сказать, что практическое выполнение этого плана позволило увеличить производственные мощности — если

сравнивать их с мощностями, введенными в действие за три с половиной предвоенных года,— по чугуну и стали почти в два раза и по прокату — почти в три раза.

В те дни Вознесенский особенно часто бывал на предприятиях — недопустимы были никакие, даже малейшие перебои в производстве вооружения и боеприпасов. Мало того, нужно было искать новые и новые пути увеличения их выпуска: фронт не ждал, фронт требовал...

— Завтра едем на Климовский машиностроительный,— сказал как-то Вознесенский специалисту по боеприпасам.

— На Климовский? — удивился тот.— Но ведь завод выполняет план...

— Фронт не хочет считаться с нашими планами,— ответил на это Вознесенский.— Солдат выпускает мину, согласуясь не с планом их производства, а с боевой обстановкой... Нужны мины, много мин, и мы обязаны их дать фронту.

Приехав на завод, Вознесенский, прежде чем идти к директору, ознакомился с производством.

Ручная формовка корпусов мин. Дедовские способы разливки металла...

— Что нужно сделать для увеличения производства мин? — спросил Вознесенский директора завода.

Тот был опытным хозяйственником и хорошим технологом.

— Средства — это раз, специалисты — два,— ответил директор.— Корпуса мин можно отливать в постоянных металлических формах, а их надо изготовить. Разливку можно производить в карусельной установке, а ее надо построить...

— Что это даст? — спросил Вознесенский.

— Производство мин будет поставлено на непрерывный поток.

— В отношении специалистов — не знаю, а средства дадим,— сказал Вознесенский.— Подсчитайте точно и не зарываясь, сколько вам надо денег, металла. Зайдите с этими расчетами в Госплан к Борисову, моему заместителю. Если у него будут какие сомнения, пусть позвонит мне.

По возвращении в Москву Николай Алексеевич рассказал Борисову о заводской проблеме и велел ему лично проследить за механизацией производства мин.

Вскоре карусельная установка на Климовском машиностроительном заводе была построена — и выпуск мин резко возрос.

Такие установки стали внедряться и на других заводах.

Вопросы производства мин волновали Вознесенского в те дни отнюдь не случайно. Артиллерийское орудие — сложный и дорогостоящий механизм. Иное дело — миномет... Простота изготовления минометов позволяла в короткий срок насытить этим оружием Красную Армию. Но при своей простоте, минометы могли наносить мощные и прицельно точные огневые удары.

Освоение производства мин крупных калибров, обладавших особенно большим разрушительным действием, было поручено в числе других предприятий и московскому заводу «Борец».

— Помню, глубокой ночью раздался звонок,— рассказывает бывший директор завода «Борец» С. Ротенштейн.— Звонил председатель Госплана Вознесенский. Спрашивает: «Как идет освоение мин?» Я доложил, что ведем подготовку производства. Тогда он сказал: «Передайте, пожалуйста, рабочим и инженерам, что правительство считает это задание особенно важным. Мины нужны Красной Армии немедленно». И, помолчав, до-

бавил: «Первую изготовленную заводом мину пришлите мне через три дня». Помнится, я опешил. Назначенный срок был не просто мал, он был невозможно мал...

Эта первая мина калибра 120 миллиметров, первая «стодвадцатка» с маркой московского завода «Борец», была доставлена в Кремль точно в срок.

А вслед за тем партии крупнокалиберных мин пошли на фронт.

Ценность руководителей такого типа, как Вознесенский, заключается не только и даже не столько в том, что они сами многое знают, умеют, многое могут подсказать, сколько в их умении заметить, оценить чужую инициативу и вовремя поддержать ее.

...Осажденный Ленинград остро нуждался в нефтепродуктах.

Путь в город был лишь один — по Ладожскому озеру. Путь опасный, приносивший много потерь: гитлеровцы обстреливали и бомбили суда.

Группа военных Ленинградского фронта предложила проложить по дну Ладожского озера трубопровод. Уполномоченный Госплана СССР по Ленинграду и Ленинградской области Л. М. Володарский позвонил Вознесенскому и сообщил об этом предложении.

— А каково ваше мнение? — спросил Вознесенский уполномоченного.

— Трудно, конечно...— уклонился тот от прямого ответа.

— Но — возможно?

— Думаю, да.

— А где взять трубы? Думали об этом?

— Можно подумать... Кстати, Николай Алексеевич, трубы необходимого диаметра есть в Колпине, на Ижорском заводе.

— Там идут бои...
— Если будет указание — вывезем!
— А без указания?
Помолчав, Володарский сказал:
— Указание нужно не нам, Николай Алексеевич, а командованию фронтом. Без соответствующих действий нашей армии вывезти из Колпина трубы будет невозможно.
Вознесенский долго молчал.
— Идея, как мне кажется, хорошая,— сказал наконец он.— Однако нужно все взвесить... Я позвоню вам позже.
Положив трубку, Володарский не отходил от телефона.
Звонок раздался спустя час.
— Трубопровод по дну Ладоги прокладывать будем,— сказал Вознесенский.— Не сомневаюсь, что Госкомитет Обороны поддержит и утвердит предложение ленинградцев. Времени не теряйте: соберите специалистов и решите точно, что для этого нужно и какая помощь потребуется вам от воинских подразделений...
К прокладке трубопровода приступили весной 1942 года, и вскоре нефтепродукты, так необходимые осажденному городу, бесперебойно потекли в Ленинград по трубам, лежащим на дне Ладожского озера.

В одну из апрельских ночей 1942 года Вознесенский вызвал автора этих строк к себе в кабинет.
— Известно ли Вам, что жена инженера Королькова, эвакуированная в Куйбышев, находится в весьма затруднительном положении?
— Нет, Николай Алексеевич. Я ничего не знаю об этом.

Вознесенский молчал какое-то время, а я глядел на него и, признаться, недоумевал... От решения сложных и многообразных вопросов, которыми, позабыв о собственном отдыхе, занимался он, зависела судьба страны... Я знал, что Николай Алексеевич полностью отрешился от личных дел, с женой и дочерьми виделся изредка, урывками. А тут вдруг — жена Королькова, одного из рядовых сотрудников Госплана...

— Корольков, как вы знаете, работает здесь, в Москве,— сказал Вознесенский.— Жена его находится в Куйбышеве одна с четырехлетним сыном. Других близких людей около нее нет, а она вот-вот должна родить... Пригласите завтра утром инженера Королькова к себе, поговорите с ним, узнайте подробности и отправьте его попутным самолетом в Куйбышев. В Москву пусть возвращается после того, как жена выйдет из роддома и немного окрепнет.

Я не выдержал и спросил, откуда стало известно все это Николаю Алексеевичу.

— Откуда знаю я — это не столь важно,— сказал он.— Плохо, что об этом не осведомлены вы.

Я удивился упреку и возразил:

— Но ведь Корольков не находится в моем подчинении...

— Это неважно.

Я хотел уйти, но Николай Алексеевич остановил меня.

— Вот что,— сказал он.— Установите тесную связь с партийным и местным комитетами Госплана. Необходимо лучше знать о нуждах эвакуированных семей наших работников, особенно фронтовиков. И оказывать помощь этим семьям. Там, где ваших сил не хватит, докладывайте мне.— И задумчиво добавил: — Как ни тяжело со снабжением тыла, надо делать все возможное для людей.

Наутро в разговоре с Корольковым выяснилось, что о подробностях своих семейных дел тот никому не сообщал. Долго мы с Корольковым ломали голову, как все-таки Вознесенский узнал о положении его семьи, но так ничего и не придумали.

Через некоторое время Корольков вернулся в Москву в хорошем, приподнятом настроении: у него появился второй сын — здоровый, крепкий малыш.

Назвали сына Николаем...

— Это что же,— спросили у Королькова,— знак признательности?

— Не только,— ответил тот.— Если вместе с именем мой Николай станет обладателем хоть части черт характера нашего... (и Корольков кивнул на дверь приемной председателя) ...я буду просто счастлив.

Отступив от хронологии повествования, сообщим, что сейчас своеобразному «крестнику» Вознесенского перевалило за тридцать. Николай Корольков — способный экономист. Получив в 1967 году диплом вуза с отличием, он вскоре закончил аспирантуру и теперь преподает политическую экономию в одном из высших учебных заведений. Трудно что-либо сказать о чертах характера, но профессию Николай Корольков выбрал, как видно, не по воле случая...

Забота о людях не была для Вознесенского явлением показным и случайным. Внимательное отношение к сотрудникам было органической частью его натуры и, наверное, поэтому оно не отошло на бесконечно далекий план и в тяжелейшие, полные нечеловеческого напряжения годы войны. Это было не сановное внимание начальника к подчиненному, а товарищеское чувство локтя.

Н. А. Вознесенский в кругу семьи: жена Мария Андреевна и дочери Майя и Наташа. 1948 г.

Первая сессия Верховного Совета СССР второго созыва. Н. А. Вознесенский выступает с докладом о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. Март 1946 г.

Помнится, когда меня после одной из трудных, бессонных ночей увезли в больницу с приступом стенокардии, Николай Алексеевич на другое же утро появился в палате.

Спросил улыбаясь:

— Жив? Ну, тогда все в порядке.

И сделал все от него зависящее для моего скорейшего выздоровления.

Нужно сказать, что Николай Алексеевич, узнав о заболевании того или иного из своих сотрудников, всегда стремился поддержать его, помочь при необходимости.

Болели в годы войны мало: как видно, сказывалось психическое напряжение, нервный подъем, оказывающий соответствующее влияние на физиологию организма.

А. Ф. Шалин искренне чувствовал себя виноватым, когда его «схватил» острый приступ аппендицита. Слишком уж «несерьезной» по тем временам казалась болезнь...

За первые успехи в развертывании производства вооружения и боеприпасов работники промышленности в начале 1942 года были удостоены орденов и медалей Советского Союза. Сотрудники военной группы, руководимой Вознесенским, получили боевые ордена Красной Звезды.

Известно, что в начале второй мировой войны гитлеровцы значительно превосходили нас в оснащении войск военной техникой. Но уже в первом полугодии 1942 года, когда героическим трудом рабочих, инженеров и техников были восстановлены на новом месте эвакуированные предприятия, когда вся промышленность напряженно работала для фронта, выпуск военной продукции резко пошел в гору. Если во втором полугодии

1941 года каждый месяц выпускалось 5124 артиллерийских орудий, то в 1942 году производили ежемесячно 10 591 орудие. Среднемесячный выпуск самолетов возрос за это же время с 1630 машин до 2120. Еще большего эффекта добилась танковая промышленность. Если во второй половине 1941 года среднемесячный выпуск танков составлял 696 машин, то в 1942 году — 2060 танков и самоходных артиллерийских установок.

Мы знаем, с каким совершенством умел использовать советский солдат данную ему в руки боевую технику... За приведенными скупыми цифрами стоит непрерывно наращиваемая страной боевая мощь, приведшая к уничтожению врага.

Все увеличивающимся потоком шли на фронт легендарные «катюши», знаменитые «тридцатьчетверки» — танки, признанные лучшими в период второй мировой войны, ильюшинские штурмовики, прозванные немцами «черной смертью», превосходные истребители — «ЯКи», «МИГи» и «Ла»...

Был момент, когда дальнейшее увеличение производства боевой техники стало целиком зависеть от обеспечения заводов, работавших на оборону, металлорежущими станками.

По указанию ГКО Вознесенский отдал распоряжение соответствующим подразделениям Госплана и специалистам военной группы исследовать производственные процессы станкостроения, устранить слабые звенья, изыскать возможности к тому, чтобы немедленно обеспечить промышленные предприятия станками требуемых типов и в нужном количестве.

Не раз Николаю Алексеевичу докладывали, что все возможности повышения производительности труда на том или ином предприятии исчерпаны... Он на это отвечал:

— Надо. Понимаете, надо.

Никаких громких фраз. Но это «надо» звучало так, что возражать на него не было охоты.

Сам он, по своему обыкновению, бывал на заводах при первой представлявшейся возможности.

Бывшему заместителю председателя Госплана СССР Н. А. Борисову запомнилась одна из поездок на станкостроительный завод. Вознесенский пригласил его с собой как специалиста, хорошо знающего станкостроение. В те времена Борисову было за сорок. Это был зрелый, широко образованный и знающий свое дело инженер. Человек увлекающийся, он превыше всего ставил технику, высоко ценил профессию инженера и склонен был цивилизацию и прогресс во всех его проявлениях рассматривать лишь через одну призму — призму инженера. Его безмерное увлечение технизацией имело и сильные и слабые стороны...

Поездка на завод была вызвана тем, что Вознесенскому доложили: предприятие слабо справляется с выполнением плана выпуска станков, хотя потенциальные возможности для этого есть.

Приехав на завод, Вознесенский вместе с директором, главным инженером и главным технологом пошел по цехам.

И вскоре Борисов где-то отстал...

Уже заканчивая обход завода, Вознесенский увидел Борисова в механическом цехе — тот стоял на рабочем месте, у станка, и объяснял что-то внимательно слушавшему его токарю. Вознесенский и ранее предполагал, что кабинет Борисову куда менее близок, чем шумный цех с его неповторимыми для настоящего инженера звуками и запахами... Теперь он убедился в этом воочию. Борисов уступил место у станка рабочему, стал рядом и молча, но с живым интересом следил за работой

токаря. Чувствовалось, что он мог бы часами стоять вот так и смотреть на тонкую, с легким дымком змеящуюся из-под резца металлическую стружку...

Подойдя к Борисову, Вознесенский, не сразу, спросил:

— Чем заняты, Николай Андреевич?

Тот повернулся и какое-то время смотрел на Вознесенского невидящим, затуманенным взглядом. Потом, словно очнувшись, сказал:

— Да вот, Николай Алексеевич... Показываю, как надо находить угол установки резца, чтобы получить от станка наибольшую отдачу.

— И долго занимаетесь этим делом?

— Да сразу же... С того момента, как пришел в цех.

Этот ответ крайне удивил Вознесенского. Но он смолчал.

Щадя престиж своих сотрудников, Николай Алексеевич никогда не устраивал им «разноса» в присутствии посторонних, предпочитая это делать на партсобрании или у себя в кабинете.

Впрочем, последовавший по возвращении в Госплан разговор с Борисовым отнюдь не походил на «разнос».

— Для чего мы поехали на завод? — спросил Вознесенский.— Молчите? Могу напомнить...

— Не надо, Николай Алексеевич...

— И чем же вы занимались,— продолжал Вознесенский,— вы, заместитель председателя Госплана? Вы обучали рабочего прогрессивным методам резания металла... Слов нет, дело это важное. На Западе даже говорят, что прибыль находится на острие резца. Но если бы капиталист сконцентрировал свое внимание на одном-единственном резце, он бы прогорел! Для чего, спрашивается, в цехах существуют мастера?

— Я все понял, Николай Алексеевич...— начал было Борисов.

— Нет уж, дайте мне высказаться до конца! — отрезал Вознесенский и, помолчав, продолжил: — Я понимаю, вы пришли в Госплан с производства. Вы любите производство как истинный инженер... Хотите вернуться на завод?

— А что? — оживился Борисов.— Я не против...

— Нет, дорогой мой,— усмехнулся Вознесенский.— Вы с вашими знаниями, с вашей любовью к инженерному делу нужны здесь, и никуда я вас не отпущу! Партия поручила вам важнейшее дело... И вы обладаете всеми данными, чтобы выполнять это дело достойно и даже с блеском. Не смущайтесь, я никогда и ничего не преувеличиваю... Помните, что писал Маркс о специализации? «Уровень развития производительных сил нации,— писал он,— обнаруживается всего нагляднее в том, в какой степени развито у нее разделение труда».— Вознесенский улыбнулся.— Вот, Николай Андреевич, и предоставьте заботы о профессиональном уровне токаря мастеру, а сами специализируйтесь как государственный деятель! Подходит вам это?

Борисов молчал.

— Ну как,— с улыбкой спросил Вознесенский,— хватит на сегодня или продолжить?

— Пожалуй, хватит...— улыбнулся и Борисов.

— А знаете, Николай Алексеевич,— сказал он уже уходя,— я нисколько не жалею, что занялся сегодня на заводе совсем не тем, чем следовало...

— То есть как? — удивился Вознесенский.

— Очень уж предметный урок вы дали... Запомню.

Уголь и хлеб...

Хлеб и уголь...

Решив проблему металла, страна испытывала острую нужду в угле и продовольствии — из топливного

баланса выпали Донбасс и Подмосковный бассейн; житницы юга и запада находились под пятой врага. Зерно распределялось с учетом буквально каждого килограмма.

В кабинете Вознесенского раздавались тревожные телефонные звонки:

— Николай Алексеевич, нет угля!..

— Не сегодня-завтра дорога станет: нечем загружать паровозные тендеры...

Топлива не хватало. Заметно снижалась выработка электроэнергии. Не на полную мощность стали работать предприятия черной металлургии. Директор Нижне-Тагильского металлургического завода сообщал:

— Положение крайне тяжелое. Запасы топлива кончаются.

Такие же сигналы поступали с Магнитогорского металлургического комбината: из 19 мартенов там выплавляли сталь только 11, из 10 прокатных станов работало лишь 4...

На Златоустовском заводе был остановлен сталеплавильный цех, насчитывавший 10 электропечей...

Необходимо было принимать решительные меры. Недостаток угля порождал недостачу металла, а следовательно, и сокращение выпуска боевой техники.

Проанализировав создавшееся положение, обсудив результаты анализа с ближайшими сотрудниками, Вознесенский представляет в Центральный Комитет партии подробную докладную записку с конкретными предложениями, реализация которых способствовала бы ликвидации топливного кризиса. На основании этой записки Государственный Комитет Обороны принял действенные меры. В частности, были резко увеличены капиталовложения в электроэнергетику и угольную промышленность.

Чтобы пополнить запасы продовольствия, ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимают ряд энергичных мер. Для оказания содействия местным партийным и советским органам в выполнении плана хлебозаготовок в различные районы страны выезжали А. А. Андреев, А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, Н. М. Шверник и другие члены Центрального Комитета партии.

Вознесенский, выполняя поручение ЦК партии, едет в одну из главных житниц России — Сибирь. Предстояло на месте проверить, подсчитать, какое количество продовольствия может дать этот находившийся в глубоком тылу богатейший край.

Длинны дороги необъятной Сибири... Длинны зимние сибирские ночи... При коптилке, с карандашом в руках Вознесенский в окружении директоров совхозов и председателей колхозов, агрономов и бригадиров скрупулезно подсчитывает каждый центнер картофеля, каждый пуд хлеба, которые сможет дать Сибирь при напряжении всех своих сил и сверх того...

Агитационных речей произносить не приходилось. Сельские труженики понимали Вознесенского, представителя партии и правительства, с полуслова. И никому не надо было объяснять, какое место занимают хлеб, продовольствие в нуждах войны, в достижении конечной ее цели — победы.

На обратном пути из Сибири Вознесенский заехал в Челябинск. Предметом его внимания были расположенные неподалеку от города угольные разрезы.

Проверка работы разрезов вскрыла серьезные недостатки в организации добычи угля. Посоветовавшись с руководителями области, Вознесенский созвал совещание партийно-хозяйственного актива. Изложив на нем общие задачи, поставленные перед горняками Южного Урала в связи с оккупацией гитлеровцами богатых углем областей страны, Вознесенский резко раскритико-

вал постановку работы в челябинских угольных разрезах: механизмы используются из рук вон плохо, ремонт их не обеспечен, случаются простои рабочих...

— Ведь вот до чего доходит,— говорил он.— Пришли поздно вечером в один из разрезов, и что же? Горняки работают в полной темноте. Какая уж тут выработка!.. Спрашиваем у начальника разреза, в чем дело. Тот отвечает, что нет электролампочек, что нет их, дескать, во всем Челябинске. Ладно, пошли на склад, вызвали завскладом... И лампочки на складе оказались! Как это можно назвать? В условиях военного времени это уже не просто неорганизованность, для этого есть слово пожестче!..

Выступление Вознесенского не ограничилось критикой; в конце его он пообещал поставить перед Государственным Комитетом Обороны вопрос о присылке на угольные разрезы Южного Урала новых машин, оборудования и улучшении продовольственного снабжения горняков.

Необходимая помощь вскоре была оказана, и ежесуточная добыча угля в южноуральских разрезах круто пошла в гору.

Вознесенский всегда с удовольствием встречался с Иваном Алексеевичем Лихачевым, директором автозавода, который ныне носит имя этого незаурядного человека. Они были хорошо знакомы, симпатизировали друг другу и даже чем-то походили один на другого. Быть может, тем, что каждый из них был беззаветно предан своему делу, своей энергией, неутомимостью и одинаковой непримиримостью к людям недобросовестным, бездельникам и пройдохам.

Как-то после долгого телефонного разговора со штабом одного из фронтов Вознесенский отправился на автозавод.

Лихачев был заметно удивлен неожиданным приездом Вознесенского, но промолчал.

После коротких взаимных приветствий Вознесенский спросил:

— Есть что-нибудь новенькое, Иван Алексеевич?

— Как не быть,— ответил Лихачев и недоверчиво улыбнулся.— Любопытствуете?

— Любопытствую,— ответил ему улыбкой Вознесенский.

— Ну что ж, тогда прошу...

Они пошли в цех.

Лихачев показывал Вознесенскому новый метод окраски и сушки автомобилей в специальных камерах, давал пояснения, а сам в то же время выжидательно поглядывал на председателя Госплана: знал, не простое любопытство к техническим новшествам привело того на завод — не то было время...

— А что нового в производстве ППШ? — спросил Вознесенский.

— Там ничего особенно нового нет,— ответил Лихачев.— Производство отлажено, поставлено на поток...— Замолчав, он внимательно поглядел на Вознесенского.— Там все в порядке, Николай Алексеевич.

— Верю,— сказал Вознесенский.— Стрелковые испытания проходят нормально?

— Вполне... Если не опасаетесь оглохнуть, можно взглянуть.

— Не опасаюсь,— сказал Вознесенский.

В помещении, просторном и гулком, где испытывались стрелковые качества пистолета-пулемета системы Шпагина (сокращенно — ППШ), стоял непрерывный дробный грохот выстрелов, глаза ела устоявшаяся пороховая гарь.

Стрельба очередями... Одиночными выстрелами... И — на фронт.

Вознесенский остановился у одного из стендов, понаблюдал. Потом прокричал на ухо Лихачеву:

— Нельзя ли провести испытание нескольких автоматов подольше, пожестче?

— Отчего же... Можно.

Лихачев подошел к стрелкам и отдал распоряжение.

И снова — очереди... И одиночные выстрелы. Очереди... И одиночные...

Но вот у одного из стрелков что-то произошло с автоматом.

Вознесенский и Лихачев подошли к стрелку.

— В чем дело? — спросил Лихачев.

— Непонятно... Не хочет стрелять одиночными, сбивается на очередь.

Вскоре то же самое произошло и с другим автоматом. Потом — с третьим...

Лихачев вопросительно взглянул на Вознесенского.

Тот усмехнулся, сказал:

— Вот-вот. Оно самое...

Когда вышли на свежий воздух, Лихачев спросил:

— Что же вы сразу-то не сказали, Николай Алексеевич?

— А зачем же было — сразу? Причиной неполадок в автоматической стрельбе могло ведь послужить и неправильное обращение с оружием... Не так ли? — Вознесенский улыбнулся.— Признаться, зная вас, я горой стоял за завод перед военным начальством...

— Немедленно соберу конструкторов и технологов,— сказал Лихачев.— Причину сбоя стрельбы найдем и устраним.

— Знаю.

И они распрощались.

Буквально через несколько дней Лихачев позвонил Вознесенскому, коротко сказал:

— С ППШ — полный порядок, Николай Алексеевич.

Работает безотказно. Все сделали без остановки конвейера.

— Иного от вас и не ожидал,— сказал Вознесенский.— Спасибо, Иван Алексеевич.

И, положив трубку, восхищенно добавил:

— Золото, а не директор!

Наступил 1943-й год.

Памятный для советских людей год коренного перелома в судьбах второй мировой войны.

Приказ Гитлера о взятии и оккупации Кавказа был сорван организованными и мужественными действиями советских воинов и партизан,— наступление немецко-фашистских войск на Кавказе захлебнулось. Враг принял новое решение: мощным концентрированным ударом сломить сопротивление защитников Сталинграда, создать брешь для прорыва своих войск в центральной части России.

Военачальники Гитлера сделали ставку на Сталинград.

Известно, чем это кончилось...

В то время, как политические руководители США и Великобритании вели сложную дипломатическую игру, оттягивая открытие второго фронта.

Красная Армия начала массовое изгнание врага с советской территории. Сталинград, Курск, битва за Днепр... Прорвана была блокада осажденного Ленинграда. Советские войска вели победные бои на всем огромном фронте — от Кавказа до Балтики...

Близился конец третьего рейха...

Человек тем более совершенен, чем более он полезен для широкого круга интересов общественных, государственных.

Д. Менделеев

Из пепла и руин...

К концу войны Госплан СССР возглавлял уже не просто талантливый экономист, но признанный ученый в этой области, действительный член Академии наук СССР.

Кандидатуру Вознесенского в академики выдвинули: Московский государственный ордена Ленина университет имени М. В. Ломоносова, Институт экономики Академии наук СССР, Отделение экономики и права Академии наук СССР, Институт мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР.

Приведем оценку научной деятельности Вознесенского, данную Московским государственным университетом: «...товарищ Вознесенский Н. А. является автором ряда первоклассных научных работ, в которых дана трактовка основных проблем политической экономии социализма». А Институт экономики Академии наук СССР писал в своей аттестации: «Это — кандидатура передового ученого, вполне достойного быть избранным в действительные члены Академии наук СССР».

27 сентября 1943 года общее собрание Академии наук СССР единогласно избрало Вознесенского действительным членом этого всесоюзного штаба науки.

Академик В. П. Никитин говорит, вспоминая тот день:

— Ведь старики-академики, независимые и требовательные, могли совершенно просто накатать Николаю Алексеевичу черные шары при баллотировке. Да к тому же и голосование-то — тайное. Кто может знать, белый я кладу шар или черный? Но ведь не накатали... А он был очень молод для академика. Значит, признали его старики...

Признало заслуги и высоко оценило работу Вознесенского во время войны и Советское правительство, наградив его в мае 1944 года вторым орденом Ленина за успешное выполнение заданий Государственного Комитета Обороны в области планирования и материального обеспечения военного хозяйства в период Отечественной войны.

Вместе с Вознесенским орденов и медалей были удостоены многие работники Госплана СССР.

Еще шли ожесточенные бои...

Еще не знала история имен советских сержантов М. А. Егорова и М. В. Кантария, водрузивших ранним утром 1 мая 1945 года на фронтоне фашистского рейхстага красное знамя...

Близился, но не наступил еще день Победы...

Но не только советским людям, а всему миру было уже ясно, что отступление гитлеровских войск, вопреки беспочвенным утверждениям нацистской пропаганды, не временное, что враг изгоняется с территории Советской страны окончательно и навсегда.

Пепел и дымящиеся руины оставляли после себя отступавшие захватчики...

Весной 1943 года был создан Комитет по восстановлению народного хозяйства в районах, освобожденных

от немецкой оккупации. Вознесенский стал членом этого комитета. 17 марта Николай Алексеевич ставит на заседании Государственной плановой комиссии вопрос об участии Госплана СССР в восстановлении хозяйства южной части страны. Поддержав предложение Вознесенского, Государственная плановая комиссия принимает решение направить руководящих работников Госплана и ЦСУ СССР в Сталинград, Харьков, Донбасс и на Северный Кавказ. Необходимо было на месте оценить величину нанесенного ущерба и наметить пути восстановления промышленных объектов и жилья.

Советские люди повсеместно сами, повинуясь внутреннему долгу, патриотическому порыву, приступили к восстановлению разрушенного хозяйства.

Но нужен был план. Конкретный и всеобъемлющий.

Выехав на места, представители Госплана совместно с обкомами партии и облисполкомами детально намечали перечень первоочередных восстановительных работ. Их было немало... Шахты Донецкого бассейна и металлургические заводы, машиностроение, железные дороги и энергетика, предприятия легкой и пищевой промышленности...

Отдельно были подготовлены расчеты по восстановлению жилых домов и массивов.

Были в те времена такие настроения: все силы и средства нужно сосредоточить на подъеме промышленности, а строительство жилья, дескать, подождет...

Когда Николай Алексеевич услышал однажды подобное мнение, глаза его гневно сузились.

Но тон его оставался спокоен и даже сух.

— Война навязала советским людям невообразимые лишения,— сказал он.— Да, они могли бы выдержать и большие... Но — хватит. Мы должны думать и о завтрашнем дне. А завтра советский человек должен и работать, и жить в нормальных условиях.

По инициативе Вознесенского на восстановление жилого фонда Госплан выделил максимум возможных средств и материалов. Была также установлена специальная оперативная отчетность. Уполномоченные Госплана каждую пятидневку докладывали — сколько людей в той или иной области проживает в землянках и сколько за истекшие пять дней переселено из землянок в построенные или отремонтированные дома. И Николай Алексеевич всегда сам просматривал эти отчеты.

Одновременно с восстановлением народного хозяйства районов, подвергшихся оккупации, советские люди, с прежней энергией и самоотверженностью работая на военных предприятиях, продолжали насыщать быстро продвигающуюся на запад Красную Армию великолепной боевой техникой.

...И пришла Победа!

Тысячи рук писали это звонкое слово на зеленой броне танков, на серебристой обшивке боевых самолетов... На стенах рейхстага...

Это слово миллионами рук было прочно вписано в историю.

И странной была солдату наступившая тишина...

И непривычной была рабочему мысль, что можно теперь обуздать свирепую мощь военной промышленной машины, что можно направить эту мощь в иное русло...

Настал Мир.

Настало время вплотную заняться мирными делами.

Главная тяжесть войны пала на плечи страны социализма. Наибольший материальный ущерб понесла наша Родина. Нацисты, в своей звериной ненависти ко всему прогрессивному, разрушили сотни городов,

свыше 70 тысяч сел и деревень, оставив без крова около 25 миллионов человек. Они уничтожили около 32 тысяч промышленных предприятий, 65 тысяч километров железнодорожных путей, разрушили 98 тысяч колхозов, 1876 совхозов и 2890 МТС. Сметены с лица земли десятки тысяч больниц, школ, вузов и библиотек... Вот страшный список последствий игры Гитлера в «сверхчеловека» только по нашей стране. Материальный ущерб, нанесенный гитлеровцами советскому народу, составил космическую сумму в 2600 миллиардов рублей. Но эта цифра куда менее страшна, чем миллионы оборванных жизней...

Материальные потери можно было и нужно было восстановить.

Буржуазные экономисты и политики на страницах зарубежной прессы весьма скептически относились к возможностям Советского Союза своими силами, без посторонней помощи преодолеть тяжелые последствия войны.

Но капиталистический мир и на этот раз ошибся в своих расчетах. Не удалось международному капиталу, тайно лелеявшему эту мысль, путем навязанных кабальных условий помощи взять под контроль советскую экономику. Послевоенный пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР стал документом, который всему миру показал необычайные возможности плановой социалистической экономики, волевую целеустремленность народов Советского Союза, решивших без помощи со стороны, собственными своими средствами, своими руками ликвидировать последствия разрушительной войны и продолжить движение к намеченной партией цели — завершению построения у нас в стране первой фазы коммунизма.

В «Правде» от 16 марта 1946 года написано:

«Огромный зал затихает. С напряженным вниманием слушают все почти двухчасовой доклад тов. Вознесенского. С каждой минутой все шире и полнее раскрывается величественная картина предстоящего развития нашей страны, роста ее экономического могущества, ее культуры, улучшения благосостояния народа».

Речь идет о докладе Вознесенского по четвертому пятилетнему плану восстановления и развития народного хозяйства СССР на первой сессии Верховного Совета СССР второго созыва.

В кругу своих близких помощников Николай Алексеевич говорил об этом плане еще в конце войны.

— Нам надо не только восстановить хозяйство, но и превзойти в ближайшие годы довоенный уровень,— говорил он.— Прежде всего мы должны установить очередность восстановительных работ, подсчитать все затраты на них и будущий экономический эффект. Не исключено, что в ряде случаев выгоднее будет не восстанавливать объекты, а строить их заново. Словом, надо все сбалансировать, а для этого нужен новый пятилетний план.

Отчетливо понимал Николай Алексеевич и то, какое огромное политическое значение будет иметь такой план.

— За рубежом не верят в наши силы,— говорил он,— а недруги — откровенно злорадствуют... Наши люди видят разруху и опустошение, ощущают бедствия войны на себе, и у некоторых опускаются руки... Реальная программа возвращения страны к нормальной, обеспеченной жизни поднимет наш международный престиж и укрепит дух советского народа, перенесшего большое горе, воодушевит его на трудовые подвиги.

И вот в марте 1946-го Вознесенский с трибуны сессии Верховного Совета докладывает избранным пред-

ставителям советского народа о результатах огромной работы, проделанной Госпланом СССР, наркоматами и ведомствами, вылившейся в четвертый пятилетний план.

В докладе был дан детальный анализ состояния хозяйства каждой из союзных республик, определены конкретные задачи на пятилетие для каждой из отраслей народного хозяйства страны. В первую очередь необходимо было заняться восстановлением и развитием тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта, это определяло дальнейшие успехи в укреплении экономики СССР — такова была основная мысль доклада. В пятилетнем плане предусматривалось уже к 1948 году восстановить довоенный уровень промышленного производства страны, а в 1950 — увеличить его в полтора раза по сравнению с 1940 годом. По отдельным отраслям промышленности, в частности по выработке электроэнергии, довоенный уровень к концу пятилетия намечалось превзойти на 70 процентов.

— Послевоенная перестройка народного хозяйства,— говорил Вознесенский,— требует укрепления роли экономических рычагов в организации производства и распределения, какими являются: цена, деньги, кредит, прибыль, премия. Государственное планирование народного хозяйства СССР использует в интересах укрепления и развития социалистического производства закон стоимости с той особенностью, что в советской экономике исключено превращение стоимости в капитал, эксплуатирующий труд.

Особое место в докладе заняли проблемы технического прогресса и развития отечественной науки (нужно сказать, что Николай Алексеевич подчеркивал всегда в беседах и в своей книге «Военная экономика», вышедшей в 1947 году, мысль о значении технического прогресса и ведущей роли науки в его дальнейших судьбах).

— Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства предусматривает,—говорил он с трибуны сессии,— дальнейший технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства СССР, как условие мощного подъема производства и повышения производительности труда. Для этого необходимо не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами СССР. Ускорение темпов социалистического воспроизводства во всех отраслях народного хозяйства все в большей и большей мере будет определяться техническим прогрессом и использованием его в интересах народа. Технический прогресс находится в противоречии с политической и экономической организацией общества в капиталистических странах. Наша задача заключается в том, чтобы, используя преимущества советского общественного строя, обеспечить быстрое и неустанное развитие технического прогресса в своей собственной стране. История нашей Родины знает много новаторов и революционеров науки и техники, сделавших открытия мирового значения. Достаточно упомянуть Попова — выдающегося физика, изобретателя радио, которое доныне продолжает совершать переворот в науке и является основой новейшей радиолокационной техники; Менделеева — величайшего химика мира, открывшего периодический закон — основной закон химии, который до последнего времени помогает ученым открывать тайну атомной энергии; Жуковского — всемирно известного ученого, создавшего теоретические основы современной аэродинамики и авиации; Циолковского — выдающегося ученого и изобретателя, разработавшего теорию реактивного движения, лежащую в основе современной реактивной техники... При оказании должной помощи нашим ученым советская наука сумеет превзойти последние достижения науки за пределами Советского Союза.

Так оно и произошло...

Первой в истории человечества атомной электростанцией была советская АЭС...

Советский космодром отправил в небо первого космического посланца, и русское слово «спутник», облетев Землю, стало международным, понятным каждому...

Первое в мире океанское судно с атомным двигателем спущено с советской верфи и носит гордое имя вождя международного пролетариата...

В историю развития цивилизации, в историю мирового прогресса науки и техники навечно вписано имя русского человека, первого из сынов Земли, вырвавшегося за ее пределы и взглянувшего на родную планету со стороны,— Юрия Гагарина.

Академик Курчатов и академик Королев...

Эти имена по праву стоят сегодня рядом с именами их великих предшественников и соотечественников.

На первой послевоенной сессии Верховного Совета СССР Вознесенский присутствовал не только как председатель Госплана, но и как депутат.

Накануне этой сессии он выезжал в Горьковскую область и Чувашскую АССР для встречи с избирателями.

Во многих городах побывал Вознесенский, и везде его приезд собирал многолюдные митинги. Беседуя с избирателями, Николай Алексеевич, по своему обыкновению, вникал во все стороны жизни: работы, быта, насущных нужд. Но время было трудное, и советских людей, видевших в Вознесенском прежде всего руководителя экономического штаба государства, куда больше своих личных невзгод и трудностей волновали судьбы страны. Вопросов задавалось множество. И Вознесенский, отвечая на них, не скрывал правды, не стремился

смягчить тяжелейшее положение, в котором оказалась страна; не преуменьшал трудностей, которые возложила на плечи советского народа окончившаяся война...

Слушали его ответы в напряженном и строгом молчании.

В конце таких бесед Николай Алексеевич часто говорил, обращаясь ко всем:

— Но ведь справимся, как вы думаете?

И этот вопрос всегда находил живой отклик — возгласы, шум, говор не оставляли сомнений: эти люди уверены в своих силах, в силах своего государства.

— Кроме всех прочих забот,— сказал Вознесенский на одном из митингов,— у нас с вами есть еще одна, великая забота — не допустить возникновения новой войны...

Наступила тишина.

И в этой тишине прозвучал возглас:

— Да разве такое может быть?

И зал взорвался многоголосым шумом...

Да, в то время, сразу же после окончания жестокой, самой жестокой в истории человечества войны, новая война представлялась людям, перенесшим столько горя, явлением совершенно невозможным, а упоминание о подобной возможности — почти кощунственным...

Дождавшись тишины, Вознесенский сказал:

— Война может случиться... Вполне может, не будем успокаивать себя, полагаясь на уроки этой войны. Видимо, не до всех эти уроки дошли в полной степени. Да и не только в этом дело. Ленин говорил, что войны коренятся в самой сущности капитализма. А капитализм на нашей планете, как известно, еще существует, и потому источник войн сохраняется...

Кто-то спросил:

— Каков же выход?

— Первейший для нас выход — быть сильными,— сказал Вознесенский. И, улыбнувшись, добавил: — Даже мальчишкам известно: на сильного не нападают, боятся, к сильному не пристают...

В этой поездке по избирательному округу произошел такой случай.

Возвращаясь с очередного митинга к своему вагону, стоявшему на станции города Семенов, Вознесенский издали заметил, как пожилой мужчина в овчинном полушубке сует сотруднику охраны большой сверток. Сотрудник уже злился, тщетно пытаясь что-то внушить мужчине, согласно кивавшему головой, но после этого — снова протягивавшему сверток...

Повернувшись, сотрудник увидел подошедшего Вознесенского и с облегчением сказал:

— Да вот и сам товарищ Вознесенский... С ним и говорите.

— Что это за сверток? — спросил Николай Алексеевич.

— Да вот, подарок вам,— усмехнулся сотрудник.— Баян...

— Что за подарок? — возмутился Вознесенский и уже с недоумением добавил: — Какой баян?

Мужчина в полушубке был явно смущен. Неловко перехватив сверток одной рукой, он стянул с седеющих волос меховую шапку, начал невнятно объяснять, что он баянный мастер и что фамилия его — Потехин...

— Наденьте шапку! — прервал его Вознесенский.— Я — не барин, а вы мне — не слуга... Как не стыдно! Я ведь в сыновья вам гожусь...

Повернувшись к сотруднику охраны, он спросил:

— Вы объясняли товарищу, что никаких подарков я не принимаю?

— Объяснял, Николай Алексеевич. Битый час уже объясняю...

— Так от чистого же сердца...— обиженным тоном сказал баянных дел мастер и освободил сверкающий черным лаком инструмент от большой скатерти, которой тот был обернут.— Вот, на областную выставку готовил. А как узнал о вашем приезде, подумал: нехай, думаю, выставка и без моего баяна обойдется, а подарю-ка я баян нашему депутату.

Вознесенский улыбнулся.

— Так ведь надо было сперва поинтересоваться, играет ли депутат на баяне... Да и не депутат я пока еще.

— Сегодня — не депутат, а завтра — изберем.

— Уверены?

— А что я — ослеп или оглох, не видел я разве, не слышал, как народ к вам относится, как встречали сегодня на митинге... Нет, быть вам нашим депутатом, и не думайте отказываться, не то обидите народ наш семеновский!

Рассмеявшись, Вознесенский сказал шутливо:

— Хорошо, отказываться, так и быть, не стану... А вот баян мне дарить не стоит, место ему действительно на выставке. Пусть народ смотрит и гордится своим умельцем. Ишь, какой красавец! — Вознесенский провел ладонью по глянцевой поверхности инструмента и спросил: — Инкрустировали тоже сами?

— Сам, кому же? И сын мне помогает.

— А звук как?..

— Это я сейчас...— И мастер Потехин оглянулся, приискивая, куда бы сесть.

К нему пододвинули деревянный, обитый железными полосами ящик, стоявший неподалеку.

Усевшись на ящик, Потехин закинул ремень баяна на плечо, положил узловатые, казавшиеся малоподвижными пальцы на клавиши, наклонил ухо к баяну, словно прислушиваясь... И морозный воздух зазвенел, запел чудесными звуками.

Мастер играл старинный вальс «На сопках Манчжурии».

Но вот затихла, растворилась в тишине последняя нота...

Все молчали.

— Знатный баян! — восхищенно сказал Вознесенский.

Он смотрел теперь на мастера и на инструмент, сработанный его узловатыми и, на первый взгляд, такими малоподвижными пальцами, с уважением и радостным удивлением.

— Это что же,— спросил он,— у вас здесь фабрика есть, изготовляющая баяны? Или артель?

— Артель-то у нас есть, в ней мы с сыном и работаем,— сказал Потехин и горько усмехнулся.— Только баянами в ней не интересуются. Делаем тарелки деревянные, ложки... Стулья еще. Ну и прочее такое... А баяны мы — я да сын в помощниках — дома делаем. Один баян за год, а то и того меньше...

Вознесенский глубоко задумался, а мастер продолжал, любовно и с уважением поглаживая инструмент:

— Баян же — не гармошка. Это музыка тонкая. Не всякий сладит, чтобы не только видом был пригож,— это дело нехитрое... Главное ведь что? Главное, чтоб звуком был до сердца доходчив, певуч и мощен...

— Хотите сделать настоящий подарок? — спросил вдруг Вознесенский.

— Так я ж затем и пришел...— обрадовался мастер, поднявшись и снимая с плеча ремень баяна.

— Нет, я имею в виду не этот баян,— сказал Николай Алексеевич,— а вот что. Подберите группу способных ребят и учите их вашему тонкому ремеслу. А когда научите, напишите мне. Необходимую помощь местные власти вам окажут, я позабочусь. Вот это и бу-

дет вашим подарком. И не только мне... Договорились?

В знак согласия мастер крепко пожал протянутую ему Николаем Алексеевичем руку.

Сотрудник Кремля... Так называли себя работники большого и сложного правительственного аппарата. Работа их незаметна широким общественным кругам, но своеобразна и требует весьма высокой квалификации. Подготовка проектов постановлений и распоряжений союзного правительства, помощь руководящим деятелям страны в их сложной работе над докладами и рукописями требуют от работника правительственного аппарата не только глубокой теоретической подготовки, большого опыта, но и абсолютной, доведенной до высшего предела аккуратности и пунктуальной точности, не говоря уже о безукоризненно честном отношении к порученному делу.

Автор данного повествования пришел работать в аппарат Совнаркома СССР, имея за спиной институт, опыт руководящей работы на заводе, многолетний стаж финансовой работы и аспирантуру Всесоюзной плановой академии... И всего этого, однако же, оказалось мало. «Накладки» и у меня, и у других работников на первых порах случались...

Николай Алексеевич нередко повторял слова Ленина: «Умен не тот, кто не делает ошибок...» Он признавал право человека на ошибку в том случае, если этот человек способен осознать ее, исправить и впредь не повторять. Если же уличенный в ошибке человек начинал изворачиваться, лгать, пытаясь свалить свою вину на другого,— тут уж пощады от Вознесенского не жди...

В один из понедельников, придя на работу, Николай Алексеевич спросил:

— Протокол товарищу Сталину послан?

— Не знаю,— ответил я.

— Так узнайте и доложите!

Речь шла о протоколе заседания Бюро по металлургии и химии. Такие отраслевые бюро были созданы после войны при союзном правительстве для оперативного руководства развитием отдельных отраслей народного хозяйства: Бюро по сельскому хозяйству, Бюро по транспорту и связи, Бюро по машиностроению и т. д. Вознесенский, оставаясь председателем Госплана и заместителем председателя Совета Министров СССР, был назначен председателем Бюро по металлургии и химии.

Накануне выходного дня, в субботу, состоялось очередное заседание бюро.

Протокол каждого из заседаний рассылался согласно списку, и первым в списке значился председатель Совета Министров СССР И. В. Сталин.

Узнав, что в воскресный день дежурил сотрудник У., я позвонил ему и спросил:

— Вы отправили вчера товарищу Сталину протокол?

— Нет.

— Вот-те раз!.. Почему?

— А мне никто на это команды не давал.

— Да какая же вам команда была нужна? Вы что — первый день на работе?

Сотрудник молчал.

Потемневшие глаза Вознесенского, когда я доложил ему о разговоре, говорили об овладевшем им гневе.

— Как это могло случиться? — спросил он.

Что я мог ответить?

Срочно вызванные сотрудник У. и секретарь бюро явились через несколько минут.

— Объясните,— сказал Вознесенский сотруднику,—

как случилось, что протокол заседания бюро не отправлен товарищу Сталину?

И вместо того чтобы честно признаться в своей забывчивости или назвать другую, но действительную причину этой «накладки» в работе, провинившийся сотрудник У. стал что-то невнятно бормотать, ссылаясь частью на меня, как на заведующего секретариатом, но в основном — на секретаря бюро.

Вина его была очевидной.

Хорошо уже к тому времени зная Вознесенского, я понимал — наказание неизбежно... А когда Николай Алексеевич поручил дежурному секретарю немедленно собрать у него в кабинете всех сотрудников секретариата Бюро по металлургии и химии,— понял, что произойдет это тут же, сейчас.

Коротко изложив собравшимся сотрудникам суть происшедшего, Николай Алексеевич сказал:

— С сегодняшнего дня сотрудник У. от работы в секретариате бюро отстраняется. Без ошибок в работе не бывает, и ошибку можно простить. Но ошибка, усугубленная упорством, желанием свалить ее на другого из боязни наказания,— непростительна.

Не обязательно, конечно, было по такому поводу собирать всех сотрудников секретариата. Но не в правилах Вознесенского было решать подобные вопросы камерно, без должной огласки.

В сентябре 1947 года Вознесенский ушел в отпуск. Эту дату можно было бы и не называть, если бы не то обстоятельство, что отдохнуть Николай Алексеевич решил впервые за десять лет. Да и этот свой отпуск он провел весьма своеобразно...

13 сентября самолет с Вознесенским на борту приземлился на аэродроме Темпельгоф близ Берлина.

Николай Алексеевич давно уже хотел побывать в Германии, познакомиться с экономикой этой одной из самых развитых до второй мировой войны в индустриальном отношении стран, но чрезвычайная занятость не позволяла ему осуществить это свое намерение. Теперь случай представился. Воспользовавшись отпуском, Вознесенский прилетел с неофициальным визитом к главнокомандующему группой советских войск в Германии маршалу В. Д. Соколовскому.

Маршал и сотрудники его штаба встретили Вознесенского на аэродроме.

После завтрака в штаб-квартире главнокомандующего, находившейся в пригороде Берлина Бабельсберге, Вознесенский в сопровождении маршала Соколовского поехал осматривать химические заводы, расположенные вне Берлина.

Автострада Берлин — Нюрнберг.

По просторному и прямому как стрела шоссе с трехметровой ширины нейтральной разделительной полосой машины мчатся со скоростью свыше 100 километров в час. Бывший рейхсканцлер Германии, отпустивший нищенские средства на столичное метро, не пожалел денег на строительство этой автострады, учитывая ее военное значение. На пути движения машин — никаких преград. Все транспортные пути, пересекающие автостраду, проложены или сверху нее или под ней. Вдоль шоссе — ничего похожего на опоры и столбы. Линии связи и провода высокого напряжения уложены в бронированные кабели и спрятаны в землю.

В районе Дессау Вознесенский попросил шофера остановить машину.

Здесь нейтральная полоса исчезает. Два шоссе с противоположным направлением движения транспорта сливаются в единую и длинную бетонированную полосу. Сделано было это по личному указанию Гитлера.

Он готовился к войне. При необходимости этот участок автострады мог служить взлетно-посадочной площадкой для самолетов любого типа.

И самолеты со смертоносным грузом взлетали с этой полосы...

...Лейпциг.

На улицах всемирно известного центра ярмарок — следы разрушений.

Медленно проехав кривыми улочками древнего города, машины остановились около церкви «Русская слава», построенной в память 20 тысяч русских солдат, павших в битве при Лейпциге с войсками Наполеона Бонапарта в далеком 1813 году. В ознаменование этой битвы неподалеку от города сооружен огромный памятник «Битва народов» — монументальная гранитная башня с размещенными внутри нее мощными фигурами, олицетворявшими, по замыслу автора, немецкую силу.

Трудно сказать, о чем думал Вознесенский, когда он с едва заметной усмешкой окинул взглядом эти фигуры...

...Ряд стандартных, до странности похожих один на другой, словно фотографии, отпечатанные с одного негатива, домиков — рабочий поселок на окраине Лейпцига.

Соколовский остался в машине.

Николай Алексеевич в сопровождении нескольких человек с позволения хозяев вошел в один из домиков.

Грубо оштукатуренные стены в полтора кирпича. Две крохотные комнатки с соразмерной им карликовой кухней. Плита с аккуратно уложенными подле нее буроугольными брикетами. Тесно. Потолки низкие, окна маленькие... Уборная холодная, во дворе. Вода — в колонке, за несколько сот метров. Возле домика — небольшой участок. Две чахлые яблони, придавленные

к земле заводскими дымами. Длинные плети нескольких тыкв сцепились друг с другом, сплелись... Даже им здесь было тесно.

И это жилье — рай немецкого рабочего, о котором столько кричал Геббельс!.. Быть может, этому карлику было бы и сподручно жить в подобных условиях, но нормальному человеку...

Вернувшись в машину, Вознесенский сказал:

— Нет, это явно не пример для подражания...

...Магдебург.

Близ города расположен завод «Лейна», выпускавший азотистые удобрения. Завод большой. Только производственных рабочих насчитывалось здесь свыше 25 тысяч.

На заводе царили грязь и запустение...

— Почему так? —спросил Вознесенский представителя местных властей.— Людей нет?

— Да нет, отчего же,— ответил тот,— людей хватает...

— В чем же тогда дело? Трудно перестраиваться? — И Вознесенский помолчал.— Ничего, нам тоже было трудно в свое время... Да и теперь нелегко.

Вознесенский и здесь поинтересовался условиями быта рабочих, но не увидел ничего интересного: большинство рабочих снимало комнаты и углы у окрестных крестьян. Понравились Николаю Алексеевичу лишь крестьянские дворы — чистенькие, с продуманным расположением хозяйственных пристроек, вымощенные булыжником или кирпичом, поставленным на ребро...

...Когда проезжали через Мерзебург, Вознесенский сказал, глядя в окно машины:

— Обратите внимание: в стране стали нет домов, крытых железом... Вот это — хозяйский подход к делу! Чем плоха черепица? И красиво, и ржа не ест...

...Города Шкопау и Вольфен. Заводы «Буна-Верке» и

«АГФА». Производство искусственного каучука, волокна из капролактама и кинопленки...

Долгие беседы с инженерами, учеными-химиками... И короткие, лаконичные заметки в блокноте.

Эти мощные химические предприятия до войны и во время ее входили в состав монополистического объединения «И. Г. Фарбениндустри» — гигантского спрута, охватившего своими щупальцами всю химическую промышленность Германии, проникшего и за ее пределы. Теперь заводы бывшей монополии стали основой химической промышленности новой, социалистической Германии...

...Вернулись в Берлин.

По просьбе Вознесенского машины медленно двигались по улицам города. И куда ни падал взгляд, всюду были видны следы пронесшегося над городом опустошительного смерча войны... Берлинцы со свойственной им любовью к чистоте и аккуратности пытались придать городу благопристойный вид с помощью досок, фанеры и красок. Но не так-то просто сгладить язвы, оставленные недавней войной... Засыпанные щебнем, но не заасфальтированные пока еще воронки от крупных авиабомб. Остовы домов с проглядывающим сквозь проемы окон хмурым в тот день небом...

Когда проезжали район, подвергшийся особому разрушению, один из сопровождавших Вознесенского, полковник-танкист, сказал:

— Здорово тут авиация и артиллерия поработали!

Уловив нотки восхищения в его тоне, Вознесенский нахмурился, спросил:

— Чему вы радуетесь, полковник?

— Так ведь поделом же! Разве не так?

— Не знаю,— задумчиво сказал Вознесенский,— не знаю, те ли пострадали под этими развалинами, кому следовало... И вообще, знаете ли, не понимаю, как вид

разрушения может вызывать эмоции восторга. Не понимаю...

И немного погодя, он добавил:

— Ведь нам, кроме того, что свой воз тянуть, придется и им помогать...

Он кивнул за окно.

— Кому им? — в возгласе полковника послышалось откровенное возмущение.— Немцам?

— Ну да, немцам. Немцам, а не фашистам. Ощущаете разницу?

Полковник не ответил. Разницу он ощущал и понимал, но примириться с такой постановкой вопроса не мог. Семья полковника погибла в один из первых дней войны. Чудом уцелел, оставшись, однако же, без ног, лишь девятилетний сынишка. И он, едва оправившись после операции, послал полковнику короткое и страшное письмо: «Папа, убей фашиста»...

...Попрощавшись с гостеприимным маршалом Соколовским, Вознесенский из Берлина вылетел в Минск, где он решил ознакомиться с ходом восстановления города и строительством заводов.

На минском аэродроме Вознесенского встретили секретарь ЦК КП Белоруссии Н. И. Гусаров и председатель Совета Министров республики А. Е. Клещев.

После завтрака осматривали город.

Центра города не было. Редкие сохранившиеся остовы домов зияли мертвыми глазницами окон. Промышленные предприятия были разрушены до основания.

Оставляя под натиском советских войск индустриальные центры, фашисты, следуя прямому указанию Гитлера, стремились нанести непоправимый урон и делали это с истинно немецкой обстоятельностью...

Работали белорусы самоотверженно, с подъемом —

весь город и его окрестности превратились в сплошную строительную площадку. Росли корпуса новых заводов — автомобильного, тракторного, велосипедного...

Осматривая готовый к открытию оперный театр, Вознесенский заметил:

— Театр — это хорошо, нет слов. Но большая часть рабочих живет неважно... Плохо живет — в бараках и времянках. Не разумнее ли было бы прежде всего позаботиться об этом? Поймите меня правильно, я не против искусства, наоборот. Но уверяю вас, пока у рабочего над головой каплет да стены продувает, не пойдет он слушать оперу. А для кого тогда театр? И еще. Строительство заводов развернули полным ходом, а дорог туда нет... Автотранспорт сейчас — ценность необычайная, а на ваших глинистых и ухабистых грунтовках машины в два счета превратятся в лом. Не грешно в данном случае позаимствовать немецкий принцип — сначала коммуникации, потом строительство. А не наоборот...

Когда вернулись в машину, председатель Совета Министров республики пообещал устранить замеченные Вознесенским недостатки, посетовав при этом на союзные министерства — именно они утверждали титульные списки капитального строительства.

— Остановитесь, пожалуйста,— тронул за плечо водителя Вознесенский.— Воздействовать в соответствующих случаях на союзные министерства мы вам поможем,— сказал он.— Но взгляните-ка вон туда...

Он указал на новый, подведенный под крышу жилой дом.

С помощью блока наверх поднимались новенькие, блестящие листы кровельного железа. Рядом с домом лежала пачка таких же листов.

— Совершенно пустой, ненужный расход ценного металла,— заметил Вознесенский.

— Не совсем понимаю вас, Николай Алексеевич...

— А что тут понимать? Разве вы никогда не слыхали о черепице? Отличный кровельный материал! Глины у вас хоть отбавляй, и производство черепицы из местного сырья совсем не нужно согласовывать с союзными министерствами...

...Прилетев в Москву и проведя в столице менее суток, Вознесенский направился в Сочи. Но... через Сталинград и Запорожье.

...Сталинград был превращен в груду развалин.

В поездке по городу Вознесенского сопровождали местные руководители. Медленно двигались машины, часто останавливались.

Город восстанавливался, некоторые здания были уже отстроены. Но следы разрушений были видны во многих местах.

Разрушенное здание универмага, в подвалах которого укрывался фельдмаршал Паулюс...

Люди, как муравьи, копошились в руинах — шла расчистка улиц города, подготовка к строительству.

Сегодня, когда смотришь на поднявшийся над великой русской рекой город — еще более красивый и величественный, чем до войны,— странно вспоминать пророчества некоторых иностранных авторитетов: «Город надо строить на новом месте, восстановить его невозможно». Да, поднять город из развалин, где с трудом ориентировался даже коренной житель, было нелегко. Центральный Комитет ВЛКСМ, напутствуя комсомольцев, выезжающих в Сталинград, прямо говорил в своем наказе: «На пути твоем много трудностей. Ты приедешь на развалины, чтобы из них воздвигнуть корпуса гигантов заводов, жилые дома, театры, школы. Впереди у тебя дни и ночи напряженного, самоотвер-

женного труда, суровая жизнь строителя-воина. Но как бы ни было тебе трудно, помни, что тем, которые незадолго до тебя отстояли место, где ты работаешь, было гораздо труднее...»

В обкоме партии Вознесенский ознакомился с планом застройки города, подготовленным для утверждения правительством.

Новый Сталинград должен был широко раскинуться по берегу Волги. Предполагалось застроить пустыри между Сталинградом, Бекетовкой и Красноармейском.

— Какова будет общая протяженность города? — задал вопрос Вознесенский.

— Около 57 километров...

— А до войны сколько было?

— До войны — несколько меньше...

Выслушав, Вознесенский не рекомендовал увлекаться километражем, посоветовал строить город компактнее, уделять внимание не только внешней красоте улиц и проспектов города, но и удобству жилищ, оптимально удобной планировке квартир.

Прощаясь на аэродроме с городскими руководителями, Вознесенский с улыбкой сказал:

— Честно говоря, завидую я вам... Трудности были и будут, а несравненное ни с чем удовлетворение, сознание того, что вы были участниками возрождения этого легендарного города,— останется на всю жизнь.

...Самолет летел над Приднепровьем.

Изгнанный советскими воинами с этой земли немецкий генерал Штюльпнагель докладывал своему фюреру: «Промежуток в 25 лет — это такой срок, который потребуется России, чтобы восстановить разрушенное нами». И основания для подобного утверждения имелись. В Германию было вывезено все, что возможно,

вплоть до металлического лома. А остальное — уничтожено... Полностью был разрушен Днепрогэс. Перестал существовать Днепродзержинский металлургический. При уничтожении «Запорожстали» — уникального завода, снабжавшего всю страну автомобильным листом,— гитлеровцы применили дьявольский способ: они подрывали высокие и массивные заводские трубы так, что, падая, эти трубы превращали в прах находившиеся вблизи сооружения. Иной раз казалось, что невозможно разобраться в диком хаосе, оставленном гитлеровцами. При разминировании пришлось обезвредить сотни тонн взрывчатых веществ, заложенных фашистами.

Прогноз немецкого генерала не оправдался...

Не через 25 лет, а уже в марте 1947 года Днепрогэс дал первый промышленный ток. Днепродзержинские сталевары выдали плавку на 26-й день после освобождения города.

На бывшем пепелище менее чем за три года вырос новый металлургический гигант, оснащенный современнейшей техникой и унаследовавший прежнее, прославленное на всю страну имя — «Запорожсталь»... Именно это предприятие, ставшее гордостью отечественной черной металлургии, и хотел осмотреть Вознесенский, ознакомиться с производственными процессами и поговорить с руководством завода о перспективах на будущее.

Проведя в цехах «Запорожстали» почти сутки, Николай Алексеевич вылетел, наконец, в Сочи.

На живописном курорте Николай Алексеевич появился поздним вечером 19 сентября, а на следующий день приехала в Сочи и Мария Андреевна.

— Прежде всего — режим,— заявил Николай Алексеевич.

И предложил режим, который лишь с большой на-

тяжкой можно было назвать курортным: с утра — работа; потом — мацестинские ванны, завтрак, купание в море; после этого — снова работа... Мария Андреевна нисколько не удивлялась подобному распорядку дня — она хорошо знала мужа...

Время отпуска Вознесенский решил использовать для окончательной доработки рукописи книги «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». И работал увлеченно, свято, однако же, соблюдая установленные на это часы, отдавая остальное время семье и отдыху. Строгий и размеренный режим нарушали лишь частые вызовы Вознесенского к Сталину, который в то время находился в Сочи, на даче.

Обезображенные войной районы страны буквально на глазах меняли свой облик. Обновлялись и молодели города, одно за другим вводились в строй промышленные предприятия, крепло сельское хозяйство, урон которому нанесла не только война, но и небывалая засуха, охватившая летом 1946 года важнейшие сельскохозяйственные районы.

И еще раз сказалась великая сила дружбы народов нашей многонациональной Родины. В свое время русские, украинцы и белорусы помогали Казахстану и республикам Средней Азии ликвидировать отставание в развитии экономики и культуры. А теперь все народы Советского Союза самоотверженно и всесторонне помогали восстановлению хозяйства районов, пострадавших в результате оккупации.

В 1946 году прозвучал призыв макеевских металлургов, рабочих предприятий Москвы и других городов начать Всесоюзное социалистическое соревнование за выполнение и перевыполнение четвертого пятилетнего плана. На этот призыв откликнулась вся страна.

Перестройка промышленности на мирные рельсы сопровождалась временным снижением производства. Так, объем валовой продукции в 1946 году уменьшился по сравнению с 1945 годом на 17 процентов. Это было связано с тем, что для освоения мирного производства требовалось время. Надо было как можно более сократить этот период. Преимущества планового социалистического хозяйства и огромная организаторская работа партии позволили успешно разрешить эту трудную задачу: уже к концу 1946 года перевод промышленности на мирные рельсы в основном был завершен, а в 1947 году промышленное производство составило 93 процента довоенного уровня.

Индустрия страны уверенно наращивала свою мощь...

— Совершенно ясно,— говорил Вознесенский,— что и эту пятилетку мы не только выполним, но и значительно превзойдем намеченные показатели. Но ведь это — только начало...

1 августа 1947 года на очередном заседании Государственной плановой комиссии принимается решение: внести на утверждение ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР предложение — разрешить Госплану СССР приступить к составлению Генерального хозяйственного плана, рассчитанного на решение важнейшей экономической задачи СССР...

Большое счастье видеть уже сегодня то, что мир увидит только завтра.

В. Гюго

Снова — Генеральный хозяйственный...

Центральный Комитет партии и Совет Министров СССР приняли 6 августа 1947 года важное решение: поручить Госплану СССР составить Генеральный план развития народного хозяйства страны, рассчитанный на 20 лет. Партия и правительство Союза ССР решили разработать экономическую программу, равной которой еще не знала история социалистического строительства.

В Госплане наступили горячие, насыщенные напряженной деятельностью дни...

— План, к созданию которого мы приступаем,— говорил Вознесенский в кругу своих заместителей и ближайших помощников,— это не просто взгляд в будущее. Это реальный взгляд в реальное будущее, определенное не по гороскопу, а создаваемое собственными руками, творческой деятельностью миллионов советских людей. И для того чтобы даже отдельные пункты Генерального плана не носили прожектерского духа, надо привлечь к разработке его максимум научных сил страны.

К работе по созданию Генерального хозяйственного плана, фактической задачей которого было открыть перспективу построения основ коммунистического общества, были привлечены ученые Академии наук СССР, отраслевые научно-исследовательские институты, мини-

стерства, ведомства, республиканские плановые комиссии, местные партийные и советские органы, Совет научно-технической экспертизы Госплана СССР.

О грандиозности размаха развертывавшихся работ можно судить хотя бы по тому, что на заседании Государственной плановой комиссии в августе 1947 года было создано 80 подкомиссий для разработки отдельных проблем Генерального плана. К работе в них были привлечены видные хозяйственные руководители, министры С. А. Акопов, Н. К. Байбаков, И. А. Бенедиктов, А. Е. Вяткин, А. А. Горегляд, Д. Г. Жимерин, В. П. Зотов, А. П. Завенягин, А. В. Любимов, В. А. Малышев, Т. Б. Митрохин, Г. М. Орлов, В. П. Пронин, К. Я. Сергейчук, С. А. Степанов, Д. Ф. Устинов, М. В. Хруничев, З. А. Шашков, П. П. Ширшов, И. С. Юмашев. Из числа действительных членов Академии наук СССР в подкомиссии вошли А. П. Ахутин, И. П. Бардин, А. И. Берг, А. А. Благонравов, А. А. Бочвар, С. И. Вавилов, С. И. Вольфкович, В. И. Дикушин, М. В. Келдыш, В. С. Кулебакин, И. В. Курчатов, Е. Ф. Лискун, А. Б. Чернышев, Е. А. Чудаков, Л. Д. Шевяков и многие другие крупные ученые.

Специальную комиссию Госплана СССР по руководству всей работой, связанной с подготовкой проекта Генерального хозяйственного плана, возглавил Н. А. Вознесенский.

Казалось бы, к созданию этой грандиозной программы развития советской экономики привлечены достаточно мощные научные силы, но в беседах со своими заместителями и другими ближайшими сотрудниками Вознесенский продолжал высказывать неудовлетворение по этому поводу.

— Но ведь не подчинишь же всю Академию наук Госплану! — сказал как-то один из заместителей.

— Нет, конечно,— заметил на это Вознесенский.—

И не надо. Зачем нам, скажем, Институт этнографии Академии или Институт литературы? А вот об Институте экономики подумать стоит...

И, посоветовавшись с руководством Академии наук, Вознесенский ставит в Центральном Комитете партии вопрос о подчинении в организационном отношении Института экономики АН СССР Госплану.

ЦК партии решает этот вопрос положительно.

Осенью 1947 года Государственная плановая комиссия пересмотрела структуру Института экономики, изменив ее в соответствии с новыми задачами. Был также пересмотрен и заново утвержден ученый совет. Совершенно изменен был и план научно-исследовательских работ института, основой его стали актуальные проблемы развития народного хозяйства СССР.

В сентябре 1948 года была разработана программа проведения ряда конференций по изучению производительных сил экономических районов страны — Северо-Запада, Центрально-Черноземной полосы, Кузбасса, Восточной Сибири, Казахстана и Дальнего Востока. Проведение конференций планировалось в конце 1948 года и в 1949-м. На основании готового к тому времени проекта Генерального плана развития отдельных экономических районов, разработанного Госпланом СССР, конференции должны были рассмотреть как общие, так и отраслевые вопросы, заложенные в проекте, и выработать предложения по перспективному развитию экономических районов и отраслей народного хозяйства страны.

Мощный и сложный организм, призванный осуществить небывалую по масштабам работу по планированию экономического развития страны, был создан и начал действовать...

В декабре 1947 года вышла из печати книга Н. А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». Рецензируя этот многоплановый научный труд, газета «Правда» писала: «Книга представляет большой теоретический интерес, содержит глубокий анализ движущих сил и закономерностей социалистической военной экономики».

Мы, экономисты, восприняли выход в свет этой книги, как явление далеко не заурядное.

Вот истоки рождения этой книги.

Много и кропотливо занимался аппарат Госплана СССР под руководством своего неутомимого председателя планированием перестройки советской экономики на военный лад и анализом ее развития.

Чтобы наглядно представить роль Госплана в годы войны, напомним еще раз лишь самые важные экономические работы, проведенные Госпланом, особенно в начале войны.

Выполняя указания ЦК ВКП(б) и СНК СССР, Госплан 23—29 июня 1941 года разработал мобилизационный народнохозяйственный план на третий квартал 1941 года взамен существовавшего мирного плана.

16 августа 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили представленный Госпланом военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 года и на 1942 год для восточных районов страны.

В апреле 1942 года Госплан совместно с Наркоматом черной металлургии, выполняя указания ЦК партии и Советского правительства, разработал план форсированного строительства и ускоренного наращивания производственных мощностей на металлургических заводах в восточной части СССР.

Немного позднее Госплан совместно с Наркоматом нефтяной промышленности разработал план, в котором предусматривалось всемерное форсирование увеличе-

ния добычи нефти в восточных районах страны, и в начале 1943 года Государственный Комитет Обороны утвердил представленный Госпланом и наркоматом угольной промышленности план восстановления угольных шахт Донбасса.

Исключительная ценность разработки отраслевых планов состоит в том, что они не только содействовали обеспечению разгрома врага, но и сыграли очень важную роль в подготовке послевоенного четвертого пятилетнего плана.

Но работа Госплана не ограничивалась только составлением планов и проверкой их выполнения.

Госплан по инициативе Вознесенского тщательно изучал ход перестройки народного хозяйства Советского Союза, глубоко анализировал развитие экономики в годы войны как в отраслевом, так и в районном разрезе и систематически, изыскивая материальные ресурсы и резервы производственных мощностей, вносил в правительство предложения, направленные на материальное обеспечение нужд войны.

Вся эта большая патриотическая работа нашла отражение в двухтомном отчете о военной перестройке народного хозяйства СССР и экономическом развитии страны в военные годы.

Отчет был представлен в ЦК партии и правительство Госпланом совместно с Центральным статистическим управлением.

Непосредственное руководство всей деятельностью Госплана по анализу развития экономических процессов, происходивших в народном хозяйстве страны в годы войны, и дало возможность Вознесенскому написать книгу «Военная экономика СССР в период Отечественной войны».

Рукопись, размноженная на машинке, была передана для ознакомления Сталину и другим членам Политбюро ЦК ВКП(б).

Шли дни, месяцы...

От членов Политбюро замечаний не поступало, можно было сделать вывод, что они с автором «Военной экономики» согласны.

Сталин держал у себя рукопись почти год.

В сентябре 1947 года, перед самым своим отпуском, Вознесенский вызвал автора этих строк к себе.

— Смотрите! — сказал Николай Алексеевич.

Он протянул мне солидную пачку машинописных листов в знакомом переплете.

Ничего не понимая, я стал листать страницы, пробегая глазами уже несколько раз читанный текст. Но вот на листах появились поправки синим карандашом... Я понял, чьи это поправки, внимание мое обострилось. По всему было видно, что Сталин тщательно прочел рукопись, сделал вставки, внес некоторые исправления...

— Не туда смотрите,— услышал я голос Николая Алексеевича.— Вы на последний лист взгляните...

На последней странице рукописи стояли знакомые мне по резолюциям на документах две крупные буквы — «ИС»... Хоть карандаш и был синим, но это означало для книги «зеленую улицу».

На другой день в Кремль к Вознесенскому был приглашен заведующий Объединением государственных издательств (ОГИЗ) Л. П. Грачев.

Едва взглянув на последний лист с выразительными инициалами Сталина, Грачев с заметной тревогой сказал:

— Николай Алексеевич, книгу надо немедленно издавать!

— Не так скоро! — улыбнулся Вознесенский.— В отпуске я доработаю книгу в соответствии с замечаниями товарища Сталина, после чего пришлю ее вам для сдачи в набор...

Замечания были незначительными по своему объему, и уже в октябре книга была в наборе.

Спустя месяц издательство прислало экземпляры макета «Военной экономики» — для автора. Пахнущие клеем и свежей типографской краской книги... Часть их была вручена членам Политбюро ЦК ВКП(б). Два экземпляра были переданы в секретариат Сталина.

Подождав несколько дней и не получив никаких замечаний ни от Сталина, ни от других членов Политбюро, Вознесенский дал указание печатать тираж.

В один из тех дней Вознесенскому, как члену Политбюро ЦК ВКП(б) и заместителю председателя Совета Министров СССР, прислали на согласование проект решения о назначении министром просвещения РСФСР Александра Алексеевича Вознесенского, его брата...

Недобрая и горькая усмешка залегла в уголках губ Вознесенского.

Нет, не к брату она относилась...

Александр Алексеевич прочно осел в Ленинграде, руководил одним из старейших русских университетов. Встречались они редко, но это не мешало им сохранять друг к другу по-настоящему братские, теплые и дружеские чувства. Последняя их встреча произошла совсем недавно, в дни отпуска — Александр Алексеевич отдыхал в сентябре 1947 года неподалеку от Сочи, в Гагре. И любопытно, что разговор тогда зашел как раз о партийном подходе к подбору и выдвижению кадров...

Старший брат с улыбкой вспомнил, как Николай —

шестнадцатилетний председатель Чернского укома комсомола — отказал сестре Валентине в приеме в организацию по той причине, что сестренке тогда не было еще полных четырнадцати лет. И как рассердился он, когда Валентина в качестве единственного веского аргумента в свою пользу напомнила, что Николай — ее брат... Подражая ломающемуся голосу юного Николая Вознесенского, Александр Алексеевич повторил сказанные им тогда слова:

— Здесь нет братьев и сестер по крови. Здесь — соратники и товарищи по союзу. И устав союза — закон для всех нас... Короче — когда исполнится тебе четырнадцать, тогда и поговорим.

Вспомнили и другой случай, касавшийся уже мужа Валентины.

Было это в начале войны. Муж Валентины Алексеевны был достаточно видным партийным работником. Когда встал вопрос о переводе его на другую работу, один из руководящих работников, узнав о его родственных связях с председателем Госплана СССР, позвонил Вознесенскому и сказал:

— Николай Алексеевич, есть предложение направить мужа вашей сестры товарища Евсеева председателем Куйбышевского облисполкома... Как ваше мнение?

— Странный вопрос,— удивился Вознесенский.— Непонятно, кем вы являетесь — свахой или ответственным работником? Какое отношение имею я к назначению Евсеева? Лучше поинтересуйтесь мнением парторганизации, где сейчас работает Евсеев.

Николай Алексеевич Вознесенский был совершенно чужд кумовства. Занимая все более и более ответственные государственные посты, доверяемые ему партией, он никогда не тянул вслед за собой «своих» людей.

И вот теперь перед ним лежал проект решения о назначении его старшего брата министром... Минист-

ром просвещения... Николай Алексеевич снова усмехнулся. Он хорошо понимал, что не личные заслуги Александра причиной тому,— старший из Вознесенских был профессором политэкономии и никогда в жизни не занимался вопросами школы, просвещения...

Подняв трубку аппарата правительственной АТС, Николай Алексеевич набрал номер телефона одного из руководящих работников.

Поздоровавшись и назвав себя, сказал:

— Зачем вы срываете моего брата с интересной для него работы? Он профессор политической экономии, ректор одного из крупнейших в стране университетов, а вы хотите оторвать его от научной работы ради того, чтобы он занимался школьным делом, к которому никогда не имел никакого отношения... Разве это партийный подход к подбору кадров? Прошу доложить товарищу Сталину, что я категорически протестую против этого назначения.

Положив трубку, Вознесенский какое-то время сидел, задумчиво глядя на лежавший перед ним проект решения. Потом взял ручку и написал поперек проекта: «Категорически против. Н. Вознесенский».

Неизвестно, докладывали Сталину мнение Вознесенского на этот счет или нет, но через несколько дней решение ЦК партии и правительства вошло в силу — А. А. Вознесенский был назначен министром просвещения РСФСР...

Вышел тираж книги...

«Военная экономика СССР в период Отечественной войны» — это гимн Коммунистической партии Советского Союза, которой «принадлежит честь и слава победы беспримерной в истории человеческого общества», гимн нашему социалистическому строю. Книга тут же

нашла своего читателя. Она была переведена на многие языки народов Советского Союза и на иностранные — английский, французский, немецкий, чешский, болгарский... Рецензии в отечественной периодической прессе свидетельствовали о высокой оценке вышедшей книги научными и общественными кругами страны.

Книгу отличали глубина анализа основных событий начиная с первой пятилетки, тщательность и обоснованность выводов о закономерностях развития социалистической экономики.

В книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» многие страницы исполнены гражданской боли и гнева, когда речь идет о страданиях, причиненных гитлеровцами советскому народу, подлинно патриотическим пафосом, пронизывающим многие ее строки. Но наряду с этим она являлась в то время почти единственным научным трудом, в котором исследовались истоки возникновения объективных законов социалистической экономики, давалось их обобщенное понятие и намечались пути дальнейшего развития этих законов.

Были в книге и недостатки.

Один из самых крупных, пожалуй,— это преувеличение роли Сталина как личности в судьбах социалистического государства. Но частные недостатки не в состоянии были умалить научное значение труда.

Лучшие страницы этой книги не потеряли своей актуальности и в наши дни.

Приведем несколько выдержек.

С убедительностью ученого, крупнейшего специалиста в области социалистического планирования, Вознесенский раскрывает в книге сущность и значение государственного плана для судеб страны Советов: «Государственный план развития народного хозяйства СССР всегда подчинен определенной цели, которую ставит

для данного периода социалистическое государство. В период Отечественной войны целью военно-хозяйственных планов являлось сосредоточение всех материальных ресурсов Родины для полного разгрома немецких захватчиков и очищения от них советской земли...

...он (план.— *Авт.*) опирается на авторитет и практику всего советского народа, организованного в государство; без повседневной творческой деятельности народа, Коммунистической партии и государства план остался бы грудой мертвых цифр...

...сила государственного плана основана на том, что он сосредоточивает все материальные ресурсы страны на решении генеральных задач, поставленных Всесоюзной коммунистической партией (большевиков) и Советским государством, на укреплении социализма и социалистической собственности на средства производства, сохранении независимости советской экономики от капиталистического окружения, а в период Отечественной войны — на обеспечении потребностей военного хозяйства.

...успех социалистического плана определяется правильным распределением рабочей силы и материальных фондов, наличием резервов для ликвидации возможных прорывов в выполнении плана, правильным соотношением отраслей материального производства и распределения, производства и перевозок. План, не обеспечивающий этих соотношений, не учитывающий законов производства и распределения, обречен на провал».

Обращение Вознесенского к законам производства и распределения в книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» не являлось случайным или попутным. Теоретические исследования его о закономерностях развития советской экономики известны читателю уже с 1931 года, когда он, иронизируя над некоторыми псевдоучеными, писал: «Есть мудрецы,

которые говорят, что социализм не знает экономических законов. Это по меньшей мере пустяки».

В 1947 году, в книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», Вознесенский утверждает существование экономических законов социализма, которые являются основой основ политической экономии, ее душой.

Классики марксизма-ленинизма учили, что политическая экономия в широком смысле есть наука о законах, управляющих производством и обменом жизненных благ в человеческом обществе. И Вознесенский ставит вопрос: «В самом деле, существуют ли экономические законы производства и распределения, с которыми должно считаться социалистическое планирование как в период мирной экономики, так и в период военной экономики?» И отвечает на него утвердительно: «Безусловно, такие законы существуют, с ними нельзя не считаться; только знание экономических законов делает возможным использование их в интересах социализма».

К числу объективных экономических законов социализма Вознесенский относит и закон стоимости, «поставленный на службу государственного планирования», как он писал, в отличие от закона стоимости, слепо действующего в условиях беспланового капиталистического производства со всеми присущими ему антагонистическими противоречиями, которые, «подобно необузданному исполину, гонят народы от одного кризиса к другому».

Вознесенский подробно рассматривает в книге механизм действия этого закона в условиях планового хозяйства страны Советов как в производстве, так и в распределении.

Последовательно выступая за балансовый метод планирования народного хозяйства, Вознесенский пишет:

«В планах расширенного социалистического воспроизводства, какими в СССР являются государственные народнохозяйственные планы, необходимо соблюдать определенные соотношения между промышленностью и сельским хозяйством, между производством средств производства и производством средств потребления, между ростом производства продукции и развитием транспорта, между накоплением и потреблением».

Казалось бы, в книге, посвященной конкретной теме, определенной заглавием, рассмотрено все: и развитие советской экономики в предвоенные годы, и перевод народного хозяйства СССР на военные рельсы, и экономика страны в годы войны, и издержки и потери, понесенные Союзом ССР в Отечественной войне. Но пытливый ум Вознесенского-исследователя не мог ограничиться лишь анализом недавнего прошлого. Он заглядывает в будущее, ставит задачи послевоенной перестройки народного хозяйства, которые должны быть планомерно решены Советским государством «путем определения новых пропорций в развитии социалистической экономики по сравнению с пропорциями периода военной экономики». А это означало «необходимость первоочередного и более быстрого восстановления и развития металлургической, топливной и энергетической промышленности, железнодорожного транспорта СССР, а также отечественного машиностроения, обеспечивающего технико-экономическую независимость нашей Родины...».

Устремляясь, как всегда, вперед, Вознесенский пишет: «Необходимо обеспечить широкое развитие передовой современной техники для народного хозяйства: передача постоянного тока большой мощности на дальние расстояния, внедрение кислорода и электрического тока в технологические процессы производства, использование и развитие реактивной и атомной техники, всемер-

ное развитие радиолокации и телевидения, использование и применение инфракрасной техники, развитие синтетических видов производства».

Не забудьте, читатель, что эти строки написаны в 1947 году, когда атомной техники еще не было, если исключить чудовищное ее порождение — ядерную бомбу; когда к перелетам на пассажирских реактивных лайнерах относились с большим сомнением, не говоря уж о космических полетах; когда телевидение находилось в стадии технических экспериментов; когда известно было лишь несколько названий синтетических материалов.

Но Генеральный хозяйственный план как раз и призван был определить пусть в общих, но реальных контурах пути развития экономики и техники нашей страны в будущем, через два десятилетия. Правда, Николаю Алексеевичу и этого было мало.

— Ну вот,— говорил он в кругу своих ближайших сотрудников,— составим мы Генеральный план, ЦК партии рассмотрит, внесет необходимые поправки и утвердит его. А что же дальше? Ведь это хотя и Генеральный, однако только хозяйственный план, который должен открыть лишь перспективу построения основ коммунистического общества. Не настало ли время, опираясь на гигантский опыт строительства, глубочайших преобразований в нашей стране, обобщенный в исторических решениях съездов, конференций и пленумов ЦК нашей партии, теоретически осмыслить закономерности становления экономики коммунистического общества? Совершенно очевидно, что, используя наследие Маркса — Ленина, надо уже сейчас предвидеть, как будет развиваться народное хозяйство при коммунизме, какие изменения претерпят производительные силы и производственные отношения, сложившиеся при социализме...

Мысль о закономерностях развития экономики нашей страны в будущем все больше и больше захватывала Николая Алексеевича. Снова и снова возвращался он к ней в беседах.

Пользуясь дневниковыми записями тех лет, автор попытается восстановить общий ход рассуждений Вознесенского на эту тему.

— Известно,— говорил он,— что в каждой общественной формации действуют экономические законы, имеющие равную силу для любого общественного строя. Но в то же время каждой общественной формации присущи свои специфические экономические законы и экономические категории, и прежде всего — основной экономический закон, являющийся как бы центральной нервной системой общественного строя... Ленин говорил, что «социализм неизбежно должен постепенно перерасти в коммунизм». Следовательно, коммунизм образуется эволюционным путем, на своей собственной социалистической основе. И очень важно знать экономические закономерности становления коммунизма, пути преобразования социалистических производственных отношений в производственные отношения, присущие коммунистическому обществу.

Раскрывая эти закономерности, мы должны установить противоречия между производительными силами и производственными отношениями, которые возможны в условиях нового, коммунистического способа производства, и как эти противоречия будут разрешаться. Много нового должно произойти в общественном разделении труда...

— Николай Алексеевич,— спрашивали его,— а стоит ли сейчас перепрыгивать через двадцатилетие и определять ход событий за пределами Генерального плана?

— Стоит, обязательно стоит! Мы — ученики и

продолжатели дела гениев, далеко опередивших свое время. Маркс, заглядывая через многие десятилетия, доказал неизбежность крушения капитализма и открыл диктатуру пролетариата как государственную власть в переходный период от капитализма к социализму. А Ленин? В стране голод, холод, разруха, а у Ильича уже зрели мысли о путях строительства коммунизма...

В одной из бесед с автором Николай Алексеевич сказал:

— Первый шаг всегда самый трудный. И как ученому-экономисту мне, может, было бы и простительно ждать, когда кто-то другой сделает этот шаг. Но как коммунист я просто обязан сделать попытку шагнуть мысленно в будущее нашей экономики. Основа для этого есть, и основа завидная — труды Маркса, Энгельса, Ленина, решения партии, огромный опыт строительства социализма в нашей стране... Я должен, я просто обязан приступить к работе над новой книгой — «Политической экономией коммунизма»! Тем более, что я к тому же еще и член программной комиссии, призванной создать проект новой Программы нашей партии, подводящей итог почти пятидесятилетней борьбы и созидательной деятельности миллионов коммунистов и определяющей конечную нашу цель — построение коммунистического общества. «Политическая экономия коммунизма» будет моей лептой в дело партии как ученого-коммуниста. Такая книга может помочь разработке экономического раздела новой Программы партии.

Этот разговор состоялся в сентябре 1948 года. А в ноябре был напечатан на машинке конспект будущей книги — примерно на 100 страницах.

Специальная комиссия, которую возглавлял Вознесенский, рассматривала в сентябре 1948 года предвари-

тельные наброски тезисов Генерального плана. Николай Алексеевич был молчалив, сосредоточен.

Слушал докладчиков, изредка делая пометки в блокноте.

Иной раз едва заметно улыбался чему-то своему: хозяйственный план никогда не представлялся ему собранием сухих цифр; он, как хороший музыкант, умеющий, глядя на невзрачные нотные значки, слышать музыку, способен был за этими цифрами слышать пульс жизни страны, ясно видеть, как год за годом будет меняться ее экономический и социальный облик...

Заседание комиссии шло к концу.

В общих чертах уже проглядывалась грандиозная двадцатилетняя программа экономического развития нашей страны.

— Сделано немало,— с удовлетворением отметил Вознесенский.— Но предстоит сделать еще больше.

Закончить, однако же, эту работу ему не пришлось.

Каждый из нас — сын своих дел,

Сервантес

Имени Вознесенского...

Ленинград... Город, где впервые по-настоящему развернулись, на деле проявили себя незаурядные способности молодого ученого-экономиста, назначенного председателем городской плановой комиссии.

Канал имени Грибоедова...

Банковский мост, и прямо напротив него — старинное здание, верхний этаж которого украшен колоннами.

По сторонам центрального входа — вывески с надписями:

«ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени Н. А. ВОЗНЕСЕНСКОГО»

...В последние годы жизни Николай Алексеевич получал немало писем от общих собраний колхозов, промышленных предприятий с просьбой дать согласие на то, чтобы такому-то колхозу или заводу было присвоено его имя. Каждое из таких писем Вознесенский читал с неизменным удивлением, словно его перепутали с кем-то другим... И, поручая одному из своих помощников подготовить ответ, поблагодарив авторов письма за оказываемое доверие, он говорил строго, явно скрывая за этим строгим и суховатым тоном смущение:

— Столь высокой чести — не заслужил...

Он был скромен и жил скромно.

Николай Алексеевич Вознесенский принадлежал к категории людей с подлинно творческим складом ума и характера. Все свои силы и способности он до конца, без остатка отдавал созидательной деятельности. Повышение в должностях у таких людей никак не влияет на рост потребительских запросов — потребительское начало в их натуре проявляет себя лишь в той мере, чтобы обеспечить полнокровную деятельность лучшей, творческой стороны личности.

Свое академическое вознаграждение Вознесенский не получал. К концу войны на его счету в Академии наук скопилась весьма значительная сумма. Николай Алексеевич передал эти деньги детскому дому имени академика Комарова, где воспитывались дети советских ученых, погибших в годы войны.

Тысячи детей оставила война без родителей, но не осиротила,— заботы о них приняло на себя государство, советские люди, для которых эти дети не были и не могли быть «чужими»...

Вознесенский не остался в стороне от этих забот.

Вот сообщение в «Правде» от 2 июня 1948 года: «В Комитет по Сталинским премиям в области науки и изобретательства поступила от тов. Вознесенского Н. А. просьба передать присужденную ему правительством Сталинскую премию за научный труд «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» в размере 200 тысяч рублей специальным детским домам, организованным по решению правительства для устройства, обучения и воспитания детей воинов Советской Армии, партизан Отечественной войны, а также детей советских и партийных работников, рабочих и колхозников, погибших от рук немецких оккупантов, в целях приобретения ценных подарков воспитанникам этих

домов в Горьковской и Тульской областях, всего четырем домам по 50 тысяч рублей каждому. В соответствии с просьбой товарища Вознесенского Н. А. Комитетом даны распоряжения о переводе денег по указанному выше назначению».

На общественные дела шли и гонорары, полагавшиеся Николаю Алексеевичу за научные публикации. Согласно раз и навсегда данному им самим распоряжению (еще перед войной), гонорары за статьи и книги, написанные Вознесенским, отчислялись в фонд государства.

— Почему вы просите о переводе на другую работу? — спросил как-то Николай Алексеевич одного из сотрудников, вызвав его к себе.— Только — честно. Более высокий оклад в НИИ посулили? Так?

— А разве это зазорно? — сказал тот.— Хочу жить пристойно, только и всего...

— Ну что ж, прощайте... Держать не стану.

Когда сотрудник вышел из кабинета, Николай Алексеевич сказал, горько усмехаясь:

— Да, много, ох как много нужно человеку, чтобы жить пристойно!..

Имел он в виду не обывательские блага, а нравственные качества человека.

Внезапно в жизни Вознесенского наступила крутая перемена: оклеветанный политическими карьеристами в связи с так называемым «ленинградским делом», он в марте 1949 года был отстранен от всех государственных должностей, лишен депутатских мандатов... Неожиданно оказавшись не у дел, Николай Алексеевич не стал предаваться пустым переживаниям, а принялся за работу, которую определил как свое кредо ученого и коммуниста,— это была работа над рукописью книги «По-

литическая экономия коммунизма», конспект которой был подготовлен еще в конце 1948 года.

Вознесенский был глубоко потрясен неожиданным поворотом в его судьбе, но ни секунды не сомневался, что все происшедшее — тягостное недоразумение, которое вот-вот выяснится...

Прошло время, и партия восстановила доброе имя коммуниста Вознесенского.

Память о верном коммунисте-ленинце, выдающемся партийном и государственном деятеле Николае Алексеевиче Вознесенском живет в сердцах советских людей, его мысли, планы воплощаются в грандиозных свершениях нашего народа.

Советские люди отдают ему должное, увековечив имя этого незаурядного человека и талантливого ученого.

В феврале 1958 года жители родного города Вознесенского Черни, где прошло его детство, прочли в местной газете «Заря» такое сообщение:

«В райисполкоме. В связи с сорокалетием районной партийной организации исполком райсовета депутатов трудящихся принял решение о переименовании улицы Народная в поселке Чернь в улицу Николая Вознесенского».

И уже не нужно было спрашивать на это согласие Николая Алексеевича... И не мог он сказать, за сухим тоном скрывая смущение:

— Столь высокой чести — не заслужил...

В день 60-летия Вознесенского — 1 декабря 1963 года — его имя было присвоено Ленинградскому финансово-экономическому институту, одному из головных учебных заведений, готовящих специалистов в области

финансов и экономики для работы в различных отраслях народного хозяйства нашей страны.

Наступила новая памятная дата — 70-летие со дня его рождения. Вознесенскому отдаются новые почести.

В городе Черни, откуда шагнул в большую жизнь, полную тревог и забот о благе народа, Николай Алексеевич, его имя присвоено средней школе города, а на доме, где жил комсомольский вожак Николай Вознесенский, установлена мемориальная доска.

Металлурги города Енакиево, отмечая памятную дату, присвоили имя Николая Алексеевича городскому парку культуры и отдыха. Его именем назвали одну из центральных улиц города и установили мемориальную доску у главной проходной Енакиевского металлургического завода, в крепком рабочем коллективе которого получил боевую партийную закалку будущий член Политбюро Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и академик.

1 декабря 1973 года, отмечая семидесятилетие со дня рождения Н. А. Вознесенского, «Правда» в статье «Самоотверженный борец за коммунизм» писала:

«Неутомимым и страстным борцом за дело Ленина, за коммунизм — таким остался в памяти советских людей Николай Алексеевич Вознесенский. Он был выдающимся деятелем Коммунистической партии и Советского государства.

...Постоянно занимаясь вопросами экономики, ведя разностороннюю государственную деятельность, Н. А. Вознесенский являл собой пример руководителя ленинского типа. Он был тесно связан с массами, жил их интересами, внимательно относился к критическим замечаниям, находил путь к сердцу и пожилого, умудренного жизнью работника, и молодого специалиста, только что окончившего вуз, видел нужды каждого человека, с которым работал, заботился о нем.

Н. А. Вознесенский прожил яркую жизнь. Партия и народ чтят память пламенного коммуниста, талантливого теоретика, замечательного организатора. Его имя стоит в ряду славных имен самоотверженных борцов за коммунизм».

Будь Николай Алексеевич сегодня с нами, он как коммунист и гражданин испытал бы гордость за дела, свершенные советским народом под руководством ленинской партии в прошедшие два с лишним десятилетия.

Твердой поступью идет Советский Союз от рубежа к рубежу.

Залечив раны, нанесенные страшной, разрушительной войной, успешно выполнив не один пятилетний план, Советское государство превратилось в страну развитого социализма. Накопленный богатейший опыт социально-экономических и научно-технических преобразований позволяет нашей стране ставить и решать технико-экономические проблемы небывалых масштабов. Устремляя взгляд в будущее, Коммунистическая партия Советского Союза поставила в порядок дня вопрос о разработке долгосрочного плана, целью которого является решение важнейших экономических и социально-политических задач. Вспомним слова Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, произнесенные с трибуны исторического XXIV съезда нашей партии: «...встает вопрос о перспективном долгосрочном планировании развития народного хозяйства, опирающемся на прогнозы роста населения страны, потребностей народного хозяйства, научно-технического прогресса. При таком подходе, обеспечивающем постоянную увязку долгосрочных планов с пятилетними и годовыми, могут эффективнее решаться коренные проблемы нашего

развития»[1]. Госплан СССР, выполняя решения партии и правительства, опираясь на передовую советскую науку, определяет в разрабатываемом сегодня долгосрочном плане пути решения главнейшей из задач — создания материально-технической базы коммунизма.

В заключительных строках этого повествования хочется повторить слова Николая Алексеевича Вознесенского, произнесенные им на памятном заседании Государственной плановой комиссии в феврале 1941 года,— слова коммуниста, ученого и государственного деятеля: «Величие народа не в достижениях отдельных его представителей, как бы значительны они ни были. Величие народа — в общечеловеческой значимости цели, к которой он стремится. Наша цель известна. Ее мощно, на весь мир провозгласил Ленин. И символично, что коммунизм стал целью не одной какой-либо нации, а многонациональной семьи, имя которой — Советский Союз. Коммунизм для нас не мечта, а обозримое будущее — день, в который мы непременно вступим».

Всю свою жизнь коммуниста, весь свой талант ученого отдал Николай Алексеевич Вознесенский для того, чтобы приблизить этот озаренный гением Ленина день.

---

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1972, стр. 67.

Содержание

Колотов Василий Васильевич
НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Л. Б. Ястребов*
Младший редактор *А. С. Кочеткова*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *Е. И. Каржавина*

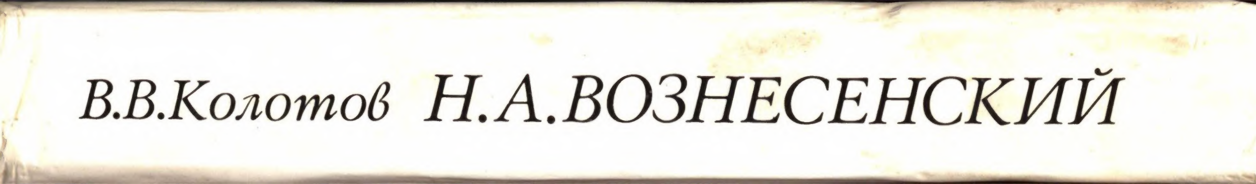
Сдано в набор 5 февраля 1974 г. Подписано в печать 15 мая 1974 г. Формат 70×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 15,93. Учетно-изд. л. 15,03. Тираж 200 000 (100 001—200 000) экз. А00140. Заказ № 3868. Цена 70 коп.

Политиздат. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

70 коп.

В.В.Колотов Н.А.ВОЗНЕСЕНСКИЙ